

СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МОСКОВСКАЯ АКАДЕМИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА
ИМЕНИ А.Я. СУХАРЕВА

**Применение уголовного и уголовно-
процессуального законодательства в практике
Следственного комитета Российской Федерации:
актуальные проблемы и рекомендации
по их решению**

Материалы III Всероссийской научно-практической конференции

(Екатеринбург, 20-21 мая 2026 года)

Москва, 2026

П76 Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекомендации по их решению: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 20-21 мая 2026 года). М.: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2026. – 170 с.

Редакционная коллегия

Вахмянина Н.Б., директор Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции

Быкова Е.Г., доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции

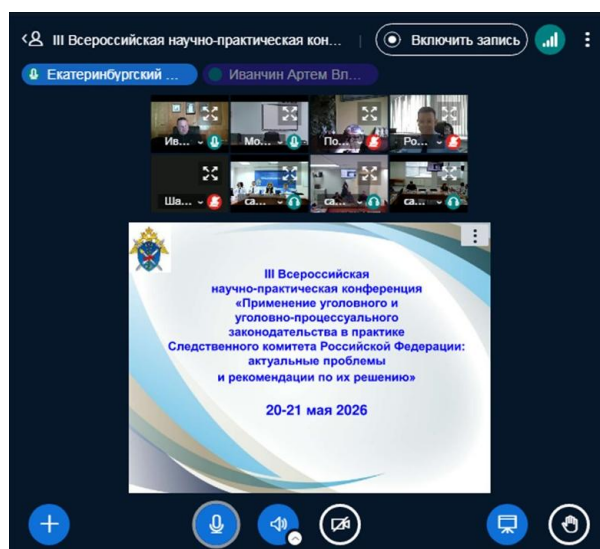
Казаков А.А., заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции

Нестерова И.Д., руководитель редакционно-издательского и информационно-библиотечного отдела Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, майор юстиции

Сборник включает в себя материалы, предоставленные участниками III Всероссийской научно-практической конференции, проведенной 20-21 мая 2026 года Екатеринбургским филиалом Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева. Форум объединил представителей ведущих вузов и сотрудников правоохранительных органов из различных регионов Российской Федерации. Материалы сборника могут представлять интерес для юристов – ученых и практиков.

Редакционная коллегия обращает внимание на то, что научные подходы, идеи и взгляды, изложенные в статьях сборника, отражают субъективные оценки их авторов. Статьи представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

III Всероссийская научно-практическая конференция «Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекомендации по их решению»

20 и 21 мая 2026 года в Екатеринбургском филиале Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева в смешанном формате состоялась III Всероссийская научно-практическая конференция «Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекомендации по их решению».

Конференция объединила на своей площадке более 230 ученых и практических работников, из которых 11 докторов наук, 34 кандидата наук.

Открыла конференцию директор Екатеринбургского филиала кандидат юридических наук, доцент полковник юстиции *Наталья Борисовна Вахмянина*, обозначив важность запланированных к обсуждению вопросов для совершенствования работы следственных органов и широкий охват участников мероприятия.

Ректор Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева доктор юридических наук, доцент, член-корреспондент Академии военных наук генерал-майор юстиции *Алексей Александрович Бессонов* в приветственном слове отметил, что за два года конференция утвердилась в качестве значимой дискуссионной площадки, на

которой осуществляется продуктивное взаимодействие теории и практики. «Острые проблемы реализации норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства подвергаются глубокому анализу с выработкой конкретных обоснованных рекомендаций по их решению», – констатировал он.

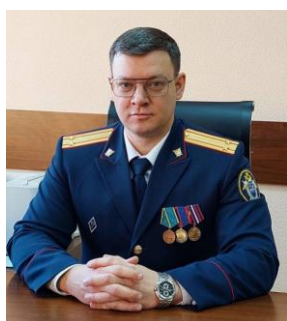

Ректор Ярославского государственного университета имени П.Г.Демидова, доктор юридических наук, профессор *Артём Владимирович Иванчин* в приветственном слове подчеркнул насыщенный характер программы конференции, которая предполагает обсуждение различных вопросов, относящихся к подследственности СК России – государственного органа, играющего позитивную роль в жизни страны и представляющего собой «белую кость правоохраны». По его мнению, такие авторитетные собрания

позволяют найти компромиссные позиции для решения сложных практических проблем.

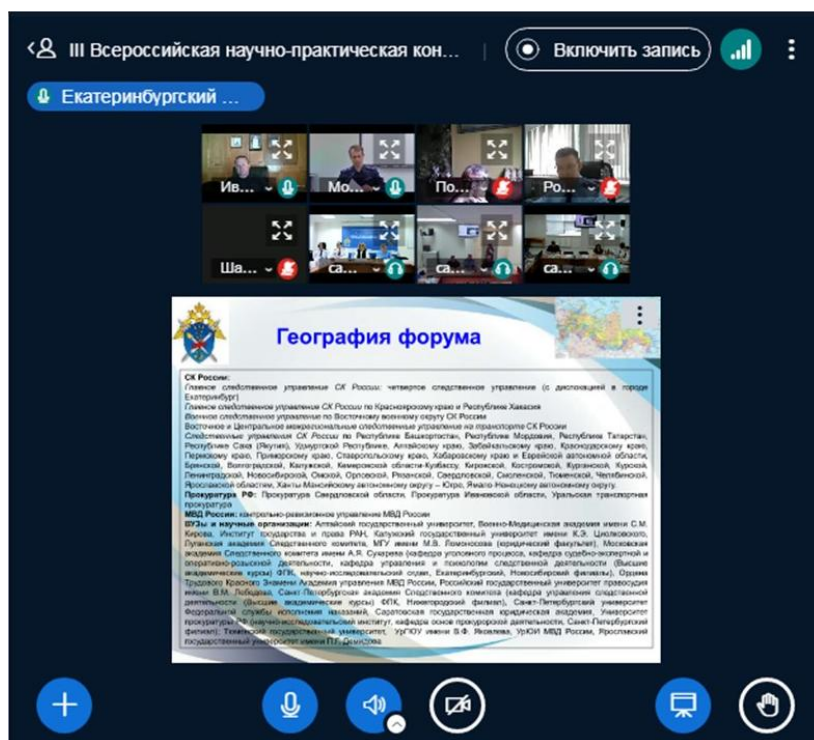
Руководитель следственного управления СК России по Ярославской области полковник юстиции *Александр Александрович Бессмельцев* указал, что состав участников конференции представляет собой успешный дуэт научных деятелей и практиков, который сегодня позволяет находить действенные решения в условиях неоднозначной практики в России. Он выразил уверенную надежду, что многие идеи, озвученные докладчиками, будут реализовываться в практике возглавляемого им подразделения.

Заместитель руководителя следственного управления СК России по Курганской области подполковник юстиции *Роман Иванович Щемелев* поблагодарил участников конференции, потративших время и силы на подготовку докладов, которые будут способствовать повышению профессионального мастерства сотрудников следственных органов.

Модераторами конференции выступили заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева кандидат юридических наук, доцент подполковник юстиции *А.А. Казаков* и доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева кандидат юридических наук, доцент полковник юстиции *Е.Г. Быкова*. Техническое сопровождение при организации и проведении форума осуществляли старший преподаватель кафедры криминалистики Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета

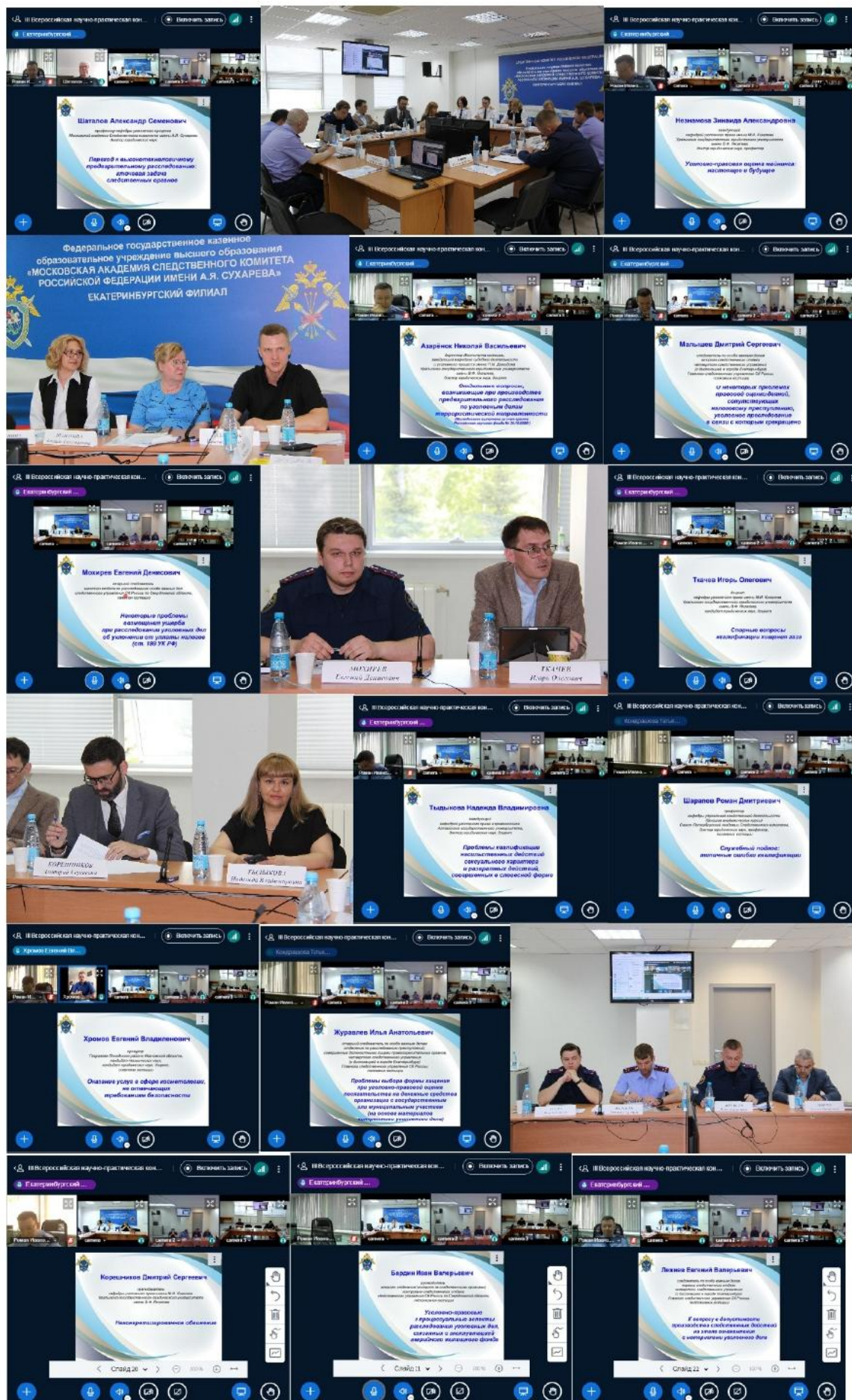
имени А.Я. Сухарева подполковник юстиции *А.К. Шеметов*, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева кандидат юридических наук, доцент подполковник юстиции *С.А. Яшков* и старший методист Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева кандидат педагогических наук, капитан юстиции *О.С. Алабужина*.

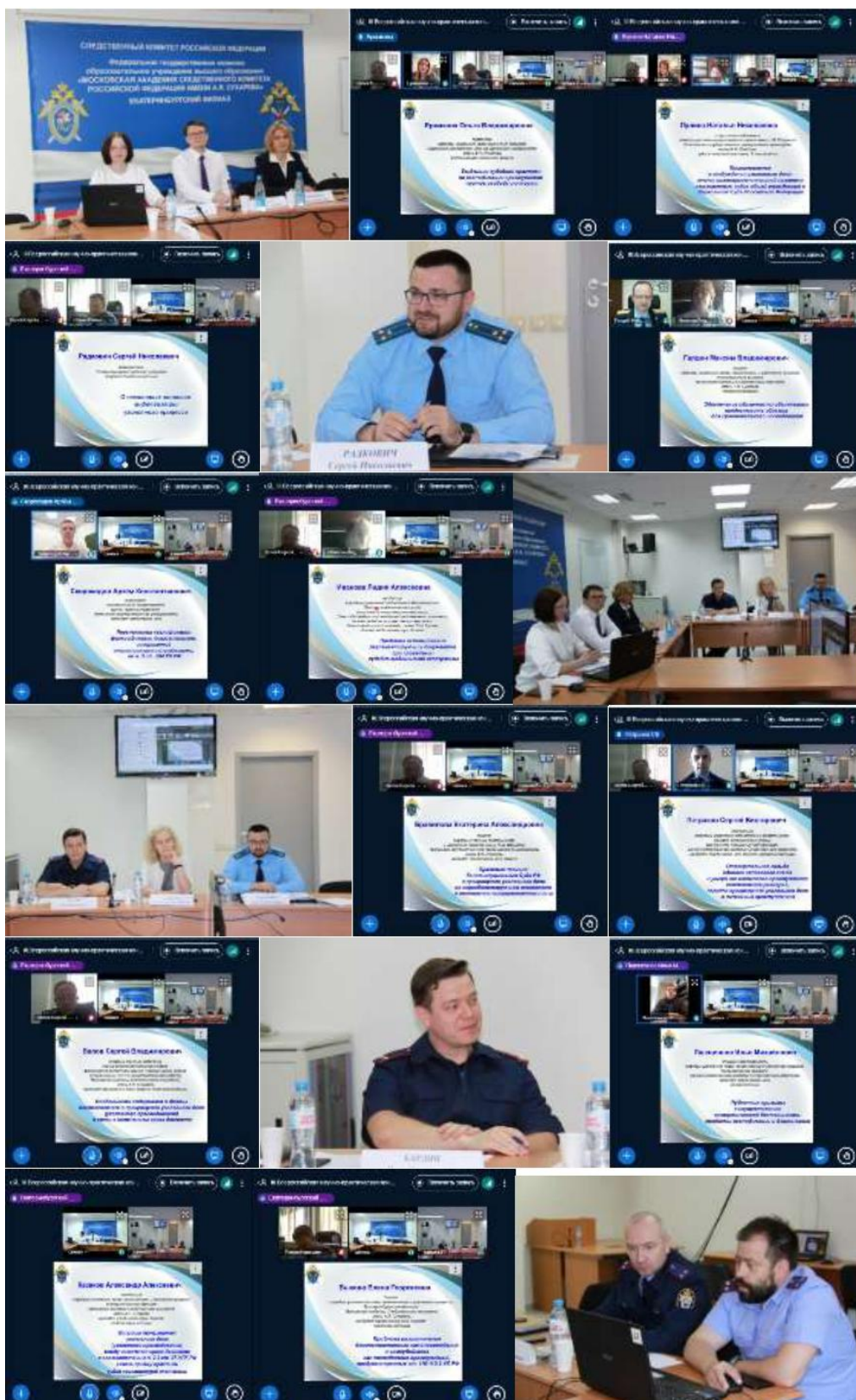
К мероприятию присоединились сотрудники четвертого следственного управления (с дислокацией в городе Екатеринбург) Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, главного следственного управления по Красноярскому краю и Республике Хакасия, военного следственного управления по Восточному военному округу, Восточного и Центрального межрегиональных следственных управлений на транспорте СК России, следственных управлений Следственного комитета Российской Федерации по Республике Башкортостан, Республике Мордовия, Республике Татарстан, Республике Саха (Якутия), Удмуртской Республике, Алтайскому краю, Забайкальскому краю, Краснодарскому краю, Пермскому краю, Приморскому краю, Ставропольскому краю, Хабаровскому краю и Еврейской автономной области, Брянской, Волгоградской, Калужской, Кемеровской области-Кузбассу, Кировской, Костромской, Курганской, Курской, Ленинградской, Новосибирской, Омской, Орловской, Рязанской, Свердловской, Смоленской, Тюменской, Челябинской, Ярославской областям, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре, Ямало-Ненецкому автономному округу, а также работники прокуратур Ивановской, Свердловской областей, Уральской транспортной прокуратуры, контрольно-ревизионного управления МВД России.

В дискуссии приняли участие представители Алтайского государственного университета, Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова, Института государства и права РАН, Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского, Луганской академии Следственного комитета, МГУ имени М.В. Ломоносова (юридического факультета), Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева (кафедры уголовного процесса, кафедры судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности, кафедры управления и психологии следственной деятельности (Высшие академические курсы) ФПК, научно-исследовательского отдела, Екатеринбургского, Новосибирского филиалов), Ордена Трудового Красного Знамени Академии управления МВД России, Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, Санкт-Петербургской академии Следственного комитета (кафедры управления следственной деятельности (Высшие академические курсы) ФПК, Нижегородского филиала), Санкт-Петербургского университета Федеральной службы исполнения наказаний, Саратовской государственной юридической академии, Университета прокуратуры РФ (научно-исследовательского института, кафедры основ прокурорской деятельности, Санкт-Петербургского филиала), Тюменского государственного университета, УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева, УрЮИ МВД России, Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова.

На конференции обсуждались проблемные вопросы уголовно-правовой оценки майнинга; деяний, сопутствующих налоговому преступлению; хищения газа; насильственных действий сексуального характера и развратных действий, совершенных в вербальной форме; служебного подлога; преступлений против свободы личности; фальсификации доказательств; выбора формы хищения государственного и муниципального имущества; оказания услуг в сфере косметологии, не отвечающих требованиям безопасности; публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности; разграничения демонстративного самоповреждения и самоубийства; применения норм уголовного законодательства в борьбе с терроризмом. Кроме того, в выступлениях рассматривались проблемы перехода к высокотехнологичному предварительному расследованию; цифровизации уголовного процесса; производства предварительного расследования по уголовным делам террористической направленности; расследования уголовных дел, связанных с эксплуатацией аварийного жилищного фонда; возбуждения уголовного дела; получения образцов для сравнительного исследования; использования регламентирующих документов при проведении судебно-медицинской экспертизы; неконкретизированного обвинения; возмещения ущерба при расследовании уголовных дел об уклонении от уплаты налогов; прекращения уголовного дела (уголовного преследования), в том числе с учетом ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ; допустимости производства следственных действий на этапе ознакомления с материалами уголовного дела.

20 мая 2026 года прозвучали доклады профессора кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева доктора юридических наук *А.С. Шаталова*, заведующего кафедрой уголовного права имени М.И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева доктора юридических наук, профессора *З.А. Незнамовой*, директора Института юстиции, заведующего кафедрой судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева доктора юридических наук, доцента *Н.В. Азарёнка*, заместителя Уральского транспортного прокурора старшего советника юстиции *С.Н. Радковича*, следователя по особо важным делам второго следственного отдела четвертого следственного управления (с дислокацией в городе Екатеринбург) Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, полковника юстиции *Д.С. Малышева*, старшего следователя шестого отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Свердловской области, капитана юстиции *Е.Д. Мохирева*, доцента кафедры уголовного права имени М.И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, кандидата юридических наук, доцента *И.О. Ткачева*, заведующего кафедрой уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета, доктора юридических наук, доцента *Н.В. Тыдыковой*, профессора кафедры управления следственной деятельности (Высшие академические курсы) факультета повышения квалификации Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, доктора юридических наук, профессора *Р.Д. Шарапова*, старшего следователя по особо важным делам отделения по расследованию преступлений, совершенных должностными лицами правоохранительных органов, четвертого следственного управления (с дислокацией в городе Екатеринбург) Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, полковника юстиции *И.А. Журавлева*, прокурора Гаврилово-Посадского района Ивановской области, кандидата технических наук, кандидата юридических наук, доцента, советника юстиции *Е.В. Хромова*, преподавателя кафедры уголовного права имени М.И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева *Д.С. Корешникова*, руководителя второго отделения (контроля за следственными органами) контрольно-следственного отдела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Свердловской области, подполковника юстиции *И.В. Бардина*, следователя по особо важным делам первого следственного отдела четвертого следственного управления (с дислокацией в городе Екатеринбург) Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, подполковника юстиции *Е.В. Лежнева*.

21 мая 2026 года выступили профессор кафедры уголовного права имени М.И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева доктор юридических наук, доцент *О.В. Ермакова*, старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, судья в почетной отставке *Н.Н. Лунина*, доцент кафедры уголовного права,

криминологии и уголовного процесса Новосибирского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева полковник юстиции *М.В. Галдин*, ассистент Академического департамента Школы права и управления Тюменского государственного университета, кандидат юридических наук *А.К. Скороходов*, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, кандидат юридических наук, доцент полковник полиции в отставке *Е.А. Бравилова*, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент полковник юстиции *С.В. Валов*, профессор кафедры управления следственной деятельности (Высшие академические курсы) факультета повышения квалификации Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, доцент кафедры акушерства и гинекологии Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова, доктор медицинских наук, доцент *Л.А. Иванова*, заведующий кафедрой управления следственной деятельности (Высшие академические курсы) факультета повышения квалификации Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук, доцент полковник юстиции *С.В. Петраков*, старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук, майор юстиции *И.М. Пшеничнов*, заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции *А.А. Казаков*, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева кандидат юридических наук, доцент полковник юстиции *Е.Г. Быкова*.

Проведение таких конференций способствует укреплению научно-практического взаимодействия и становится отправной точкой дальнейших исследований. По итогам работы форума сформулирована резолюция о применении ряда положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства и перечне вопросов, требующих дальнейшего углубленного теоретического осмысления.

Многие из предложенных на конференции практически значимых рекомендаций, которые могут быть использованы правоприменителями в досудебном и судебном производстве по уголовным делам, получили письменное отражение на страницах настоящего сборника.

*С уважением и благодарностью,
модераторы конференции Е.Г. Быкова и А.А. Казаков*

Резолюция
III Всероссийской научно-практической конференции
«Применение уголовного и уголовно-процессуального
законодательства в практике
Следственного комитета Российской Федерации:
актуальные проблемы и рекомендации по их решению»

Конференция организована и проведена в соответствии с пп. 5 п. 3 раздела 5 Плана научно-исследовательской деятельности Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева на 2026 год.

В результате обсуждения видится возможным предложить сотрудникам СК России принять во внимание следующие *разъяснения по различным вопросам применения уголовного и уголовно-процессуального закона*:

- действия майнеров при наличии к тому оснований могут быть оценены по ст. 165, 171, 198 или 199, ст. 285 или 286 УК РФ;

- при производстве предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях террористической направленности, принимая во внимание особое значение неотвратимости правосудия, следует тщательно осуществлять процессуальный контроль в целях исключения причин, которые могут повлечь возвращение уголовного дела прокурору, в том числе не по вине следователя (в частности, при необходимости обеспечивается проверка полноты перевода процессуальных документов, копии которых вручаются подозреваемому, обвиняемому);

- параллельно с расследованием уголовных дел, связанных с эксплуатацией аварийного жилья, стоит принимать меры к предоставлению помещений из маневренного фонда для незамедлительного обеспечения безопасности граждан, а также иным образом оказывать содействие пострадавшим;

- хищение имущества организаций с государственным или муниципальным участием одними и теми же лицами в рамках существующих реалий, когда в той или иной схеме задействовано несколько самостоятельных субъектов хозяйственной деятельности, может осуществляться в различных формах, что предполагает при наличии к тому оснований вменение совокупности преступлений (например, растраты и мошенничества), но в случае разграничения обвинения;

- наличие договора на поставку газа само по себе не может означать отсутствие признаков хищения этого имущества;

- содеянное при реализации определенных схем уклонения от уплаты налогов и совершении определенных сопутствующих и последующих действий может оцениваться при наличии к тому оснований не только по ст. 198, 199 УК РФ, но и ст. 174¹, 187, 327 УК РФ;

- при разграничении демонстративного самоповреждения и самоубийства как последствия преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, следует системно

оценивать заключение посмертной комплексной психолого-психиатрической экспертизы и сведения о предшествующих суициду событиях;

- при оценке действий лиц, оказывающих услуги в сфере косметологии, не отвечающие требованиям безопасности, видится верным разграничивать ст. 238 и 235 УК РФ по характеру деяния и причинно-следственной связи;

- вменение одним и тех же общественно опасных последствий при квалификации служебного подлога по ч. 2 ст. 292 УК РФ в условиях реальной совокупности со злоупотреблением должностными полномочиями или превышением должностных полномочий является ошибкой, в таких случаях первое из данных деяний должно оцениваться по ч. 1 ст. 292 УК РФ;

- для установления целевой направленности вербальных действий сексуального характера стоит назначать комплексную психолого-лингвистическую экспертизу;

- для вывода о наличии признаков ст. 280 УК РФ при размещении чужого материала необходимо доказывать, что лицо придало заимствованному материалу значение собственного обращения к аудитории;

- конкретизированное обвинение должно включать описание всех обязательных для данного состава признаков преступления и предполагать наличие возможности исчислить сроки давности, определить подследственность и подсудность дела;

- уголовное дело о налоговом преступлении в случае существенного возмещения ущерба в определенной части и наличия объективных препятствий к погашению оставшейся суммы может быть прекращено при наличии дополнительных условий в связи с деятельным раскаянием;

- при реализации положений ст. 28¹ УПК РФ должна приниматься во внимание установленная именно следствием сумма ущерба, причиненная в результате совершения расследуемого налогового преступления, а не совокупная задолженность налогоплательщика по уплате налогов, учитываемая налоговым органом в рамках единого налогового счета;

- исчисление предусмотренных ч. 2² ст. 27 УПК РФ предельных сроков для направления дела в суд в строго определенных ситуациях (при условии поддержки данной позиции в региональной практике) допустимо также осуществлять с момента: 1) принятия возвращенного уголовного дела в соответствии со ст. 237 УПК РФ к производству; 2) возбуждения уголовного дела;

- производство следственных действий на этапе ознакомления с материалами уголовного дела по инициативе следствия и указанию руководителя следственного органа не противоречит закону, однако требуется учитывать допустимость реализации данного подхода в региональной практике.

Детальной научной разработки требуют вопросы:

- разработки и внедрения единых стандартов работы с электронными (цифровыми) доказательствами в деятельности следователей СК России и создания механизмов верификации их аутентичности; интегрирования электронного документооборота и автоматизации процессов в следственную

практику для повышения эффективности предварительного расследования и сокращения временных затрат (пп. 7, 12, 15 п. 8, п. 12 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований, рассмотренных и утвержденных на заседании Ученого совета Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева (протокол заседания от 21.11.2025 г. № 12)¹;

- уголовно-правовой оценки незаконного майнинга, в том числе с учетом предстоящих изменений уголовного закона (его дополнения ст. 171⁶ и 171⁷ УК РФ) (пп. 15 п. 22 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований);

- обобщения типичных нарушений уголовно-процессуального закона, допускаемых при производстве предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях террористической направленности (возможно дополнение этим вопросом п. 19 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований);

- квалификации похищения, когда изъятие потерпевшего осуществляется путем обмана или с использованием беспомощного состояния (возможно дополнение этим вопросом п. 23 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований);

- оценки хищения государственного и муниципального имущества в рамках применяемых преступных схем (пп. 12 п. 21 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований);

- квалификации действий лиц, не являющихся специальными субъектами фальсификации доказательств, направленных на искажение сведений о фактах, имеющих значение для дела (возможно дополнение этим вопросом п. 3 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований);

- определения случаев, когда является излишним назначение судебной лингвистической экспертизы по уголовным делам о преступных вербальных действиях сексуального характера (пп. 2 п. 5, пп. 7, 8 п. 25 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований);

- принятия процессуальных решений о возбуждении уголовного дела по факту и в отношении конкретного лица (п. 13 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований);

- элементов конкретизированного обвинения, в том числе с учетом обеспечения права лица на защиту (возможно дополнение этим вопросом п. 7 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований);

- пределов применения принуждения при получении образцов для сравнительного исследования (пп. 6 п. 7 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований);

- установления дефектов оказания медицинской помощи в ситуациях, когда присутствуют противоречия в документах, определяющих порядок ее

¹ Далее по тексту – Перспективные (приоритетные) направления научных исследований.

осуществления (пп. 3 п. 8 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований);

- поиска единообразия в вопросах межведомственного электронного взаимодействия между СК России, прокуратурой РФ, МВД России и судами (п. 12, пп. 8, 9 п. 17, пп. 6 п. 18 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований);

- взаимодействия следственных и налоговых органов по вопросам возмещения ущерба, причиненного бюджетной системе РФ (пп. 6 п. 14 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований);

- определения критериев прекращения уголовного дела в связи с истечением сроков давности в случае неустановления лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности (п. 13, пп. 1 п. 18 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований);

- процессуального порядка прекращения уголовного преследования, предусмотренного ч. 2² ст. 27 УПК РФ (п. 13, пп. 1 п. 18 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований);

- изложения постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с истечением сроков давности (п. 13, пп. 1 п. 18 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований);

- процессуальной регламентации окончания предварительного следствия (пп. 3 п. 11 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований)

- введения ведомственной системы онлайн-мониторинга правоприменительных проблем с приложением к информационным карточкам описания сложностей заключений экспертного сообщества, состоящего из представителей ведомственных образовательных учреждений (возможно дополнение этим вопросом п. 26 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований).

По итогам форума участники пришли к консолидированному мнению о том, что:

- его проведение актуально и своевременно, поскольку соответствует потребностям сотрудников СК России в решении проблем применения уголовного и уголовно-процессуального законов;

- ряд сформулированных рекомендаций с учетом положений действующего уголовного и уголовно-процессуального законов могут быть использованы в практике СК России;

- проблемы, требующие теоретического осмысления, предполагают необходимость дальнейшей разработки в рамках имеющихся Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований.

*20-21 мая 2026
г. Екатеринбург*

Уголовно-правовые и процессуальные аспекты расследования уголовных дел, связанных с эксплуатацией аварийного жилищного фонда

Аннотация. В статье на основе анализа следственно-судебной практики рассматриваются уголовно-правовые и процессуальные аспекты расследования дел, связанных с эксплуатацией аварийного жилищного фонда (без учёта случаев обрушений зданий). Выделены наиболее характерные составы преступлений: халатность (ст. 293 УК РФ) при несвоевременном признании дома аварийным и длительном нерасселении; превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) при предоставлении жилья лицам, не состоящим на учёте; мошенничество (ст. 159 УК РФ) при хищении бюджетных средств через фиктивные контракты; получение взятки (ст. 290 УК РФ) за заключение контрактов на расселение. Приведены конкретные примеры. Отмечены типичные поводы к возбуждению уголовных дел, сложности доказывания причинно-следственной связи и установления ответственных лиц, а также внепроцессуальная деятельность следствия по восстановлению прав потерпевших (предоставление маневренного жилья).

Ключевые слова: восстановление прав потерпевших, аварийное жилье, халатность, превышение должностных полномочий, мошенничество, получение взятки

В СК России на постоянной основе ведется работа, направленная на обеспечение общественной безопасности и защиту законных интересов граждан. Так, особое внимание уделяется вопросам соблюдения прав жильцов аварийных домов, о чём неоднократно в своих выступлениях подчеркивает Председатель Следственного комитета Российской Федерации Александр Иванович Бастрыкин. В частности, глава ведомства заявил, что несоблюдение прав граждан в этой сфере ведет к выраженному социальному недовольству и справедливому общественному возмущению, а также, что использование мер уголовно-процессуального характера позволяет принципиально отстаивать права граждан, в том числе социально уязвимых категорий, участников СВО и членов их семей¹.

Следует отметить, что расселение аварийного жилья осуществляется в рамках федерального проекта «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда» национального проекта «Жилье и городская среда». Всего по федеральному проекту необходимо

¹ Чужой беды не бывает. В Следственном комитете обсудили защиту прав жильцов аварийных домов. URL: <https://rg.ru/2025/04/02/shatkie-steny.html> (дата обращения: 02.05.2026).

расселить около 10 млн кв. м. аварийного жилья, улучшить жилищные условия свыше 560 тыс. граждан¹.

Проблема аварийного жилищного фонда носит системный характер. Десятки тысяч домов признаны аварийными и непригодными для проживания, но люди не расселены. Отчасти это связано с неисполнением или ненадлежащим исполнением своих обязанностей различными должностными лицами. Отчасти причиной послужила коррупционная составляющая – хищения ежегодно выделяемых многомиллиардных ассигнований из федерального и региональных бюджетов на реализацию программ расселения.

В связи с изложенным представляется актуальным обозначить уголовно-правовые и процессуальные аспекты расследования уголовных дел, связанных с эксплуатацией аварийного жилищного фонда. При этом следует оговорить, что в предмет исследования не включены случаи обрушений зданий, повлекшие гибель людей или причинение вреда здоровью.

Основой исследования послужил анализ следственно-судебной практики расследования уголовных дел названной категории.

Обобщение следственно-судебной практики показало, что преступления в анализируемой сфере характеризуются вариативными способами их совершения, а также наступлением различных негативных последствий, включая причинение ущерба не только потерпевшим – физическим лицам, но и интересам общества и государства. Анализ обвинительных заключений, а в ряде случаев и приговоров, позволил выделить наиболее характерные ситуации, которые приведены ниже с указанием квалификации действий виновных лиц.

1. Действия ответственного должностного лица по несвоевременному признанию дома аварийным при наличии неоднократных обращений граждан квалифицированы по ст. 293 УК РФ (халатность).

Систематические жалобы жильцов, оставшиеся без должного реагирования со стороны должностного лица, прямо указывают об осведомленности последнего о наличии проблемы, для решения которой оно не предприняло должных действий в рамках своих полномочий.

Так, в производстве Нижнесергинского межрайонного следственного отдела следственного управления по Свердловской области находилось уголовное дело по обвинению главы Кленовского сельского поселения в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 УК РФ.

В ходе следствия установлено, что указанный субъект, являясь должностным лицом, в период с 23.10.2015 по 22.05.2025, достоверно зная, что конкретная квартира находится в реестре муниципальной собственности и непригодна для проживания (что подтверждалось его личным участием в двух обследованиях указанной квартиры), бездействовал: не оформил право собственности, не признал жилье непригодным, не поставил потерпевших на учет нуждающихся в благоустроенном жилье и не переселил их. В результате длительного бездействия были существенно нарушены конституционные права граждан на жилище и безопасные условия проживания, а также не достигнуты цели

¹ URL: <https://фпгт.рф/napravleniya/pereselenie/> (дата обращения: 02.05.2026).

региональной программы переселения из аварийного жилья, что подорвало деятельность и авторитет органа местного самоуправления.

Уголовное дело направлено в суд, где прекращено в связи с истечением сроков давности уголовного преследования¹.

2. Действия ответственного должностного лица по длительному нерасселению аварийного дома квалифицированы по ст. 293 УК РФ (халатность).

В производстве первого отдела по расследованию особо важных дел следственного управления по Алтайскому краю находилось уголовное дело по обвинению заместителя главы администрации Бийского района – начальника управления по ЖКХ в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 УК РФ.

Установлено, что он с 2014 по 2021 год, будучи ответственным за организацию управления муниципальным жилищным фондом, не принял никаких мер к выбору управляющей организации для многоквартирного дома в пос. Боровой. В нарушение требований ЖК РФ и правил, регламентирующих проведение открытого конкурса по отбору управляющей организации, указанный субъект не обеспечил заключение договора на управление, содержание и ремонт общего имущества дома, хотя иной способ управления собственниками также выбран не был. Из-за отсутствия должного управления общее имущество дома не ремонтировалось, его естественный износ ускорился, и к 2018 году дом пришел в состояние, не обеспечивающее безопасность жизни и здоровья граждан. Межведомственная комиссия под руководством обозначенного должностного лица 30.03.2018 признала дом аварийным и подлежащим расселению, но и после этого он не организовал даже временного управления домом на период до расселения, что усугубило его техническое состояние и создало угрозу для проживающих.

Помимо отсутствия соответствующего управления заместитель главы администрации Бийского района не принял иных предусмотренных законом мер: не расторг договоры найма помещений маневренного фонда, не организовал выкуп жилья у собственников, не заложил средства на расселение в бюджет, не обратился за краевым финансированием, а вместо реальных действий создал видимость работы – предложил жильцам непригодные для проживания помещения в бывшем общежитии и переложил обязательства на сельскую администрацию, не имевшую ресурсов. В результате длительного бездействия жильцы дома вынуждены были самостоятельно искать жилье или продолжать проживать в аварийных условиях, что грубо нарушило их конституционные права на безопасное жилище.

Вступившим в законную силу приговором суда от 16.05.2023 виновному лицу назначено наказание в виде исправительных работ на срок 10 месяцев с удержанием из заработной платы осужденного ежемесячно 10 % в доход государства².

¹ Архив СК России.

² Архив СК России.

3. Нарушения, допущенные при определении начальной (максимальной) цены контракта посредством применения метода сопоставимых рыночных цен (анализа рынка), квалифицированы по ст. 293 УК РФ (халатность).

В производстве Гиагинского межрайонного следственного отдела следственного управления по Республике Адыгея находилось уголовное дело по обвинению заместителя главы администрации Дмитриевского сельского поселения в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 УК РФ.

В ходе следствия установлено, что указанное должностное лицо, будучи ответственным за организацию закупок жилья, с 2022 по 2025 год неоднократно халатно подходило к исполнению вступившего в силу судебного решения о предоставлении семье благоустроенного жилья взамен непригодного. Он лично определял начальную (максимальную) цену контрактов для аукционов, используя заведомо необъективные и устаревшие источники (всего три объявления с «Авито» без проверки), игнорируя нормативную и реальную рыночную стоимость квадратного метра, которая была в 2–3 раза выше. В результате цена каждый раз устанавливалась на существенно заниженном уровне, аукционы признавались несостоявшимися из-за отсутствия заявок, а указанное должностное лицо мер к корректировке цены или изменению подхода не принимало. Вследствие такого длительного бездействия (с декабря 2021 года по январь 2026 года) жилое помещение семье не предоставлено, что грубо нарушает их конституционные права на жилище и безопасные условия проживания, создает угрозу жизни и здоровью.

Уголовное дело окончено в январе 2026 года и в настоящее время рассматривается судом по существу (на 02.04.2026)¹.

4. Желание приукрасить положение дел квалифицировано по ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий).

В производстве Вельского межрайонного следственного отдела следственного управления по Архангельской области и Ненецкому автономному округу находилось уголовное дело по обвинению начальника управления строительства и инфраструктуры администрации Устьянского района в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ.

В ходе следствия установлено, что указанное должностное лицо издало приказ и заключило договор социального найма на квартиру с гражданином, который в установленном порядке не состоял на учете в качестве нуждающегося в жилье и не был признан малоимущим. Действуя из иной личной заинтересованности (желание приукрасить положение дел и повысить свой статус), должностное лицо превысило должностные полномочия, поскольку предоставление муниципального жилья по договору соцнайма возможно только лицам, состоящим на учете.

В результате существенно нарушены права граждан, состоящих в очереди на улучшение жилищных условий (в том числе имеющих судебные решения о предоставлении жилья), а также подорван авторитет органа местного

¹ Архив СК России.

самоуправления. Решением суда приказ и договор признаны недействительными, гражданин с семьей подлежит выселению.

Вступившим в законную силу приговором суда от 06.07.2023 виновному лицу назначено наказание в виде штрафа в размере 40 000 рублей¹.

5. Хищение бюджетных средств, выделенных в целях строительства жилья для расселения жителей аварийных домов, квалифицировано по ст. 159 УК РФ (мошенничество).

Одной из основных проблем в вопросах расселения жителей аварийных домов является недостаток финансирования соответствующих расходов. В этой связи особое внимание следует уделять вопросам формирования цены контрактов, а также исследованию обстоятельств расходования муниципальными образованиями бюджетных средств. Результаты расследования ряда преступлений выявили характерные обстоятельства, способствовавшие хищению бюджетных средств, направленных на расселение граждан, проживающих в аварийных жилых домах.

Наиболее распространено умышленное искажение проектной и иной документации, необходимой для последующего ввода в эксплуатацию жилых помещений, в целях обоснования завышенной стоимости или сокрытия недостатков строительства.

Так, приговором Беловского городского суда Кемеровской области директор ряда строительных организаций осужден по 19 эпизодам преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ, к 4 годам лишения свободы условно.

В ходе следствия установлено, что в период с 2014 по 2017 год на территории Кемеровской области действовала организованная преступная группа (ОПГ) в составе: директора ряда коммерческих организаций, технического директора этих же фирм, а также муниципальных служащих – директора МКУ «ОКС» Гурьевского района и директора МБУ «УКС» Беловского городского округа. Участники группы вступили в сговор не позднее 01.10.2014 с целью хищения бюджетных средств путём обмана. Схема состояла в заключении заведомо незаконных муниципальных контрактов на выполнение работ по устройству наружных инженерных сетей и благоустройству территории к жилым домам. Данные работы уже являлись обязательной частью коммерческого строительства, которое осуществляли подконтрольные организации. Должностные лица обеспечивали проведение фиктивных аукционов, допуск к ним нужных фирм, подписание актов выполненных работ и перечисление бюджетных денег.

В результате преступных действий участникам ОПГ удалось похитить средства муниципальных образований: в Гурьевском районе – более 6,44 млн руб., в Беловском городском округе – более 1,01 млн руб. Деньги переводились на расчётные счета подконтрольных организаций, в том числе через уступку прав требования третьим лицам².

¹ Архив СК России.

² Архив СК России.

6. Действия должностного лица квалифицированы по ч. 6 ст. 290 УК РФ (получение взятки).

К способам совершения преступления относится искусственное создание ответственными должностными лицами условий для допуска к участию в аукционах исключительно «аффилированных» подрядчиков.

В 2025 году в суд для рассмотрения по существу направлено уголовное дело по обвинению главы городского округа Дегтярск Свердловской области в совершении преступлений, предусмотренных ч. 6 ст. 290, ч. 6 ст. 290, ч. 5 ст. 290 УК РФ, по факту получения взяток от застройщика за заключение муниципальных контрактов на приобретение жилья для расселения аварийного фонда. По результатам рассмотрения уголовного дела в суде указанное лицо осуждено, назначено наказание в виде 10 лет лишения свободы. Кроме того, уголовные дела в отношении лица, давшего взятку, а также посредника в ее передаче, направлены в суд, вынесены обвинительные приговоры¹.

В подобных ситуациях также важно определять, за что получена взятка – за действия, входящие в служебные полномочия должностного лица заказчика, либо за способствование в силу должного положения таким действиям (бездействию), или за незаконные действия (бездействие), либо за общее покровительство или попустительство по службе. Распространенная версия стороны защиты о том, что полученные должностным лицом ценности являются возвратом долга или спонсорской помощью заказчику, должна быть обязательно проверена².

Как правило, поводами к возбуждению данных уголовных дел являются сообщения, полученные из иных источников (публикации в СМИ, информация в социальных сетях), или заявления граждан по результатам их личных приемов. В более редких случаях ими выступают постановления прокуроров (п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ) по итогам соответствующих проверок.

Ключевое значение в доказывании вины по таким делам имеет подтверждение прямой причинно-следственной связи между бездействием должностных лиц и нарушением прав граждан. Кроме того, определение сложности на практике вызывает установление конкретных ответственных субъектов.

Следует отметить и внепроцессуальную деятельность органов следствия, направленную на восстановление прав потерпевших. Параллельно с расследованием принимаются меры к предоставлению жилья из маневренного фонда для незамедлительного обеспечения безопасности граждан, а также иным образом оказывается содействие пострадавшим. В частности, по инициативе уже упомянутого Нижнесергинского межрайонного следственного отдела 27.05.2025 межведомственной комиссией администрации Бисертского

¹ Архив СК России.

² Быкова Е.Г. Об ответственности представителей заказчика за получение незаконного вознаграждения от участника закупки за действия (бездействие) до момента заключения контракта // На страже закона. 2025. № 1 (9). С. 35.

муниципального округа жилое помещение заявителя признано непригодным, потерпевшему предоставлено жилье из маневренного фонда¹.

Литература

Быкова Е.Г. Об ответственности представителей заказчика за получение незаконного вознаграждения от участника закупки за действия (бездействие) до момента заключения контракта // На страже закона. 2025. № 1 (9). С. 27-36.

Е.Г. Быкова

Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Проблема разграничения демонстративного самоповреждения и самоубийства как последствия преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ

Аннотация. В статье представлены результаты изучения процессуальных решений, принятых после проверки сообщения о завершенном или незавершенном суициде. В ситуациях, когда лицо выжило и сообщило, что причины, послужившие основой для принятия такого решения, не обусловлены доведением до самоубийства, склонением или содействием самоубийству, преступное событие отсутствует. Если в результате самоповреждения человек скончался, рекомендуется тщательно выяснять причины принятия решения о самоубийстве, назначая судебную психолого-психиатрическую экспертизу, и оценивая ее заключение с учетом всей совокупности обстоятельств происшествия.

Ключевые слова: самоповреждение, суицид, доведение до самоубийства, демонстративные действия, способ, причинная связь

Сотрудники СК России обязаны в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, проводить проверку полученного из любых источников сообщения об обнаружении трупа, в том числе с признаками самоубийства, а также поступившего из медицинской организации в порядке межведомственного взаимодействия² сообщения об оказании медицинской помощи лицам, предпринявшим попытку лишить себя жизни. Кроме того, Председатель СК России А.И. Бастрыкин указывает на необходимость возбуждения уголовных дел по фактам подростковых суицидов для

¹ Архив СК России.

² Порядок информирования медицинскими организациями органов внутренних дел в случаях, установленных п. 5 ч. 4 ст. 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», утв. Приказом Минздрава России от 24.06.2021 № 664н // СПС КонсультантПлюс.

объективной и всесторонней проверки следственным путем посягательств всех обстоятельств происшествия¹.

В литературе справедливо отмечается, что «крайне сложно установить, по каким причинам потерпевший решился на самоубийство, пришел ли человек к данному решению самостоятельно или на него повлияли действия другого лица»². Вместе с тем ответ на этот вопрос позволяет очертить границу между уголовно наказуемыми деяниями, ответственность за которые предусмотрена в ст. 110-110² УК РФ, и отсутствием события этих преступлений.

При осуществлении процессуальной деятельности, направленной на решение обозначенной задачи, правоприменителям нужно учитывать, что цель самоубийства – лишение себя жизни. Правоведы отмечают, что в большинстве случаев это акт сознательного действия, обусловленный совокупностью внешних факторов и внутренних установок³, и делают акцент на том, что жертва самоубийства понимает характер и значение совершаемых с собой действий⁴. В этой связи необходимо уделять внимание проверке различных версий, в том числе об имитации самоубийства, когда лицо совершает демонстративные действия без намерения причинить себе смерть⁵.

В литературе высказывается мнение, что термины «самоубийство» и «суицид» не являются синонимами, т.к. «под суицидом понимается психическое заболевание, характерное для лиц, страдающих явными расстройствами психики и склонными к депрессивному состоянию»⁶. Лица, у которых имеется указанное расстройство, способны к импульсивному поведению, беспричинному нанесению себе повреждений.

Специалисты относят к факторам риска суицидоопасного поведения социально-демографические (низкий уровень культурной и социальной (коммунально-бытовой) жизни, социальная изоляция и т.д.), психологические (тенденции к агрессии, враждебности или импульсивности, безнадежность, переживание себя как бремени для семьи, низкая самооценка, перфекционизм, отсутствие религиозных или моральных ограничений против самоубийства, размытость половой самоидентификации), клинические (депрессивные,

¹ В Следственном комитете Российской Федерации состоялось оперативное совещание по вопросам принятия процессуальных решений о прекращении уголовных дел (24.03.2026) // URL: <http://sledcom.ru/press/events/item/2072455/> (дата обращения: 04.05.2026).

² Нигматуллин М.Р. Домашнее насилие как причина доведения до самоубийства // Виктимология. 2020. № 2 (24). С. 22.

³ Романовский Г.Б. О праве на самоубийство // Гражданин и право. 2016. № 8. С. 30.

⁴ Шарапов Р.Д. Квалификация преступлений, связанных с вовлечением в самоубийство и иное опасное для жизни поведение // Уголовное право. 2017. № 6. С. 79.

⁵ Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. С. 351.

⁶ Красковский Я.Э., Яшин Н.А. К вопросу о криминологической обусловленности уголовной ответственности за преступления, связанные с суицидом // Современное право. 2019. № 6 // СПС КонсультантПлюс.

тревожные симптомы, употребление психоактивных веществ и алкоголя, хронические соматические заболевания (особенно с ограничением повседневного функционирования и хроническим болевым синдромом))¹.

Все эти факторы надлежит исследовать в ходе процессуальной деятельности, направленной на установление причины самоубийства или покушения на него. Нужно понимать, что если лицо решается лишить себя жизни только под их влиянием, то событие какого-либо преступления отсутствует.

Демонстративное самоповреждение не может рассматриваться в качестве общественно опасного последствия деяния, предусмотренного соответствующей частью ст. 110 УК РФ. Преступным является доведение до самоубийства способами, перечисленными в этой статье уголовного закона, если под их воздействием потерпевший принимает решение о лишении себя жизни.

Целевая направленность демонстративного самоповреждения иная. Лицо либо не желает лишать себя жизни, либо принимает импульсивное решение под влиянием внутренних переживаний и (или) внешних событий, не связанных с доведением до самоубийства, склонением или содействием самоубийству, либо деятельностью, направленной на побуждение к самоубийству.

Если лицо, совершившее самоповреждение, выжило, то установление цели таких действий особых сложностей не представляет.

Так, женщина предприняла попытку самоубийства после того, как была несколько раз застигнута при совершении кражи продуктов из магазина. Согласно выписному эпикризу выписки из истории болезни ее поведение оценено медиками как суицид (демонстративно-шантажное поведение) и указано, что она страдает органическим психическим расстройством в связи со смешанными заболеваниями. После окончания лечения она обратилась в суд с иском к магазину о защите чести, достоинства, взыскании морального вреда. В обоснование иска указывала на ухудшение своего морального состояния в связи с необоснованными, по ее мнению, обвинениями². В данной ситуации не усматривается признаков доведения до самоубийства. Факт совершения женщиной мелких хищений из магазина нашел подтверждение.

В другом случае мужчина, отбывающий наказание в исправительной колонии, нанес себе множественные поверхностные резаные раны на внутренней поверхности левого предплечья, в связи с чем был доставлен в хирургическое отделение больницы. Ему оказали медицинскую помощь, последствий для здоровья не наступило. При проведении служебной проверки сотрудниками ФСИН России установлено, что этот осужденный состоит на учете как склонный к совершению суицида и членовредительства. Причиной происшествия послужили: демонстративно-шантажное поведение осужденного,

¹ Ганузин В.М. Связь между жестоким обращением, буллингом, виктимизацией, суицидальными мыслями и попытками самоубийства среди детей и подростков // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2025. Т. 25. № 4. С. 94.

² Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.06.2020 № 88-12016/2020 // СПС КонсультантПлюс.

его личные особенности, в частности психические отклонения, выражение явного неуважения к администрации, привлечение внимания других осужденных с целью поддержания провокационных действий, поднятие своего мнимого авторитета¹.

При обобщении материалов доследственных проверок встретились случаи, когда женщины, не желая лишать себя жизни, допускали самоповреждение с целью воздействия на партнера, который принял решение о расставании².

Примечательны мотивы попыток самоубийства несовершеннолетних. Так, одиннадцатилетний ребенок, совершивший такие действия, при опросе пояснил свое решение общей неудовлетворенности жизнью, контролем поведения со стороны отца и мачехи, нежеланием учиться. Каких-либо незаконных действий в отношении него не совершалось³. Шестнадцатилетняя девушка попыталась совершить самоубийство после ссоры с матерью. В ходе доследственной проверки она пояснила, что просто хотела напугать маму, чтобы она ее больше не ругала. При этом девочка утверждала, что ее никто не унижает, над ней не издеваются, угрозы не высказывают⁴.

В случаях, когда лицо совершило демонстративное самоповреждение, которое привело к смерти, установить целевую направленность таких действий значительно сложнее. Особую трудность представляют ситуации, когда самоубийству предшествовали конфликты погибшего с кем-либо.

Для установления причинно-следственной связи между действиями лица, являющегося оппонентом погибшего в конфликте, и наступившими последствиями, рекомендуется использовать специальные познания, для чего назначать психолого-психиатрическую (в том числе посмертную) экспертизу⁵. Одна из причин ее назначения – проверка версии о самоубийстве (без признаков уголовно наказуемого деяния) и установление психического состояния суицидента в период, предшествовавший самоубийству⁶.

¹ Решение Куйбышевского районного суда города Иркутска от 28.12.2022 № 2а-2703/2022~М-2752/2022 // СПС КонсультантПлюс.

² См.: постановления об отказе в возбуждении уголовного дела от 23.01.2025 № 8пр-2025, 19.02.2025 № 21пр-25, 26.03.2025 № 229пр-25 // Архив Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

³ Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 07.06.2024 № 208пр-24 // Архив Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

⁴ Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 01.08.2025 № 135пр-25 // Архив Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

⁵ Квалификация отдельных преступлений против жизни: убийств и деяний, влекущих самоубийство: учеб. пособие / Е.Г. Быкова, С.А. Яшков. Екатеринбург: ООО Универсальная Типография «Альфа Принт», 2020. С. 135.

⁶ Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н. Деятельность, направленная на побуждение детей к суицидальному поведению: возможности судебно-психологической экспертизы // Психология и право psyandlaw.ru. 2017. Том 7. № 2. С. 35-36.

Результат оценки заключения названной экспертизы в совокупности с иными обстоятельствами дела может свидетельствовать, что самоубийство носило спонтанный характер, и решение принято лицом не по причине сильного переживания конфликта, а импульсивно и показательно.

При обобщении правоприменительной практики встретилось несколько примеров, когда причиной самоубийства стало переживание по поводу разлада в личных отношениях¹. Примечательно, что в ряде случаев мужчины применяли к женщинам, совершившим впоследствии суициды, насилие (данным фактам дана отдельная правовая оценка). Однако эти мужчины оправданы по ст. 110 УК РФ в связи с отсутствием причинно-следственной связи как обязательного признака этого преступления. Суды учли, что женщины, не будучи зависимыми от своих обидчиков, прерывали и вновь возобновляли отношения с ними по собственной инициативе, т.е. не находились в ситуации безысходности. В заключениях посмертных психолого-психиатрических экспертиз (судя по изученным судебным актам) содержатся выводы, что основной причиной принятия каждой из женщин решения о суициде стала их повышенная эмоциональность. В каждом случае установлено, что на момент лишения себя жизни женщины находились в состоянии алкогольного опьянения. Каждая из женщин предупреждала своего партнера о намерении совершить эти действия, выдвигала определенные требования (например, помириться)².

По итогам проведенного обобщения материалов правоприменительной практики можно рекомендовать следователям предпринимать все возможные меры для установления причины самоповреждения лица, в том числе повлекшего его смерть. С этой целью желательно назначать психолого-психиатрические экспертизы и оценивать их заключения с учетом иных обстоятельств происшедшего. Наличие у погибшего конфликтов с кем-либо не всегда свидетельствует о том, что в отношении него совершено доведение до самоубийства, склонение или содействие самоубийству. В ряде случаев решение лица о лишении себя жизни является способом манипулирования.

Литература

1. Ганузин В.М. Связь между жестоким обращением, буллингом, виктимизацией, суицидальными мыслями и попытками самоубийства среди

¹ См.: постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 31.12.2024 № 231пр-24 // Архив Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева; решение Дальнеконстантиновского районного суда Нижегородской области от 06.11.2025 № 2-229/2025 // СПС КонсультантПлюс.

² См.: апелляционное определение Архангельского областного суда от 26.03.2025 № 22-832/2025, апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 31.07.2018 № 22-4564/2018, апелляционное постановление Верховного суда Республики Татарстан от 18.08.2015 № 22-4924/2015 // СПС КонсультантПлюс.

детей и подростков // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2025. Т. 25. № 4. С. 92–106.

2. Квалификация отдельных преступлений против жизни: убийств и деяний, влекущих самоубийство: учеб. пособие / Е.Г. Быкова, С.А. Яшков. Екатеринбург: ООО Универсальная Типография «Альфа Принт», 2020. 168 с.

3. Красковский Я.Э., Яшин Н.А. К вопросу о криминологической обусловленности уголовной ответственности за преступления, связанные с суицидом // Современное право. 2019. № 6. С. 126–129.

4. Нигматуллин М.Р. Домашнее насилие как причина доведения до самоубийства // Виктимология. 2020. № 2 (24). С. 19–26.

5. Романовский Г.Б. О праве на самоубийство // Гражданин и право. 2016. № 8. С. 19–30.

6. Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н. Деятельность, направленная на побуждение детей к суицидальному поведению: возможности судебно-психологической экспертизы // Психология и право psyandlaw.ru. 2017. Том 7. № 2. С. 33–45.

7. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. 1333 с.

8. Шарапов Р.Д. Квалификация преступлений, связанных с вовлечением в самоубийство и иное опасное для жизни поведение // Уголовное право. 2017. № 6. С. 78–83.

С.В. Валов

Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Особенности содержания и формы постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с истечением срока давности

Аннотация. Материальные и процессуальные основания принятия государством безусловного отказа от уголовного преследования подозреваемого, обвиняемого в связи с истечением срока давности определяют требования к содержанию и форме постановления следователя. На основе анализа нормативной модели, правоприменительной практики систематизированы особенности, характеризующие содержание и форму постановления следователя о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), основанного на п. 3 ч. 1 ст. 24, п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ.

Ключевые слова: прекращение уголовного преследования, срок давности, следователь, процессуальное решение, содержание, процессуальная форма

Требования к содержанию и формам процессуальных решений определены в нормах УПК РФ и достаточно подробно рассмотрены в научной литературе¹.

¹ См.: Lupinskaya P.A. Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve, ih vidy, содержание и формы. М.: Юрид. лит., 1976. С. 40–56, 142–153; Lupinskaya P.A. Resheniya v

Вместе с тем уникальное сочетание материальных и процессуальных оснований, предопределяющих законность, обоснованность и мотивированность отдельных видов процессуальных решений, вызывают необходимость рассмотрения особенностей применительно к постановлению о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с истечением срока давности.

Материал изложен касательно ситуации, когда все предшествующие действия выполнены следователем в полном объёме, разрешены все фактические и правоприменительные проблемы и коллизии, вызванные несовершенством нормативной модели досудебного производства за пределами сроков давности. Рекомендации носят утилитарную направленность к отдельным особенностям содержания и формы постановления о прекращении уголовного преследования (уголовного дела). Теоретические обоснования методических рекомендаций оставлены за пределами данной научной статьи.

Требования к содержанию постановления о прекращении уголовного преследования и уголовного дела изложены в ч. 2 ст. 213 УПК РФ. Консолидация требований не в полной мере отвечает особенностям прекращения уголовного преследования конкретного лица в связи с истечением срока давности и прекращения уголовного судопроизводства в целом или определённой части.

Разъясняя условия обоснованности и мотивированности постановления, Конституционный Суд РФ особо отметил, опираясь на ч. 4 ст. 7 УПК РФ, требования к содержанию процессуального решения, изложенные в ст. 78 УК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 27 в единстве с п. 3 ч. 1 ст. 24, ст. 213 УПК РФ¹.

Аналогичные требования представлены и в разъяснениях судебной практики применения законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности².

Правовые позиции Конституционного Суда РФ и разъяснения Верховного Суда РФ дословно воспроизводят статьи УПК РФ, но только отчасти указывают все составляющие комплекса норм, подлежащих применению в рассматриваемой нами правоприменительной ситуации. В них не акцентировано внимание на отражении в постановлении согласия подозреваемого, обвиняемого (ч. 3 ст. 213 УПК РФ), решений об отмене мер процессуального принуждения (п. 8 ч. 2 ст. 213 УПК РФ), продолжении, полной

уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 76–88, 201–231.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.2022 № 20-П по делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 24 и части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Новкунского // СПС КонсультантПлюс.

² См.: кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 28.06.2023 № 222-УД23-28-К10 // СПС КонсультантПлюс; Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2024), утв. 29.05.2024 Президиумом Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 7.

или частичной отмене мер безопасности в рамках государственной защиты (ч. 6 ст. 213 УПК РФ), порядка обжалования (п. 10 ч. 2 ст. 214 УПК РФ).

Анализ изученных нами постановлений следователей о прекращении уголовного преследования и уголовных дел показал, что помимо названных в законе и упомянутых в решениях органа конституционного контроля и высшей судебной инстанции должны быть указаны и иные фактические и юридические основания, которые определяют законность, обоснованность и мотивированность принимаемого следователем процессуального решения:

1) факты, отражающие траекторию производства по уголовному делу (соединение и выделение уголовных дел или материалов из них, направление уголовного дела прокурору или в суд, результаты рассмотрения судом уголовного дела, возвращение уголовного дела для производства дополнительного следствия или для устранения препятствий рассмотрения его судом, предшествующие решениям о прекращении уголовного преследования и (или) уголовного дела, даты и основания их отмены);

2) общий срок предварительного расследования, образованный периодами производства по уголовному делу (даты и основания приостановления и возобновления производства по уголовному делу, решения о продлении сроков расследования), а равно иные процессуальные сроки, в том числе сроки применения мер пресечения и иных мер процессуального принуждения;

3) принятие процессуальных решений о переквалификации деяния лица (лиц) и оценка правовых последствий таких решений для исчисления сроков давности по данному уголовному делу;

4) правовая оценка событий и сведений о них, влияющих на применение в конкретном уголовном деле требований ч. 3 ст. 78 УК РФ о приостановлении, возобновлении сроков давности, или результаты проверки доводов подозреваемого, обвиняемого о том, что он не уклонялся от следствия, в том числе и тогда, когда в отношении его был объявлен розыск;

5) даты принятия процессуальных решений или совершения процессуальных действий, посредством которых конкретное лицо фактически обрело статус подозреваемого или обвиняемого;

6) когда и в какой форме, при каких обстоятельствах и когда подозреваемым, обвиняемым выражено согласие с прекращением в отношении него уголовного преследования в связи с истечением срока давности или высказано отсутствие возражений на принятие такого решения, если мнение было изложено в форме ходатайства, то результаты его разрешения;

7) длительность срока, прошедшего с даты истечения срока давности до даты вынесения решения, с обоснованием его продолжительности (например, возражения подозреваемого, обвиняемого, который в дальнейшем изменил свою позицию по уголовному делу).

В постановлении о прекращении уголовного дела обязательно должен быть отражен факт согласия подозреваемого, обвиняемого на прекращение уголовного дела. При этом собственно согласие может быть выражено до момента (дня) вынесения постановления в разной процессуальной форме (заявление, ходатайство и иное обращение, адресованное следователю).

Требование не всегда соблюдают при вынесении постановления. Так, в нарушение требования ч. 3 ст. 213 УПК РФ следователь не отразил согласие обвиняемой Р. на прекращение уголовного дела в постановлении¹.

В том случае, если решение о прекращении уголовного преследования и (или) уголовного дела принимают с учётом нескольких правовых оснований, то в тексте постановления должны быть приведены соответствующие фактические и юридические основания для каждого элемента комбинированного процессуального решения.

Так, если один из подозреваемых, обвиняемых к моменту принятия процессуального решения умер, то он лично не может выразить свое мнение о прекращении уголовного преследования в связи с истечением срока давности. На практике вариативность принятия процессуального решения в сходных случаях обуславливают мнением родственников умершего, которые в одном случае согласились с прекращением уголовного преследования в связи с истечением срока давности², а в другом – на основании п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ³.

Поскольку участие близких родственников умершего в уголовном судопроизводстве неразрывно связано с юридическим фактом смерти подозреваемого или обвиняемого и признаваемым за ними правом на судебную защиту чести и доброго имени умершего, а также своих прав и законных интересов, непосредственно связанных с принятием процессуального решения в отношении него, полагаем, что основание, указанное в п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, имеет приоритет перед предусмотренным п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ истечением сроков давности уголовного преследования при их одновременной юридической оценке с точки зрения значимости для принятия процессуального решения о прекращении уголовного преследования (!) в отношении умершего на основании отсылочной нормы, содержащейся в п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Кроме того, применение п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ следует признать правомерным и в отношении ситуаций, когда к дате истечения срока давности уголовного преследования умершего не установлены его близкие родственники. Констатация данного факта как результата действий следователя по поиску таких лиц будет означать отсутствие субъектов, которые могут каким-либо образом выразить возражение против прекращения уголовного дела в связи со смертью лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления.

В описательно-мотивировочной части постановления о прекращении уголовного преследования (уголовного дела), против которого высказался потерпевший (его представитель, законный представитель), необходимо:

¹ Постановление от 15.06.2023 о прекращении уголовного дела № 12101180025000018 // Архив следственного управления СК России по Волгоградской области.

² Постановление от 22.09.2023 о прекращении уголовного дела № 13847 и уголовного преследования гр-н Т., В. и Ш. // Архив следственного управления СК России по Свердловской области.

³ Постановление от 15.05.2024 о прекращении уголовного дела № 64435 // Архив следственного управления СК России по Республике Саха (Якутия).

а) указать мнение потерпевшего (его представителя, законного представителя) к принимаемому процессуальному решению;

б) всесторонне оценить приведённые потерпевшим (его представителем, законным представителем) аргументы против возможности применения следователем в данном конкретном случае норм уголовного и уголовно-процессуального законов о прекращении уголовного преследования (уголовного дела) в связи с истечением сроков давности. Правовая позиция, выраженная в несогласии с принимаемым решением, должна быть уточнена следователем в целях изложения контраргументов, разъяснены требования закона, отражён факт их понимания потерпевшим (его представителем, законным представителем),

в) привести доводы законности прекращения уголовного преследования конкретного лица на основании ч. 1 и 2 ст. 78 УК РФ, п. 2 ч. 1, ч. 2, ч. 4 ст. 27, п. 3 ч. 1 ст. 24, ч. 2 ст. 175, ч. 5 ст. 213 УПК РФ или уголовного дела на основании ч. 1 и 2 ст. 78 УК РФ, п. 3 ч. 1 и ч. 4 ст. 24, ч. 1 ст. 212, ст. 213 УПК РФ, используя правовые позиции Конституционного Суда РФ¹.

Резолютивную часть постановления разумно не ограничивать дежурными словосочетаниями о разъяснении права обжаловать принятое решение потерпевшему (его представителю, законному представителю), высказавшему возражения против прекращения уголовного преследования (уголовного дела) в связи с истечением сроков давности, а, руководствуясь требованиями ч. 1 ст. 11 УПК РФ, обеспечить возможность осуществления участниками уголовного судопроизводства принадлежащих им прав.

Указание в процессуальном решении правовой позиции потерпевшего (представителя, законного представителя) преследует цель информирования стороны защиты о возможных правовых последствиях оценки вынесенного постановления со стороны тех субъектов, которым будет адресована жалоба на процессуальное решение, и подготовки своих аргументов для признания его законным, обоснованным и мотивированным, а значит, не подлежащим отмене.

Несовершенство правовой модели приводит к вариативности изложения резолютивной части постановления, которым следователь оформляет отказ государства от дальнейшего уголовного преследования конкретного лица и прекращает уголовное судопроизводство в связи с истечением сроков давности такого преследования. Законодатель рассматривает прекращение уголовного дела по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ основанием для прекращения уголовного преследования подозреваемого, обвиняемого (п. 2 ч. 1 ст. 27, ч. 3 ст. 24 УПК РФ). Вместе с тем уголовное преследование (частное) не может быть прекращено за пределами судебного производства (общее). Полагаем целесообразным сначала изложить в постановлении решение о прекращении уголовного преследования,

¹ См., в частности, определение Конституционного Суда РФ от 19.06.2007 № 591-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Фирсовой Марии Александровны на нарушение ее конституционных прав пунктом «а» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

поскольку именно истечение отведённых для него сроков и указано в п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, а затем – решение о прекращении досудебного производства.

Исследованием эмпирического материала установлено, что наиболее распространенным недостатком проверенных итоговых решений следователей о прекращении уголовных дел является игнорирование требования п. 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ, согласно которому *руководитель* следственного органа *уполномочен утверждать постановление* следователя о прекращении производства по уголовному делу. Данная норма общая, а в ч. 2, 21, 2² ст. 27, ст. 212, 213 УПК РФ (в отличие, например, от ст. 28, 28¹, 28² УПК РФ) изъятия из данного требования не установлены.

Только *каждое четвертое* из проверенных постановлений было *согласовано* руководителем следственного органом, но не утверждено, а 60 % *постановлений* следователи приняли *без утверждения* своего решения руководителем следственного органа.

Так, постановление о прекращении уголовного преследования гр-ки М. и уголовного дела вынесено без утверждения процессуального решения руководителем следственного органа¹.

Отсутствие процессуального контроля со стороны руководителя, который не утверждал принятое следователем процессуальное решение, привело к тому, что уголовное преследование гр-ки П., несмотря на её возражения, прекращено: во-первых, за пределами процессуальных сроков, установленных ч. 2² ст. 27 УПК РФ, во-вторых, в связи с истечением срока давности, а не в связи с непричастностью лица к совершению преступления, в-третьих, с нарушением действующего с 24.06.2023 нового порядка досудебного производства по уголовным делам, по которым истекли сроки давности и подозреваемый, обвиняемый возражает против прекращения в отношении него уголовного преследования на основании п. 2 ч. 2 ст. 27, п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ².

Критерии, инструменты и механизмы процессуального контроля за законностью, обоснованностью и мотивированностью решений следователей о прекращении уголовного преследования в связи с истечением срока давности уголовного преследования подлежат корректировке с учётом особенностей их содержания и формы, что позволит предотвращать, а при необходимости и своевременно устранять нарушения законности в деятельности следственных органов СК России.

Таким образом, содержание и форма постановления о прекращении уголовного преследования (уголовного дела) должны учитывать комбинацию общих и особенных требований, изложенных в законе и отмеченных в правовых позициях Конституционного Суда РФ и разъяснениях судебной практики, а

¹ Постановление от 25.08.2023 о прекращении уголовного дела № 12302050008000062 // Архив следственного управления СК России по Приморскому краю.

² Постановление от 04.03.2024 о прекращении уголовного дела № 12302050032000009 // Архив следственного управления СК России по Приморскому краю.

равно уникальность фактических обстоятельств, установленных в ходе предварительного расследования.

Литература

1. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве, их виды, содержание и формы. М.: Юрид. лит., 1976. 168 с.
2. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 240 с.

М.В. Галдин

Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Обеспечение обязанности обвиняемого предоставить образцы для сравнительного исследования

Аннотация. В статье анализируется обязанность обвиняемого подчиниться решению о получении образцов для сравнительного исследования. Выделены условия производства данного следственного действия против воли обвиняемого и определена его тактика в зависимости от наличия объективной возможности принудительного получения образцов для сравнительного исследования. Обращаясь к материалам судебной практики, автор делает вывод о факультативности привлечения обвиняемого к ответственности за отказ или уклонение от выдачи образцов для сравнительного исследования, а также о недопустимости подмены ей принудительного порядка производства следственного действия.

Ключевые слова: механизм правового регулирования, принуждение в уголовном судопроизводстве, следственное действие, ответственность, получение образцов для сравнительного исследования, производство судебной экспертизы

Полноценное производство по уголовному делу сейчас невозможно представить без использования специальных знаний. Исключительное значение при этом имеют результаты экспертных исследований. Для производства большинства криминалистических и иных видов судебных экспертиз, направленных на решение идентификационных задач, требуются различные образцы: а) биологические объекты, например, образцы крови, слюны, волос, буккального эпителия, подногтевого содержимого; б) объекты, отражающие психофизиологические особенности почерка, подписи, голоса, походки и т.д.; в) объекты, которые можно зафиксировать материально, например, отпечатки рук, ног¹.

¹ Иванов А.Н. Понятие, виды и тактика получения образцов для сравнительного исследования // Тактика следственных действий / под ред. В.И. Комиссарова. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2000. С. 195.

В соответствии с ч. 1 ст. 202 УПК РФ основанием для получения у обвиняемого образцов для сравнительного исследования является необходимость в проверке, не оставлены ли им следы на месте происшествия или ином месте, а также следы преступления или следы на вещественных доказательствах¹. При этом следователь обязан предоставить эксперту достоверные объекты, которые получены в ходе проведенного в установленном законом порядке следственного действия. В противном случае заключение эксперта имеет все шансы стать плодом отравленного дерева.

Равно как и любое другое следственное действие, получение образцов для сравнительного исследования обеспечено мерами государственного принуждения. С.А. Шейфер писал, что любое следственное действие опирается на принуждение, которое служит гарантией выполнения процессуальной обязанности участника уголовного судопроизводства и поэтому обоснованно включал в его понятие меры, обеспечивающие саму возможность производства того или иного следственного действия². В отличие от предусмотренной ч. 13 ст. 182 УПК РФ нормы ст. 202 УПК РФ не обязывает следователя указывать в протоколе сведения о добровольности или принудительности предоставления образцов для сравнительного исследования. Однако это вовсе не обнажает пробел уголовно-процессуального регулирования. Здесь следует исходить из того, что, являясь самостоятельным следственным действием, получение образцов для сравнительного исследования у обвиняемого всегда осуществляется с целью последующего производства в его отношении судебной экспертизы. В связи с этим необходимо в первую очередь руководствоваться ч. 4 ст. 195 УПК РФ, которая не содержит условия о получении от обвиняемого согласия на производство судебной экспертизы.

Подавляющее большинство отечественных ученых единодушны во мнении о допустимости принудительного получения у обвиняемого образцов для сравнительного исследования. Действительно, по смыслу уголовно-процессуального закона получать у обвиняемого согласие на проведение судебной экспертизы не требуется. Ее назначение и проведение при условии соблюдения установленной процедуры и оценки заключения эксперта не может расцениваться как недопустимое ограничение конституционных прав личности, поскольку предполагает защиту публичных интересов, достижение общественно значимых целей³ и трактуется Конституционным Судом РФ в системном единстве со ст. 6 и ст. 21 УПК РФ⁴. Верховный Суд РФ прямо

¹ Галдин М.В. Ответственность потерпевшего за уклонение от участия в производстве некоторых следственных действий // Российский следователь. 2015. № 11. С. 20.

² Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М., 2004. С. 106.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 13.10.2009 № 1313-О-О // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Галдин М.В. Принудительное производство судебной экспертизы в досудебном производстве // Оптимизация предварительного следствия: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 19 мая 2016 года. Москва: КТ «Буки-Веди», 2016. С. 114.

указывает, что «согласие подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, лица, в отношении которого рассматривается вопрос о применении принудительных мер медицинского характера, на проведение в отношении его судебной экспертизы не требуется»¹.

Важно подчеркнуть, что конституционное право на отказ обвиняемого от дачи показаний против самого себя не распространяется на существующие отдельно от него материалы или объекты. Такой подход² был развит в решениях Конституционного Суда РФ³. В соответствии с одним из них получение образцов для сравнительного исследования – это действие, при проведении которого лицо не понуждается к свидетельствованию против самого себя по смыслу ст. 51 Конституции РФ, не делает заявлений о своей виновности и не представляет каких-либо доказательств⁴.

К принудительному выполнению возложенной уголовно-процессуальным законом обязанности принять участие в следственном действии предъявляются два требования. Во-первых, этой правозащитной мере обязательно должно предшествовать убеждение в необходимости добровольного выполнения обвиняемым законных требований следователя и, лишь когда они оказались неэффективными, следует разъяснять возможность принудительного получения образцов для сравнительного исследования. Во-вторых, принуждение должно быть минимально необходимым, не причиняющим ущерба чести и достоинству личности, вреда здоровью и не носящим характер откровенного насилия, но в то же время обеспечивающим цели следственного действия⁵.

Среди многообразия необходимых для производства судебной экспертизы образцов необходимо различать те, которые возможно отобрать принудительно (например, образцы отпечатков пальцев рук, крови) и образцы, которые могут быть получены только на добровольных началах. Основы такой классификации одним из первых заложил С.А. Шейфер. Он отличал два вида получения образцов для сравнительного исследования: требующее активного поведения лица, у которого отбираются образцы (например, получение образцов почерка, дорожки следов, образцов голоса) и предполагающее его пассивное поведение⁶. Данная классификация во многом определяет тактику получения образцов для сравнительного исследования и влияет на вероятность применения

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // СПС КонсультантПлюс.

² Постановление Европейского Суда по правам человека от 17.12.1996 № 19187/91 «Саундерс против Соединенного Королевства» // СПС КонсультантПлюс.

³ См., например: определения Конституционного Суда РФ от 16.12.2004 № 448-О, 23.04.2020 № 1055-О // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2022 № 2183-О // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Галдин М.В. Способы обеспечения обязанности участвовать в производстве освидетельствования по уголовному делу // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Право. 2014. Т. 10. Вып. 2. С. 102.

⁶ Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрид. лит, 1981. С. 82.

принуждения при проведении этого действия. В частности, образцы голоса обвиняемого в силу их специфичности не могут быть получены принудительным путем, что делает невозможным реализацию положений ст. 202 УПК РФ и препятствует эффективному решению задач уголовного судопроизводства, защите прав потерпевших от преступлений. В этих условиях получение образцов допустимо с помощью иных процедур, не противоречащих требованиям ч. 3 ст. 55 Конституции РФ¹. Например, в связи с возникшей необходимостью назначения фоноскопических экспертиз и отказом осужденных добровольно предоставить фонограммы своего голоса суд по ходатайству государственных обвинителей обоснованно принял записанную ими аудиозапись судебного разбирательства в качестве условно свободных образцов голосов осужденных, предварительно прослушав ее в судебном заседании и обсудив этот вопрос со сторонами².

В следственной практике не исключено возникновение ситуаций, когда правозащитная мера подменяется мерой ответственности. Например, постановлением мирового судьи Л. признана виновной в совершении правонарушения, предусмотренного ст. 17.7 КоАП РФ. Как следует из материалов дела, после возбуждения уголовного дела в отношении Л. она отказалась предоставить образцы своего почерка и подписи. В связи с изложенным участковым был составлен протокол об административном правонарушении. Решение о получении образцов для сравнительного исследования принято следователем в рамках имеющихся у него полномочий. Данное постановление было объявлено подозреваемой. У нее имелась реальная возможность для его выполнения, однако она отказалась от выдачи образцов почерка и подписи, о чем собственноручно указала в постановлении и протоколе получения образцов для сравнительного исследования, умышленно не выполнив требование следователя. Выводы о наличии в действиях Л. состава административного правонарушения суды апелляционной и кассационной инстанций признали обоснованными³.

Как не покажется удивительным, подобные описанному решению о привлечении к административной ответственности решения принимаются и в случаях отказа обвиняемого от предоставления образцов, изъятие которых возможно осуществить в принудительном порядке. Так, заместителем начальника отдела СЧ по РОПД СУ УМВД России по Новгородской области вынесено постановление о получении образцов крови для сравнительного исследования, которое обвиняемый О. умышленно не выполнил. Факт

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2017 № 2211-О // СПС КонсультантПлюс.

² Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.06.2012 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 10.

³ Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.12.2020 № 16-4596/2020 // СПС КонсультантПлюс.

совершения правонарушения подтвержден материалами дела, в том числе протоколом об административном правонарушении, рапортом об обнаружении признаков административного правонарушения, постановлением о возбуждении уголовного дела, постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, постановлением о получении образцов для сравнительного исследования. В установленном порядке О. был привлечен к ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ и подвергнут административному наказанию, решение мирового судьи об этом оставлено без изменения¹.

Оба этих примера свидетельствуют, что меры штрафного характера были применены тогда, когда восстановление правопорядка оказалось невозможным. Тем не менее, рискуем предположить, что в ходе дальнейшего расследования следственные органы все же не стали ограничиваться наложением на Л. и О. административных штрафов в размере 1000 руб. каждый. В первом из приведенных примеров условно свободные или свободные образцы почерка и подписи Л. могли быть получены в рамках иных следственно-оперативных мероприятий. Во втором случае никаких оснований отказываться от принудительного получения у обвиняемого образцов крови не имелось. Скорее всего, при организации и подготовке данного следственного действия был допущены серьезные просчеты в определении места его производства и круга участвующих лиц. Во-первых, следственный орган не обеспечил участия сотрудников органов дознания для оказания содействия в принудительном получении образцов крови. На это обстоятельство указывает то, что участковый не присутствовал при отказе О. в выдаче образцов крови, протокол об административном правонарушении был им составлен на следующий день после этого. Кроме того, О. не выполнил требование в кабинете № 36 СЧ УМВД России по г. Великий Новгород. Совершенно очевидно, что для безопасного получения образцов крови следует привлекать медицинского работника (ч. 4 ст. 164, ч. 2 ст. 202 УПК РФ). Даже если предположить, что при получении образцов крови этот работник присутствовал, то вне медицинского учреждения он был не способен исключить опасности для здоровья обвиняемого по той причине, что кабинет следственной части объективно не может соответствовать предъявляемым для получения капиллярной крови требованиям².

В этой связи вынужден повторить, что механизм уголовно-процессуального регулирования, не позволяющий отказаться от выполнения законного решения

¹ Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 25.05.2022 № 16-2214/2022 // СПС КонсультантПлюс.

² См.: ГОСТ Р 59778-2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Процедуры взятия проб венозной и капиллярной крови для лабораторных исследований, утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 21.10.2021 № 1212-ст. М.: ФГБУ «РСТ», 2021; СанПиН 3.3686-21 «Санитарно-эпидемиологические требования по профилактике инфекционных болезней», утв. постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 28.01.2021 № 4 // СПС КонсультантПлюс.

следователя, является эффективным средством решения задач уголовного судопроизводства. Привлечение к административной ответственности реализуется параллельно с расследованием и является факультативным¹. Оно призвано подчеркнуть и зафиксировать нарушение обвиняемым процессуальной обязанности, незаконность метода защиты. Поэтому отказываться от возможности назначения и производства судебной экспертизы с предоставлением полученных против воли обвиняемого образцов для сравнительного исследования нет никаких оснований.

Литература

1. Галдин М.В. Ответственность потерпевшего за уклонение от участия в производстве некоторых следственных действий // Российский следователь. 2015. № 11. С. 19–21.
2. Галдин М.В. Принудительное производство судебной экспертизы в досудебном производстве // Оптимизация предварительного следствия: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 19 мая 2016 года. Москва: КТ «Буки-Веди», 2016. С. 113–117.
3. Галдин М.В. Способы обеспечения обязанности участвовать в производстве освидетельствования по уголовному делу // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Право. 2014. Т. 10. Вып. 2. С. 102–106.
4. Тактика следственных действий / под ред. В.И. Комиссарова. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2000. 200 с.
5. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрид. лит, 1981. 127 с.
6. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М., 2004. 183 с.

И.А. Журавлев

Четвертое следственное управление (с дислокацией в городе Екатеринбург)
Главного следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации

Проблемы выбора формы хищения при уголовно-правовой оценке посягательства на денежные средства организации с государственным или муниципальным участием (на основе материалов конкретного уголовного дела)

Аннотация. В статье на основе материалов уголовного дела подробно исследуется случай хищения денежных средств муниципального унитарного предприятия и

¹ Галдин М.В. Способы обеспечения обязанности участвовать в производстве освидетельствования по уголовному делу // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2014. Т. 10. № 2. С. 102–106.

общества с ограниченной ответственностью с применением единого способа создания фиктивного документооборота в целях вывода этих средств со счета организации. Иллюстрируются разночтения в квалификации содеянного со стороны обвинения и суда. Делается вывод о возможности уголовно-правовой оценки содеянного по совокупности преступлений при разграничении форм хищения.

Ключевые слова: форма хищения, присвоение, растрата, мошенничество, бюджетные средства, ущерб от хищения, ст. 159 УК РФ, ст. 160 УК РФ

Расследование хищений имущества организаций с государственным или муниципальным участием – одно из приоритетных направлений деятельности СК России в спектре борьбы с преступлениями коррупционной направленности¹. Вместе с тем множество схем совершения таковых в реальной действительности порождает сложности уголовно-правовой оценки содеянного. Ситуацию усугубляет наличие нескольких форм хищения в нормативном поле. Проиллюстрируем эти трудности, обратившись к конкретному уголовному делу, расследованному четвертым следственным управлением (с дислокацией в городе Екатеринбург) Главного следственного управления СК России в связи с фактом хищения денежных средств должностным лицом одного из муниципальных унитарных предприятий г. Челябинска (далее – МУП) при заключении и исполнении коммерческих договоров.

Так, руководство МУП, будучи обязанным в соответствии с положениями законодательства и имея соответствующую возможность своими силами осуществлять уборку используемых предприятием разворотных автобусных площадок, приняло решение совместно с администрацией города учредить самостоятельное общество с ограниченной ответственностью (далее – ООО) для того, чтобы делегировать свои полномочия по указанной уборке. Руководителем вновь созданной организации, не имеющей ни офиса, ни соответствующих сил и средств для осуществления обозначенных в ЕГРЮЛ функций, стала Б. – первый заместитель директора МУП. Она, будучи обремененной долговыми обязательствами, желая поправить свое нестабильное материальное положение, приняла решение воспользоваться текущей ситуацией и похитить поступающие на расчетный счет ООО денежные средства любым безопасным, по ее мнению, способом.

Преступления, по версии следствия, совершались в течение длительного времени при следующих обстоятельствах.

Б., используя свое служебное положение в двух организациях, решила путем обмана и злоупотребления доверием К. (директора МУП) и подчиненных ему сотрудников, совершить хищение имущества указанного предприятия посредством заключения фиктивных договоров между МУП и ООО на оказание услуг по уборке территорий, используемых МУП, без цели исполнения договорных обязательств. При этом Б., желая в течение длительного времени незаконно обогащаться указанным способом,

¹ Статья Председателя Следственного комитета России для «РБК» (09.12.2025) // URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/2042801/> (дата обращения: 02.05.2026).

планировала при распоряжении похищенными денежными средствами часть из них использовать непосредственно в личных целях, а часть – в финансово-хозяйственной деятельности возглавляемого ею ООО с тем, чтобы завуалировать, скрыть и регулярно продолжать свои криминальные действия.

Кроме того, Б. с целью реализации своих преступных намерений предложила за денежное вознаграждение в виде доли от похищенного имущества оказать ей всестороннее содействие своему другу детства В., используя один из подконтрольных ему хозяйствующих субъектов для заключения фиктивных субподрядных договоров на оказание услуг по уборке тех же самых территорий и последующего беспрепятственного перечисления похищенных денежных средств со счета ООО. Фактически уборочные мероприятия по договорам с МУП в соответствии с задуманным должны были безвозмездно выполнять находящиеся под влиянием ее служебного положения и руководящего авторитета сотрудники МУП. Во исполнение преступного плана были заключены соответствующие договоры: 1) между МУП и ООО¹; 2) ООО и ИП «В.» (супруга В.).

Однако на предполагаемую Б. и В. дату начала хищения денежные средства на банковский счет ООО не поступили ввиду продолжительности процедуры согласования в администрации города крупной сделки в интересах МУП. В связи с этим в ходе совершения мошеннических действий в отношении МУП у Б. возник преступный умысел присвоить в свою пользу и в пользу В. вверенные ей в силу должностного положения в ООО и принадлежащие этой организации иные денежные средства², находящиеся на банковском счете последней, регулярно пополняемом в результате коммерческой деятельности. При этом Б. не отказывалась от ранее задуманного хищения денежных средств МУП и не прекращала действий по его реализации. Вместе с тем она в целях как можно более быстрого незаконного обогащения любым доступным ей способом, используя приготовленные ею и В. для совершения хищения имущества МУП фиктивные документы, осуществила последовательно в течение нескольких месяцев перевод денежных средств ООО в общей сумме 486 000 рублей на счета ИП «В.» во исполнение якобы выполненных услуг по уборке разворотных автобусных площадок в соответствии с договорными субподрядными обязательствами. Данные тождественные действия Б., объединенные единым умыслом, были квалифицированы по ч. 3 ст. 160 УК РФ – присвоение, то есть хищение чужого имущества, вверенного виновному, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, в крупном размере. В свою очередь В. было вменено пособничество в совершении этого преступления (ч. 5

¹ Согласно позиции стороны обвинения Б., используя личное влияние на своего непосредственного руководителя К. (директора МУП), убедила его в готовности силами ООО оказать возмездные услуги по уборке территории, что повлекло заключение данного договора.

² Принципиально, что источники поступления этих денежных средств на счета ООО не были обусловлены договорными отношениями по уборке территорий с МУП.

ст. 33, ч. 3 ст. 160 УК РФ)¹.

В то же время в целом криминальная деятельность Б. и В. на этом не завершилась. После устранения ранее обозначенных препятствий была подготовлена и подписана необходимая документация, что повлекло поступление денежных средств МУП на счет ООО во исполнение ранее заключенного договора по уборке территорий. Тем самым воплотилась в действительность первоначальная запланированная схема хищения имущества предприятия в форме мошенничества. Впоследствии между МУП и ООО заключались аналогичные договоры (с иным периодом действия), во исполнение которых тем же способом переводились денежные средства, притом что услуги по уборке по-прежнему не оказывались. В общей сложности было перечислено 2 137 393,20 рублей. Эта сумма полностью была вменена в качестве размера похищенного. Данные тождественные действия Б., объединенные единым умыслом, были квалифицированы по ч. 4 ст. 159 УК РФ – мошенничество, то есть хищение чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, в особо крупном размере. В свою очередь В. было вменено пособничество в совершении этого преступления (ч. 5 ст. 33, ч. 4 ст. 159 УК РФ). Стоит отметить, что с учетом формы хищения данное деяние окончено именно с момента списания денежных средств со счета МУП, что, среди прочего, обусловило необходимость вменения указанной суммы. Вместе с тем следствием установлено, что из этого объема на подконтрольный В. банковский счет были выведены денежные средства в меньшем размере – 1 507 000 рублей, которыми обвиняемые в дальнейшем распорядились по своему усмотрению при неустановленных обстоятельствах.

Весь период совершения перечисленных преступлений, предусмотренных ст. 159 и 160 УК РФ, для сокрытия своих преступных действий и факта отсутствия уборочных работ на разворотных площадках г. Челябинска, перечисленных в договоре с МУП, Б., используя свои служебное положение, авторитет и иные возможности занимаемой должности первого заместителя директора МУП, организовывала проведение данных работ силами подчиненных сотрудников этого предприятия².

Рассматриваемая преступная схема стала причиной дискуссий в части квалификации деяния между органом следствия и Генеральной прокуратурой РФ. Основной проблемой стало разграничение совершенных хищений с учетом отсутствия показаний обвиняемых, а также специфики отчуждения денежных средств с банковских счетов.

¹ Данная квалификация полностью соответствует позиции высшей судебной инстанции, выраженной в п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. 2017. 11 декабря. № 280.

² Материалы уголовного дела № 12302007709000019 // Архив четвертого следственного управления (с дислокацией в городе Екатеринбург) Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации.

Одними из участников данного спора также стали сотрудники Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, позиция которых во многом стала отправной точкой для принятия решения на досудебной стадии производства по делу. Представителями данного филиала было предложено следователю составить постановление о привлечении в качестве обвиняемого исходя из фактических возможностей обвиняемых по хищению имущества МУП и ООО, связав субъективную сторону преступлений с имеющимися материальными доказательствами последовательного осуществления преступного плана.

То есть в отсутствие показаний участников хищений было принято решение разграничить их преступный умысел, основываясь на принадлежности похищенных средств определенным организациям. Таким образом, денежные средства, которые поступили от МУП по договору уборки территорий, в полном объеме стали предметом мошенничества, а иные денежные средства, хранившиеся на расчетном счете ООО и вверенные Б. как директору фирмы, – присвоения.

Основным моментом, который вызывал сомнения у сотрудников Генеральной прокуратуры РФ, являлся тот факт, что изначально участники преступлений планировали похищать имущество МУП путем мошенничества, однако в ходе подготовки к этому преступлению попутно совершили присвоение имущества ООО, используя силы и средства, приготовленные для мошенничества, при этом денежные средства в дальнейшем в обоих случаях «выводились» с одного расчетного счета ООО. Впоследствии при проведении рабочих совещаний, в ходе которых также оглашалась позиция сотрудников Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева с теоретическим обоснованием предложенной квалификации по совокупности совершенных деяний, Генеральная прокуратура РФ согласилась с подходом органа следствия, отстаивая его в судебном производстве.

Однако суд подход стороны обвинения не поддержал, выбрав, как видится, не совсем верную позицию.

Так, согласно вступившему в законную силу приговору, квалификация действий Б. и В. в части мошенничества в досудебном производстве дана ошибочно ввиду отсутствия обмана как способа совершения преступления. В обоснование данного довода судом указано о том, что директор МУП не мог не знать о проведении уборочных мероприятий силами подчиненных ему работников на протяжении длительного времени, в связи с чем не мог находиться под воздействием обмана или злоупотребления доверия со стороны Б. Суд, цитируя некоторые принципиально значимые в этом плане формулировки из обвинительного заключения («директор МУП полностью доверял Б., в том числе как своему первому заместителю», «между ними сложились доверительные отношения в ходе длительного служебного и личного общения») назвал их «юридически бессодержательными и бездоказательными», сославшись на то, что ни директор МУП, ни Б., ни другие допрошенные по делу лица не давали показаний, из которых можно было бы

сделать подобные выводы. Однако вопреки данным утверждениям в этом же приговоре суд приводит показания директора МУП и порядка 20 свидетелей, в которых они подтверждают позицию органа следствия.

С учетом изложенного судом было принято решение об отсутствии в действиях Б. и В. состава преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, и о переквалификации их действий на ст. 160 УК РФ (растрата) в полном объеме похищенных денежных средств. Между тем в доктрине отмечается, что «отграничение растраты от присвоения не влияет на квалификацию деяния»¹. В то же время это одна из сложных проблем уголовного права, которая, по замечанию Н.А. Лопашенко, «существует и для других стран, конечно, близких России по истории совместного существования в рамках одного государства»².

В обоснование своей позиции суд также указал, что фактически ООО являлось подконтрольным МУП юридическим лицом, должность, которую занимала Б., назвал формальной, так как последняя не могла распоряжаться денежными средствами ООО без ведома директора МУП. По мнению суда, это были «общие оборотные средства с МУП», но «поскольку органы следствия считают, что директор МУП в сговоре с Б. не находился, то и суду следует полагать, что, подписывая платежные поручения на перечисление денег в пользу ООО, директор МУП осуществлял законную деятельность по руководству взаимосвязанными организациями, переводя деньги с одного «своего» (подконтрольного) счета на другой «свой» счет». Отсюда суд сделал другой вывод, а именно, что хищение всегда происходило в момент вывода средств с расчетного счета ООО на расчетный счет супруги В., не входящей в круг аффилированных юридических лиц, и что Б. совершила эти действия против воли собственника – директора МУП, противоправно распоряжаясь вверенным ей имуществом. Соответственно, содеянное Б. квалифицировано по ч. 4 ст. 160 УК РФ – растрата, то есть хищение чужого имущества, вверенного виновному, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, в особо крупном размере. В свою очередь В. был осужден за пособничество в совершении этого преступления (ч. 5 ст. 33, ч. 4 ст. 160 УК РФ). Переквалификация повлекла уменьшение общей суммы похищенных средств. Вместо 2 623 393, 20 (486 000+2 137 393,20) рублей стало 1 993 000 (486 000+1 507 000) рублей. Исключая сумму в размере 630 393,30 рублей как излишне вмененную, суд дополнительно отметил бездоказательность формулировок следствия о том, что финансово-хозяйственная деятельность ООО велась с целью скрыть хищения³.

¹ Клепицкий И.А. Новое экономическое уголовное право: монография. Москва: Проспект, 2021. С. 320.

² Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. Москва: Норма, Инфра-М, 2012 // СПС КонсультантПлюс.

³ Приговор Курчатовского районного суда города Челябинска от 25.02.2026 № 1-20/2026 // URL: https://kurt--chel.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=759482521&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 02.05.2026).

Вместе с тем, не умаляя итоговый характер судебного решения, которое не было оспорено в апелляционном порядке, видится возможным в рамках научной дискуссии подвергнуть его в некоторой степени критике. Так, фактически допущенные рассуждения о предположительной виновности того или иного лица, которому не было предъявлено обвинение в установленном порядке, вызывают сомнения, так как не входят в предмет судебного разбирательства.

Кроме того, из приговора не следует, на основании чего сделан вывод о том, что два самостоятельных хозяйствующих субъекта с муниципальным участием управляются одним должностным лицом. Смущает возможность наличия у них единых счетов, которая была констатирована в обоснование выбора формы хищения. В литературе по этому поводу отмечается, что «вопрос о понимании имущества организации в качестве чужого для менеджеров и участников является крайне сложным»¹. Отсутствие среди цивилистов единства мнений по вопросу о характере взаимосвязи юридического лица и его участников усугубляет проблему применения уголовного закона². Анализируемый прецедент в полной мере демонстрирует обоснованность обозначенных тезисов.

Целевая направленность финансово-хозяйственной деятельности ООО не имеет принципиального значения с учетом момента окончания мошенничества в рассматриваемой ситуации. В любом случае Б. денежные средства МУП в размере 630 393,30 рублей обратила в пользу ООО, что не должно влиять на снижение общей суммы похищенного.

Анализ вынесенного приговора по данному делу позволяет сделать предположение, что суд как будто в ходе рассмотрения дела уверился в осведомленности о преступной схеме хищения со стороны директора МУП, если и не участвовавшего в хищении, то не противодействовавшего ему, в связи с чем обманывать его Б. не приходилось. Однако, почему директор МУП на протяжении длительного времени не пресекал дальнейший вывод денежных средств со «своего» счета ООО, судом не указано. Стоит отметить, что следствие на основе широкого спектра собранных доказательств, в том числе по результатам верификации результатов ОРД, не усмотрело причастности К. к указанным хищениям.

В любом случае итогом расследования стало восстановление социальной справедливости, виновные привлечены к ответственности, ущерб от преступления добровольно погашен подсудимыми. Кроме того, по представлению следствия администрацией г. Челябинска ликвидировано учрежденное администрацией и МУП указанное ООО. Вместе с тем, думается, что хищение имущества организаций с государственным или муниципальным

¹ Клепицкий И.А. Указ. соч. С. 316.

² Быкова Е.Г. Ответственность учредителей (участников) за хищение имущества хозяйственного общества с учетом баланса интересов таких участников и юридического лица // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 67.

участием одними и теми же лицами в рамках существующих реалий, когда в той или иной схеме задействовано несколько самостоятельных субъектов хозяйственной деятельности, может осуществляться в различных формах. Это предполагает необходимость тщательной проработки вопроса об уголовно-правовой оценке содеянного, в том числе при наличии к тому оснований по совокупности преступлений.

Литература

1. Быкова Е.Г. Ответственность учредителей (участников) за хищение имущества хозяйственного общества с учетом баланса интересов таких участников и юридического лица // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 61-68.
2. Клепицкий И.А. Новое экономическое уголовное право: монография. Москва: Проспект, 2021. 984 с.
3. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. М.: Норма; Инфра-М. 2012. 528 с.

В.О. Захарова

Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

К вопросу о некоторых типичных следственных ошибках по уголовным делам о преступлениях, совершенных с участием несовершеннолетних

Аннотация. В статье рассмотрена особая роль Следственного комитета Российской Федерации в расследовании, раскрытии и профилактике преступлений, совершенных с участием несовершеннолетних. Приведены типичные практические примеры следственных ошибок, допускаемых в ходе производства следственных и иных процессуальных действий. Освещено значение следственных ошибок и их последствия.

Ключевые слова: несовершеннолетние, расследование, следователь, следственные ошибки, уголовное дело

Повышенные требования к качеству расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных с участием несовершеннолетних, были и будут всегда. Но, несмотря на действенные меры, направленные на улучшение ситуации (с расследованием, раскрытием и профилактикой совершения данных деяний), ситуация остается стабильно тяжелой.

Так, например, в 2025 году:

- а) расследовано 23 тысячи деяний, по которым потерпевшими стали несовершеннолетние;

б) в суд направлено 11,9 тысяч уголовных дел о преступных посягательствах в отношении детей.

Сотрудники следственных органов:

- анализируют тенденции криминализации подростковой среды;
- принимают действенные меры по нейтрализации формирующих их факторов, в том числе связанных с вовлечением подростков с использованием информационно-коммуникационных технологий в диверсионную, экстремистскую и террористическую деятельность, незаконное распространение наркотических средств, мошеннические действия.

Но этого мало. Следователям во взаимодействии с оперативными подразделениями необходимо:

активизировать усилия по установлению организаторов преступных групп и сообществ, вовлекающих детей в противоправную деятельность посредством сетевых ресурсов;

реализовывать иные меры по декриминализации информационного пространства, включая пресечение действий по растлению подростков¹.

Несмотря на ежегодное усиление ведомственного контроля за расследованием уголовных дел о преступлениях, совершенных с участием несовершеннолетних, продолжают допускаться следственные ошибки как молодыми следователями, так и следователями, в производстве которых находятся особо важные дела².

Для наглядности и уяснения сложившейся ситуации приведем некоторые типичные примеры из следственной практики, когда уголовные дела были возвращены следователю на доработку³.

1. Так, Первомайский городской прокурор Нижегородской области 06.05.2019, изучив уголовное дело по обвинению М. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 139 УК РФ, установил, что принятое решение подлежит отмене, так как не установлены все обстоятельства, подлежащие доказыванию согласно ст. 73 УПК РФ. М. обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 139 УК РФ. Потерпевшими признаны М. и ее несовершеннолетняя дочь К.

В ходе расследования количество лиц, проживающих, зарегистрированных в жилом помещении, достоверно не установлено, сведения из уполномоченных органов о лицах, зарегистрированных и фактически проживающих в жилом

¹ Решение коллегии Следственного комитета Российской Федерации по вопросу «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2025 год и задачах на 2026 год» // Вестник следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Архангельской области и Ненецкому автономному округу. 2026. № 3. С. 46–50.

² См., например: Цветков Ю.А. «Особо важные дела»: уголовно-процессуальный смысл // Уголовное судопроизводство. 2022. № 3. С. 18–27.

³ См.: Новейшие следственные ошибки / под ред. Ю.А. Цветкова. М., 2021.

помещении, а также о правообладателях указанного жилого помещения не истребованы.

Согласно постановлению потерпевшей признана несовершеннолетняя К., 27.11.2002 г.р., при этом в материалах уголовного дела отсутствуют документы, подтверждающие ее несовершеннолетний возраст.

Также в материалах уголовного дела в нарушение требований ст. 45 УПК РФ отсутствует постановление о допуске законного представителя несовершеннолетней потерпевшей К., которой на момент производства по уголовному делу исполнилось 16 лет.

По результатам изучения протокола допроса несовершеннолетней потерпевшей К. установлено, что в нарушение ч. 5 ст. 191 УПК РФ средства видеозаписи или киносъемки не применялись.

2. Канавинский районный суд г. Нижнего Новгорода 20.11.2018 возвратил прокурору уголовное дело по обвинению Г. в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ, для устранения препятствий его рассмотрения судом по существу. Установлено, что согласно заключению амбулаторной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы от 16.05.2018 № 360 Л. обнаруживает клинические признаки несоциализированного расстройства поведения МКВ-10F91.1 (об этом свидетельствуют анамнестические сведения о нарушениях поведения с подросткового возраста, наблюдении в Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН), привлечении к административной ответственности, а также результаты нарколого-клинического психиатрического исследования (НКПИ), при котором выявлено: эмоционально-волевые нарушения в виде эмоциональной неустойчивости, снижения контроля за их проявлениями. Степень указанных изменений психики не столь выражена, чтобы лишать его способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Судом установлено, что 28.05.2018 следователь предъявил Л. обвинение в присутствии защитника и законного представителя несовершеннолетнего и приступил к допросу обвиняемого. При допросе несовершеннолетнего педагог и психолог не участвовали, что является нарушением требований ч. 2 ст. 173 УПК РФ, согласно которым несовершеннолетний обвиняемый, имеющий психическое расстройство, был лишен возможности при выяснении юридически значимых вопросов пользоваться их помощью.

Согласно амбулаторной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы от 16.05.2018 № 359 Г. обнаруживает клинические признаки несоциализированного расстройства поведения МКВ-10F91.1. Об этом свидетельствуют анамнестические сведения перинатальной патологии, нарушения в поведении с детско-подросткового возраста, наблюдение в КДН, привлечение к уголовной и административной ответственности, а также результаты НКПИ, в соответствии с которым выявлено: эмоционально-волевые нарушения в виде эмоциональной неустойчивости снижения контроля за их проявлениями. Степень указанных изменений психики не столь выражена,

чтобы лишать его способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

3. И.о. заместителя Подольского городского прокурора Московской области 22.04.2020 возвратил следователю уголовное дело по обвинению несовершеннолетней Л. в совершении ряда преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 150, 158, 161 УК РФ.

В нарушение требований ч. 3 ст. 425 УПК РФ допрос несовершеннолетней Л. 2004 г.р. от 20.03.2020 проведен в отсутствие педагога или психолога, поскольку участие последнего при допросе несовершеннолетнего обвиняемого, не достигшего возраста 16 лет, является обязательным.

Также в отсутствие законного представителя допрошен и несовершеннолетний свидетель С., 2002 г.р., что противоречит ч. 1 ст. 191 УПК РФ. Причины допроса С. без законного представителя не выяснены; документы, подтверждающие опекунов последней, отсутствуют, что не позволяет определить соблюдение следователем требований ст. 191 УПК РФ.

При составлении обвинительного заключения паспортные данные (дата и подразделение, выдавшее паспорт) указаны неверно. Обстоятельства, смягчающие вину несовершеннолетней, также в нарушение п. 7 ч. 1 ст. 220 УПК РФ не указаны.

В ходе дополнительного расследования необходимо приобщить характеристику из образовательной организации, КДН и ЗП г.о. Подольск и ПНД УМВД России по г.о. Подольск в отношении несовершеннолетней Л.

4. Заместитель Серпуховского городского прокурора Московской области 23.04.2020 возвратил следователю уголовное дело по обвинению несовершеннолетнего М., 03.05.2002 г.р., в совершении им трех эпизодов кражи.

М. обвинялся в краже при следующих обстоятельствах: 16.05.2019 в период с 01 ч. 00 мин. по 03 ч. 00 мин. в неустановленном месте на территории г. Пушкино в салоне такси похитил мобильный телефон Р. стоимостью 8990 рублей, причинив значительный материальный ущерб.

Он же обвинялся в совершении еще одной кражи: 16.05.2019, похитив мобильный телефон потерпевшего Д., на котором установлено мобильное приложение «Сбербанк Онлайн», в период с 03 ч. 00 мин. по 11 ч. 00 мин. похитил с банковского счета потерпевшего Д. 30 343 руб. 80 коп., причинив значительный материальный ущерб.

Также он совершил кражу в период с 23 ч. 30 мин. 13.06.2019 по 02 ч. 00 мин. 14.06.2019, похитив у Ш. мобильный телефон «Филипс С318» стоимостью 8 000 рублей.

Постановлением следователя к участию в уголовном деле в качестве законного представителя привлечена мать несовершеннолетнего. В нарушение уголовно-процессуального закона при проведении очных ставок между обвиняемым М. и свидетелями Б., Ю. 16.12.2019 и 04.03.2020; при предъявлении обвинения 26.03.2020 и допросе в качестве обвиняемого; при ознакомлении с материалами уголовного дела – принимал участие Н., который

является отчимом обвиняемого М. Законным представителем Н. не признавался и в силу положений ст. 5 и 48 УПК РФ не может быть им признан.

Данные, характеризующие личность несовершеннолетнего обвиняемого М., по уголовному делу собраны не в полном объеме: отсутствуют справки от нарколога и психиатра.

Несмотря на совершение несовершеннолетним М. нескольких умышленных корыстных преступлений, следователь не рассмотрел вопрос о вынесении представления в адрес соответствующих органов и должностных лиц о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, или других нарушений закона в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ.

5. Прокурор Закаменского района Республики Бурятия 05.12.2018 возвратил следователю уголовное дело по обвинению Д. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 167 УК РФ, для производства дополнительного следствия.

Впервые несовершеннолетняя Д. допрошена в качестве подозреваемой 08.05.2018, однако решение о допуске законного представителя несовершеннолетней принято лишь 24.07.2018.

Допрос несовершеннолетней подозреваемой Д. от 08.05.2018, не достигшей на момент производства предварительного следствия шестнадцатилетнего возраста, произведен без участия педагога и психолога.

Также без участия педагога и психолога проведены очные ставки между В. и Д., и между Д. и Х. 24.07.2018.

Допросы подозреваемой и обвиняемой Д. от 08.11.2018 и 09.11.2018, а также очная ставка между В. и Д. от 08.11.2018 проведены следователем с участием «педагога» Ф., но без указания данных о наличии у последней специального педагогического образования¹.

Последствия следственных ошибок не зависят от их классификации². Любая из них может привести к непоправимым последствиям: виновный избежит наказания, а невиновный будет незаконно привлечен к уголовной ответственности. И не известно, что страшнее и необратимее³.

¹ Другие примеры см.: Захарова В.О. О некоторых ошибках следователей по уголовным делам, совершенным несовершеннолетними или в отношении несовершеннолетних // Раскрытие, расследование и предупреждение преступлений, связанных с насилием над несовершеннолетними: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 20 апреля 2017 г.) / под ред. А.М. Багмета. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. С. 177-182; Захарова В.О. О следственной практике расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних // Вестник академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 2 (24). С. 117-120.

² Захарова В.О. О классификациях следственных ошибок // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2014. № 5. С. 142-144.

³ См., например: Захарова В.О. О влиянии следственных ошибок на доказанность вины в совершении преступления (с участием несовершеннолетних потерпевших) //

Литература

1. Захарова В.О. О влиянии следственных ошибок на доказанность вины в совершении преступления (с участием несовершеннолетних потерпевших) // Противодействие преступлениям, совершаемым несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 13 февраля 2015 г.) / под ред. А.И. Бастрыкина. М.: Московская академия Следственного комитета, 2015. С. 135–138.
2. Захарова В.О. О качестве расследования преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 7. С. 131–135.
3. Захарова В.О. О классификациях следственных ошибок // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2014. № 5. С. 142–144.
4. Захарова В.О. О некоторых ошибках следователей по уголовным делам, совершенным несовершеннолетними или в отношении несовершеннолетних // Раскрытие, расследование и предупреждение преступлений, связанных с насилием над несовершеннолетними: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 20 апреля 2017 г.) / под ред. А.М. Багмета. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. С. 177–182.
5. Захарова В.О. О следственной практике расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних // Вестник академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 2 (24). С. 117–120.
6. Новейшие следственные ошибки / под ред. Ю.А. Цветкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 415 с.
7. Цветков Ю.А. «Особо важные дела»: уголовно-процессуальный смысл // Уголовное судопроизводство. 2022. № 3. С. 18–27.
8. Цветков Ю.А. О феномене следственной ошибки // Журнал прикладных исследований. 2021. № 3-4. С. 48–57.

Противодействие преступлениям, совершаемым несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 13 февраля 2015 г.) / под ред. А.И. Бастрыкина. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2015. С. 135–138; Захарова В.О. О качестве расследования преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 7. С. 131–135; Цветков Ю.А. О феномене следственной ошибки // Журнал прикладных исследований. 2021. № 3-4. С. 48–57.

Проблема использования регламентирующих документов при проведении судебно-медицинской экспертизы

Аннотация. В статье автор рассматривает проблемы, возникающие при проведении судебно-медицинских экспертиз, назначенных при обращении по поводу некачественного оказания медицинской помощи. Обозначается проблема использования регламентирующей документации (законы, приказы Минздрава России, в частности порядки оказания медицинской помощи, клинические рекомендации, стандарты оказания медицинской помощи). Обращается внимание на противоречия в регламентирующей документации, обозначается проблема выбора конкретного документа и трактовки его выполнения.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, клинические рекомендации, порядок оказания медицинской помощи, судебно-медицинская экспертиза

В настоящее время основным документом, регламентирующим оказание медицинской помощи, является Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹. Непосредственно оказание медицинской помощи регламентируется ст. 37 данного Федерального закона. В статье указано, что медицинская помощь, за исключением медицинской помощи, оказываемой в рамках клинической апробации, организуется и оказывается: в соответствии с положением об организации оказания медицинской помощи по видам медицинской помощи...; в соответствии с порядками оказания медицинской помощи...; на основе клинических рекомендаций; с учетом стандартов медицинской помощи... К видам медицинской помощи относятся: первичная медико-санитарная помощь; специализированная, в том числе высокотехнологичная, медицинская помощь; скорая, в том числе скорая специализированная, медицинская помощь; паллиативная медицинская помощь. Оказание каждого вида помощи регламентировано соответствующим приказом Министерства здравоохранения РФ. Данные приказы в основном регламентируют работу медицинских организаций, госпитализацию, порядок финансирования и в меньшей мере касаются практической деятельности лечащего врача.

Следующая группа регламентирующих документов – порядки оказания медицинской помощи. Порядок утверждается приказом Министерства здравоохранения РФ и регламентирует оказание медицинской помощи по конкретной медицинской специальности. Так, приказ Министерства здравоохранения РФ от 19.12.2025 № 747н² регламентирует порядок оказания

¹ СПС КонсультантПлюс.

² Приказ Министерства здравоохранения РФ от 19.12.2025 № 747н «О Порядке оказания медицинской помощи по профилю "акушерство и гинекология"» // СПС КонсультантПлюс.

медицинской помощи по специальности «акушерство и гинекология». Таким образом, основным и «самым главным» документом для практикующего врача акушера-гинеколога является именно порядок оказания медицинской помощи¹. При этом следует отметить, что, как и Федеральный закон № 323-ФЗ, приказ Министерства здравоохранения РФ № 747н, утверждает, что медицинская помощь оказывается на основании клинических рекомендаций.

Однако, хотелось бы сразу отметить определенные несоответствия в вышеупомянутых документах. Итак, есть Порядок оказания медицинской помощи (приказ Министерства здравоохранения РФ от 19.12.2025 № 747н), в котором указано, что все формы медицинской документации остаются без изменения, как и прежнем Порядке². Приложение 4 данного Порядка регламентирует медицинскую документацию, заполняемую в акушерском стационаре, в том числе – партограмму (графическое изображение родового акта). Клинические рекомендации по ведению нормальных родов от 2021 года (Приложение Г1)³ регламентирует именно эту партограмму. При этом клинические рекомендации по ведению нормальных родов от 2024 года⁴ в Приложении А3 регламентирует уже другой образец партограммы с обоснованием применения именно этой формы и правилами ее заполнения. Однако вышеупомянутый приказ Министерства здравоохранения РФ № 747н «возвращает» бланк Партограммы, регламентированной Приказом Министерства здравоохранения РФ №1130н. Таким образом, встает вопрос: как оценивать ведение партограммы и использование какого бланка является правильным в период с 01.01.2025 года (начало действия Клинических рекомендаций) до 10.01.2026 года (начало действия Порядка, утвержденного приказом Министерства здравоохранения РФ № 747н). Правомерно ли было переходить (или не переходить) на новый бланк Партограммы, если он был регламентирован клиническими рекомендациями, но противоречил регламенту Порядка, утвержденному приказом Министерства здравоохранения РФ № 1130н? С одной стороны, Порядок оказания медицинской помощи стоит «над» клиническими рекомендациями в Федеральном законе № 323-ФЗ, с другой стороны, клинические рекомендации дополняют и уточняют Порядок,

¹ Баринов Е.Х. Судебно-медицинская экспертиза в гражданском судопроизводстве по медицинским делам: монография // URL: <https://urait.ru/bcode/586913> (дата обращения: 29.04.2026).

² Приказ Министерства здравоохранения РФ от 20.10.2020 № 1130н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю "акушерство и гинекология"» // СПС КонсультантПлюс.

³ Клинические рекомендации «Роды одноплодные, самопроизвольное родоразрешение в затылочном предлежании (нормальные роды)» (утв. Министерством здравоохранения Российской Федерации, 2021 г.) // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Клинические рекомендации «Нормальные роды (роды одноплодные, самопроизвольное родоразрешение в затылочном предлежании)» (утв. Министерством здравоохранения Российской Федерации, 2024 г.) // СПС КонсультантПлюс.

они издаются с более высокой частотой (примерно 1 раз в 3-4 года, тогда как Порядок – один раз в 6-8 лет). В практике судопроизводства в настоящее время придерживаются мнения о том, что так как Клинические рекомендации были выпущены позже, то необходимо заполнять партограмму, регламентированную в них, хотя, на мой взгляд, вопрос для эксперта остается открытым, особенно с учетом того, что Порядок по-прежнему настаивает на партограмме «старого» образца.

Далее следует рассмотреть различные клинические рекомендации и те критерии нормы и патологии, которые они постулируют. Так, в уже вышеупомянутых клинических рекомендациях «Нормальные роды...»¹ активная фаза родов начинается с раскрытия маточного зева 5 см, а в клинических рекомендациях «Аномалии родовой деятельности»² – с раскрытия маточного зева 5-6 см. Согласно клиническим рекомендациям «Нормальные роды...»³ продолжительность активной фазы роды в норме не превышает 12 часов в первых родах и 10 часов в последующих родах, а согласно клиническим рекомендациям «Аномалии родовой деятельности»⁴ активная фаза родов в норме у первородящих не более 8,6 часов, а у повторнородящих – не более 7,5 часов. И те, и другие клинические рекомендации были утверждены одновременно – в 2024 году, соответственно встает вопрос – чем должен руководствоваться врач, устанавливая диагноз аномалий родовой деятельности и проводя их коррекцию. К сожалению, практика проведения судебно-медицинских экспертиз показывает, что врачи акушеры-гинекологи проводят влагалищное исследование каждые 4 часа не с момента начала активной фазы родов, а с момента начала родовой деятельности, что неоправданно часто приводит к избыточной диагностике слабости родовой деятельности. Эту проблему усугубляет неправильное заполнение партограммы, в результате чего врач ошибочно получает подтверждение своего заключения. Корень проблемы заключается в том, что основным диагностическим методом дифференциальной диагностики латентной и активной фазы родов является влагалищное исследование, которое в активной фазе родов проводится каждые 4 часа, тогда как его частота в латентной фазе родов не регламентирована. Соответственно, врач акушер-гинеколог проводит исследование, полагая, что пациентка уже

¹ Клинические рекомендации «Нормальные роды (роды одноплодные, самопроизвольное родоразрешение в затылочном предлежании)» (утв. Министерством здравоохранения Российской Федерации, 2024 г.) // СПС КонсультантПлюс.

² Клинические рекомендации «Аномалии родовой деятельности» (утв. Министерством здравоохранения Российской Федерации, 2024 г.) // СПС КонсультантПлюс.

³ Клинические рекомендации «Нормальные роды (роды одноплодные, самопроизвольное родоразрешение в затылочном предлежании)» (утв. Министерством здравоохранения Российской Федерации, 2024 г.) // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Клинические рекомендации «Аномалии родовой деятельности» (утв. Министерством здравоохранения Российской Федерации, 2024 г.) // СПС КонсультантПлюс.

находится в активной фазе родов, обнаруживает, что активная фаза еще не наступила, при этом количество влагалищных исследований увеличивается, зачастую растет безводный промежуток, все это приводит врача к неоправданному решению об оперативном родоразрешении.

Другой пример. В настоящее время очень большое значение придают инфекции новорожденных детей, вызванной гемолитическим стрептококком группы В. Данный микроорганизм может колонизировать родовые пути и желудочно-кишечный тракт беременной женщины, при этом у самой женщины появления инфекционного процесса может не быть, а у её новорожденного ребенка возможна реализация инфекции вплоть до летального исхода. В связи с этим важно как регламентируют ситуацию с носительством гемолитического стрептококка клинические рекомендации. Всем беременным женщинам в 35-37 недель беременности рутинно проводится бактериологическое исследование вагинального отделяемого и ректального отделяемого на стрептококк группы В, соответственно, если пациентка состояла на учете по беременности в женской консультации, то к доношенному сроку (37 недель и более) у неё уже есть результат исследования, и точно знаем есть у нее носительство стрептококка или нет. Если развиваются преждевременные роды или происходит преждевременное излитие околоплодных вод, то у пациентки с неустановленным статусом о носительстве стрептококка (так как у нее еще не успели провести исследование в регламентированный срок) проводится антибактериальная профилактика. Обоснование проведения антибиотикопрофилактики – стрептококк группы В является основной причиной инфекции новорожденных¹. При развитии срочных родов антибиотикопрофилактика рекомендована только при выявлении в урогенитальном тракте роженицы стрептококка группы В². Что делать, если у пациентки неустановленный статус о носительстве стрептококка, непонятно. Данных о низкой восприимчивости доношенных новорожденных к данному микроорганизму нет, соответственно, этот вопрос является крайне актуальным при развитии инфекционной патологии у новорожденного ребенка, особенно при неблагоприятных исходах и инициации судебного расследования, проведении судебно-медицинских экспертиз и т.д.

Еще одной проблемой оказания медицинской помощи во всех организациях, работающих в системе обязательного медицинского страхования (ОМС), то есть всех государственных медицинских организаций, является постоянный контроль оказания медицинской помощи со стороны страховых компаний. Медицинский эксперт, который работает от лица страховой компании, в своей работе руководствуется приказом Министерства здравоохранения РФ от 14.04.2025 № 203н «Об утверждении критериев оценки качества медицинской

¹ Клинические рекомендации «Преждевременные роды» (утв. Министерством здравоохранения Российской Федерации, 2024 г.) // СПС КонсультантПлюс.

² Клинические рекомендации «Нормальная беременность» (утв. Министерством здравоохранения Российской Федерации, 2023 г.) // СПС КонсультантПлюс.

помощи»¹. При этом, необходимо подчеркнуть, что отдельно (по Федеральному закону № 323-ФЗ) оказание медицинской помощи данным приказом Министерства здравоохранения РФ не регламентируется, то есть практикующий врач акушер-гинеколог выполнять его требования формально не должен. Однако, пункт 15.4 (Критерии оценки качества... при выкидыше (самопроизвольном аборте)) данного приказа оценивает выполнение вакуум-аспирации полости матки трансвагинальным доступом (при неполном выкидыше, неразвивающейся беременности и инфицированном выкидыше). Если вакуум-аспирация при данных состояниях не выполнена, это является дефектом оказания медицинской помощи, на организацию накладываются штрафные санкции. Но все акушеры-гинекологи руководствуются требованиями Клинических рекомендаций², где однозначно сказано, что при неразвивающейся беременности или неполном выкидыше до 12 недель беременности без признаков анемии, инфицирования, кровотечения, нестабильности гемодинамики опорожнение матки рекомендовано проводить медикаментозно. То есть врач акушер-гинеколог ежедневно находится перед непростым выбором: соблюсти клинические рекомендации и оказать женщине помощь по современной и безопасной методике, но получить материальное взыскание от страховой компании, или нанести пациентке реальный вред, но соответствовать требованиям страховой компании и не получить штрафные санкции. При этом при развитии осложнений медицинская помощь, соответствующая требованиям страховой компании, судебно-медицинской экспертизой будет признана некачественной и находящейся в причинно-следственной связи с развитием осложнений.

В настоящее время на поставленные вопросы нет однозначного обоснованного ответа, с учетом противоречивости актов каждый отдельный врач в отдельно взятой ситуации принимает решение исходя, в том числе, из своего опыта и практики. Оценку его действий также дают врачи (судебные эксперты и врачи специалисты при производстве экспертизы) с учетом их опыта и практики, при этом однозначного ответа, в соответствии с какими актами должен был поступить врач, нет³. Поэтому при оценке действий врача комиссия экспертов обычно руководствуется тем фактом, есть ли хотя бы один акт, которым можно обосновать действия врача, и если таковой имеется, соответственно, исключается дефект оказания медицинской помощи. Так как врач, поясняя свои действия с формальной точки зрения, может ссылаться на любой из действующих актов и будет прав.

¹ СПС КонсультантПлюс.

² Клинические рекомендации «Выкидыш (самопроизвольный аборт)» (утв. Министерством здравоохранения Российской Федерации, 2024 г.) // СПС КонсультантПлюс.

³ Тягунов Д.В., Столяров В.В., Усынин А.Ф. Задачи судебно-медицинской экспертизы в оценке характера оказания медицинской помощи // Вестник СурГУ. Медицина. 2017. № 2 (32). С. 53-56.

В связи с этим имеет место необходимость обратить особое внимание на обозначенную проблему, имеющую непосредственное практическое значение в повседневной работе следственных органов Следственного комитета Российской Федерации.

Литература

1. Баринов Е.Х. Судебно-медицинская экспертиза в гражданском судопроизводстве по медицинским делам: монография. URL: <https://urait.ru/bcode/586913>.

2. Тягунов Д.В., Столяров В.В., Усынин А.Ф. Задачи судебно-медицинской экспертизы в оценке характера оказания медицинской помощи // Вестник СурГУ. Медицина. 2017. № 2 (32). С. 53–56.

А.А. Казаков

Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

О соединении уголовных дел в случае неосторожного сопричинения вреда: к вопросу о допустимости распространительного толкования уголовно-процессуальных норм

Аннотация. В статье на основе анализа судебной практики исследуется вопрос о возможности применения ст. 153 УПК РФ в ситуациях, когда, по версии стороны обвинения, единый криминальный вред наступил в результате неосторожных деяний различных лиц. Делается вывод о целесообразности соединения уголовных дел в данных случаях. В то же время принятие решения об этом не всегда должно быть обязательным.

Ключевые слова: соединение уголовных дел, аналогия уголовно-процессуального закона, расширительное толкование уголовно-процессуальных норм, неосторожное сопричинение вреда, возвращение уголовного дела прокурору

В п. 1-3 ч. 1 и ч. 2 ст. 153 УПК РФ закреплены основания для соединения уголовных дел. Перечень таковых сконструирован законодателем как закрытый. Вместе с тем это не означает, что изложенные в рассматриваемой статье обстоятельства, учитываемые при принятии соответствующего процессуального решения, должны восприниматься исключительно буквально. В доктрине обоснованно утверждается о допустимости распространительного толкования уголовно-процессуальных норм, а также применения уголовно-процессуального закона по аналогии¹. В то же время в рамках интерпретации

¹ См., например: Уголовный процесс: учебник / под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. М.: Инфотропик Медиа», 2016. С. 28, 56-58; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу

смысла общеобязательных предписаний необходимо принимать во внимание сущность и значение определенного процессуального порядка. Результаты толкования не могут вступать в противоречие с принципами уголовного судопроизводства.

Согласно позиции высшего судебного органа процедура, предусмотренная ст. 153 УПК РФ, является проявлением дискреционного усмотрения осуществляющих производство по делу должностных лиц и органов, определяющих, имеются ли основания для соединения и обеспечит ли оно в конкретном случае достижение задач уголовного судопроизводства, защиту прав и законных интересов участников процесса, и решающих данный вопрос с учетом всех обстоятельств, включая доводы, приводимые сторонами в обоснование своей позиции. Данный институт представляет собой одно из средств формирования пределов и изменения объема производства по уголовному делу посредством его расширения. Принятие такого решения, которое одновременно не может быть произвольным, призвано не только обеспечить всесторонность, полноту и объективность рассмотрения дела в разумный срок без неоправданной задержки, но и содействовать эффективному осуществлению правосудия за счет процессуальной экономии¹.

В УПК РФ напрямую не предусмотрена возможность соединения уголовных дел о неосторожных криминальных деяниях, совершенных разными лицами. Данное решение при буквальном и системном толковании положений п. 1 ч. 1 ст. 153 УПК РФ и ст. 32 УК РФ допускается лишь в случае установления факта умышленного совместного участия двух или более субъектов в совершении умышленного преступления.

Российской Федерации (постатейный) / В.К. Бобров, В.П. Божьев, С.В. Бородин и др.; под ред. В.М. Лебедева, В.П. Божьева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2007 (комментарий к ст. 1) // СПС КонсультантПлюс; Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография / Т.Я. Хабриева, А.И. Ковлер, Р.А. Курбанов; отв. ред. Т.Я. Хабриева; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023 // СПС КонсультантПлюс; Клевцов К.К. Основания и условия исполнения поручений об осуществлении уголовного преследования или о возбуждении уголовного дела на территории Российской Федерации // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 5 // СПС КонсультантПлюс; Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса: анализ УПК Белоруссии, России и Украины // Российская юстиция. 2010. № 11 // СПС КонсультантПлюс.

¹ См., например: определение Конституционного Суда РФ от 14.01.2020 № 6-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефимова Александра Евгеньевича на нарушение его конституционных прав статьей 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; определение Конституционного Суда РФ от 26.05.2016 № 1098-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гисмеева Марса Рафиковича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части второй статьи 38 и пунктом 1 части первой статьи 153 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

Однако в практике встречаются примеры более широкого восприятия содержания этого правила¹. Так, правомерными признавались случаи расследования и разбирательства обстоятельств получения и дачи взятки, а также посредничества во взяточничестве в рамках одного уголовного дела². В некоторых ситуациях суды принимали решение в порядке, предусмотренном п. 4 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, настаивая на необходимости соединения указанных производств³. Обоснованием служил тезис о том, что предметом таковых фактически выступает единое криминальное событие, состоящее из взаимосвязанных деяний (независимо от оценки каждого из них по самостоятельной норме уголовного закона). Тем самым отсутствие формальных признаков соучастия не рассматривалось как препятствие для соединения уголовных дел. Наоборот, судебные инстанции иногда усматривали обязательный характер реализации данной процедуры, руководствуясь ее предназначением, при раскрытии которого в целом заимствовали ранее приведенные суждения, сформулированные Конституционным Судом РФ.

Аналогичным образом в современном российском правоприменении наличествуют прецеденты соединения уголовных дел о неосторожном сопричинении вреда в результате различных деяний нескольких лиц⁴.

Например, по уголовному делу о пожаре в торговом центре в г. Кемерово одним приговором осуждены 8 подсудимых: 1) генеральный директор ОАО «Кемеровский кондитерский комбинат» (организации-собственника торгового центра) Б.Ю., технический директор комбината С.Г. и генеральный директор ООО «Зимняя вишня» С.Н.В.А. за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей, совершенное организованной группой, в отношении услуг, предназначенных для детей в возрасте до шести лет, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью, смерть двух и более лиц (ч. 3 ст. 238 УК РФ), и нарушение требований пожарной безопасности, совершенное лицом, на котором лежала обязанность по их соблюдению, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, повлекшее по неосторожности смерть двух и более лиц (ч. 3 ст. 219 УК РФ); 2) руководитель ответственной за обслуживание сигнализации в торговом центре компании «Системный интегратор» П.И. и инженер противопожарной системы этой же компании Н. за нарушение

¹ Об этом иногда упоминается и в учебных трудах. См., например: Уголовный процесс: учебник для вузов / под редакцией Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. Москва: Издательство Юрайт, 2026. С. 230–231.

² См., например: постановление Тамбовского гарнизонного военного суда от 02.06.2021 № 0-3/2021 // СПС КонсультантПлюс.

³ См., например: постановление Раменского городского суда Московской области от 22.07.2025 № 1-476/2025; постановление Лефортовского районного суда города Москвы от 28.08.2020 № 01-267/2020 // СПС КонсультантПлюс.

⁴ В научной литературе присутствуют публикации, в которых обосновывается целесообразность такого подхода. См., например: Мелешко Д.А. Неосторожное сопричинение вреда: уголовно-правовые и процессуальные аспекты // Законность. 2016. № 5. С. 45–48.

требований пожарной безопасности, совершенное лицом, на котором лежала обязанность по их соблюдению, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, повлекшее по неосторожности смерть двух и более лиц (ч. 3 ст. 219 УК РФ); 3) сотрудник частного охранного предприятия А.С.И. за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, совершенные в отношении услуг, предназначенных для детей в возрасте до шести лет, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью, смерть двух и более лиц (ч. 3 ст. 238 УК РФ); 4) начальник караула пожарно-спасательной части Г.С.В. за халатность, то есть ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие небрежного отношения к службе, повлекшее существенное нарушение прав и законных интересов граждан и охраняемых законом интересов общества и государства, и повлекшее по неосторожности смерть двух и более лиц (ч. 3 ст. 293 УК РФ); 5) начальник службы пожаротушения отряда противопожарной службы Б.А.С. за халатность, то есть ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного отношения к службе, если это повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан и охраняемых законом интересов общества и государства, повлекшее по неосторожности смерть двух и более лиц (ч. 3 ст. 293 УК РФ)¹. При этом в суд были последовательно направлены два уголовных дела, которые затем соединены в порядке, предусмотренном 239² УПК РФ². Более того, решения, предусмотренные ст. 153 УПК РФ, принимались и в ходе предварительного расследования. Так, данное уголовное дело первоначально было возбуждено в марте 2018 года³. В свою очередь аналогичное решение в отношении Г.С.В. по факту халатности принято спустя один месяц⁴.

В рассматриваемом случае соучастниками преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 238 УК РФ, являлись только Б.Ю., С.Г. и С.Н.ВА. Вместе с тем в одном производстве были соединены уголовные дела о преступлениях иных лиц, действия (бездействие) которых также привели к массовой гибели людей.

В иной ситуации одним приговором суда осуждены: 1) учредитель и директор ООО «Экстрим Сервис» Б.В.Г., которому принадлежал детско-оздоровительный лагерь «Холдоми», и директор этого лагеря К. за умышленное оказание услуг по организации отдыха и оздоровления детей, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей, что повлекло по неосторожности

¹ Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 30.06.2023 № 22-72/2023 // СПС КонсультантПлюс.

² Суд в Кемерове объединил два уголовных дела о пожаре в «Зимней вишне» в одно производство. URL: <https://tass.ru/sibir-news/6619379> (дата обращения: 26.02.2026).

³ Возбуждено уголовное дело в связи с пожаром, повлекшим человеческие жертвы в торговом центре города Кемерово. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1212621> (дата обращения: 26.02.2026).

⁴ Возбуждено уголовное дело в отношении командира пожарного звена, выехавшего на пожар в кемеровском торговом центре. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1216798> (дата обращения: 26.02.2026).

смерть четырех лиц (ч. 3 ст. 238 УК РФ); 2) начальник отдела надзорной деятельности и профилактических работ по Солнечному муниципальному району управления надзорной деятельности ГУ МЧС России по Хабаровскому краю Н.Э. за халатность, а именно за то, что, являясь должностным лицом, выполняющим организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции в структурном подразделении специально уполномоченного федерального государственного органа по решению задач гражданской обороны, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, а также наделенным полномочиями, связанными с принятием решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия, ненадлежащим образом исполнил свои должностные обязанности, что повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан и охраняемых законом интересов общества и государства, а также по неосторожности смерть четырех лиц (ч. 3 ст. 293 УК РФ)¹. Уголовные дела по фактам оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей, и халатности были соединены руководителем следственного органа².

Обозначенные примеры свидетельствуют о том, что единое производство по фактам деяний различных лиц (не являющихся соучастниками), приведших к тем же самым криминальным последствиям, воспринималось рядом представителей прокурорского надзора и судебной власти как соответствующее подлинному смыслу положений п. 1 ч. 1 ст. 153 УПК РФ. При этом данное утверждение справедливо как к досудебному, так и судебному этапам уголовного процесса.

Примечательно, что в некоторых случаях законность такого рода соединения уголовных дел оспаривалась стороной защиты. Однако анализ изученной практики демонстрирует, что суды с данными доводами не соглашались. Так, в одном из схожих примеров кассационной инстанцией отмечено, что положения ст. 153 УПК РФ «носят рекомендательный характер и не являются императивными; в любом случае решение о соединении в одно производство нескольких уголовных дел принимается с учетом целесообразности с точки зрения всесторонности, полноты и объективности предварительного расследования конкретного общественно опасного деяния. В данном случае не имелось безусловных оснований для выделения в отдельное производство уголовного дела в отношении Т.И.Н.»³. В другой ситуации аргументы

¹ Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 03.05.2023 № 22-756/2023 // СПС КонсультантПлюс.

² В связи с пожаром в детском лагере в Хабаровском крае возбуждено уголовное дело о халатности. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1375684> (дата обращения: 26.02.2026).

³ Одним приговором были осуждены: 1) С. за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей (ч. 1 ст. 238 УК РФ); 2) Т.И.Н. за халатность, то есть неисполнение в период времени своих должностных обязанностей вследствие недобросовестного и небрежного отношения к обязанностям по должности, повлекшее существенное нарушение прав и законных интересов граждан (ч. 1 ст. 293 УК РФ). При этом суд не согласился со стороной обвинения, что

защитника были опровергнуты следующим образом: «Решение о соединении в одно производство уголовных дел в отношении З. и П., обвиняемых в совершении одного и того же преступления, принято судом в соответствии с положениями ст. 239² УПК РФ, не оказало влияния на полноту, всесторонность и объективность рассмотрения данного уголовного дела. Принятое судом решение не повлекло, вопреки доводам жалоб, нарушение права на защиту осужденных, ухудшения их положения и пределов судебного разбирательства, поскольку дело рассмотрено в объеме предъявленного каждому из них обвинения, то есть с соблюдением требований ст. 252 УПК РФ, регламентирующей пределы судебного разбирательства»¹. В свою очередь одним из кассационных судов общей юрисдикции констатировано, что «закон РФ не содержит запрета на рассмотрение уголовного дела в отношении нескольких подсудимых (в данном случае двух подсудимых) по обвинению каждого из них в преступлении, совершенном по неосторожности»².

В целом представляется, что соединение уголовных дел о неосторожном сопричинении вреда, как правило, будет способствовать полному, всестороннему и объективному исследованию причинно-следственной связи между деяниями различных субъектов и единым последствием в виде тяжкого вреда здоровью или гибели определенного лица (лиц). Наличие одного производства позволит определить значение каждого из нарушений закона в рамках последовательной цепочки событий, приведших к обозначенному криминальному вреду. Тем самым применение п. 1 ч. 1 ст. 153 УПК РФ в расширительном толковании будет отвечать предназначению данной

деяния этих лиц находятся в прямой причинно-следственной связи с наступившими последствиями в виде тяжкого вреда здоровью и смертью пассажиров автобуса. Этим же приговором подсудимый Ш. оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 266 УК РФ, – выпуск в эксплуатацию технически неисправных транспортных средств лицом, ответственным за техническое состояние транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, смерть двух и более лиц. В рамках данного производства до вынесения приговора постановлениями суда прекращено уголовное дело в отношении других обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 264 УК РФ, в связи с истечением срока давности уголовного преследования. См.: кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29.01.2025 № 77-123/2025 // СПС КонсультантПлюс.

¹ З. и П. были осуждены за нарушение правил безопасности при ведении строительных работ, повлекшее по неосторожности смерть С. (ч. 2 ст. 216 УК РФ). См.: апелляционное постановление Пермского краевого суда от 01.11.2025 № 22-4980/2025 // СПС КонсультантПлюс.

² Г. Р. и Ш. были признаны в рамках одного уголовного дела виновными в нарушении правил безопасности при ведении строительных работ, повлекшем по неосторожности смерть человека (ч. 2 ст. 216 УК РФ). См.: постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20.10.2022 № 77-5067/2022 // СПС КонсультантПлюс.

процедуры. При этом каких-либо нарушений принципов уголовного судопроизводства, в том числе права на защиту, вследствие принятия данного процессуального решения не усматривается. Подтверждением правомерности этого подхода служат материалы проанализированной судебной практики.

В то же время принятие решение об этом является дискреционным полномочием руководителя следственного органа. Поэтому возможным видится также раздельное рассмотрение данных уголовных дел. Однако стоит прогнозировать, что суд может усмотреть необходимость в соединении таковых в рамках одного производства¹.

Литература

1. Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса: анализ УПК Белоруссии, России и Украины // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 30–34.

2. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография / Т.Я. Хабриева, А.И. Ковлер, Р.А. Курбанов; отв. ред. Т.Я. Хабриева; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. 384 с.

3. Клевцов К.К. Основания и условия исполнения поручений об осуществлении уголовного преследования или о возбуждении уголовного дела на территории Российской Федерации // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 5. С. 11–14.

4. Мелешко Д.А. Неосторожное сопричинение вреда: уголовно-правовые и процессуальные аспекты // Законность. 2016. № 5. С. 45–48.

5. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / В.К. Бобров, В.П. Божьев, С.В. Бородин и др.; под ред. В.М. Лебедева, В.П. Божьева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2007. 1157 с.

6. Уголовный процесс: учебник для вузов / под редакцией Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. М.: Юрайт, 2026. 565 с.

7. Уголовный процесс: учебник / под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. М.: Инфотропик Медиа, 2016. 912 с.

¹ См. по аналогии: определение Конституционного Суда РФ от 21.07.2022 № 2027-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Борисова Владислава Игоревича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 части первой статьи 154 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

О проблеме определения критериев конкретизированности обвинения

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме обеспечения конкретности обвинения в российском уголовном процессе. Несмотря на отсутствие законодательного определения терминов «конкретность» или «конкретизированность» обвинения, автор, анализируя нормы действующего законодательства и судебную практику, доказывает необходимость установления минимального уровня детализации обстоятельств преступления. В работе рассматривается взаимосвязь между степенью описания состава преступления и реализацией права обвиняемого на защиту. Особое внимание уделяется значению точного указания места и времени совершения деяния для исчисления сроков давности, определения подсудности и обеспечения возможности реализации права на заявление алиби.

Ключевые слова: конкретизированность обвинения, конкретность обвинения, право на защиту, алиби, сроки давности, подсудность, подследственность

Несмотря на широкое распространение в следственно-прокурорской и судебной практике¹, а также в научной литературе² понятия «конкретность» или «конкретизированность» обвинения, действующее законодательство не содержит таких терминов.

Вместе с тем в УПК РФ сформулирован ряд положений, которые свидетельствуют о том, что постановление о привлечении в качестве обвиняемого должно быть конкретизированным.

Часть 4 ст. 7 УПК РФ требует, чтобы постановления следователя были обоснованными и мотивированными.

Статья 171 УПК РФ предусматривает, что постановление о привлечении в качестве обвиняемого должно в обязательном порядке содержать описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с п. 1-4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, в том числе способа и других обстоятельств совершения

¹ См.: апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 27.05.2021 № 22-1403/2021; кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 31.05.2023 № 77-2072/2023; постановление Промышленного районного суда города Владикавказа от 22.04.2016 № 1-30/2016 и др. // СПС КонсультантПлюс.

² См.: Карпов А.С. О необходимости установления единых требований к качеству обвинения // Аграрное и земельное право. 2023. № 11 (227). С. 226–228; Ефремова Н.П. Формулирование обвинения в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого // Законодательство и практика. 2017. № 1 (38). С 8–14 и др.

преступления, а также виновности лица в совершении преступления, формы его вины и мотивов.

Как видно, ст. 171 УПК РФ содержит императивное требование, а значит, во всех случаях указанные обстоятельства должны быть указаны в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. Но на практике очень часто возникают ситуации, когда следователь не смог установить детально или вообще установить то или иное обстоятельство. Означает ли это, что тогда нет оснований для предъявления обвинения?

Представляется, что если исходить из позиции «при отсутствии установления хотя бы одного из обстоятельств, перечисленных в п. 1–4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, отсутствуют основания для привлечения к уголовной ответственности», то с учетом сути познавательной деятельности следователя (восстановление событий прошлого по следам, имеющимся в настоящем) это приведёт к тому, что по значительной доле уголовных дел будет невозможно предъявить обвинение и направить материалы в суд. Подобный подход вступает в противоречие с одним из назначений уголовного судопроизводства – защитой прав и законных интересов лиц и организаций, пострадавших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Вместе с тем формулирование обвинения, при котором обстоятельства преступления будут описаны или через неконкретизированные формулировки («в один из дней 2025 года», «на территории города Екатеринбурга» и т.п.), или с указанием на невозможность их установления («в неустановленном следствии месте», «действуя с неустановленным следствием мотивом» и т.п.), вряд ли может оцениваться как отвечающее второму назначению уголовного судопроизводства – защите личности от незаконного и необоснованного обвинения (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

При таких обстоятельствах с целью достижения обоих назначений уголовного судопроизводства необходимо выработать критерии определения минимального уровня конкретизации обвинения, ниже которого обвинение не должно быть предъявлено.

Такие критерии прежде всего необходимо определять из статьи Особенной части УК РФ. Каждая статья содержит обязательный перечень подлежащих установлению признаков с определенной степенью их конкретизированности. На это обращает внимание Пленум Верховного Суда РФ, который в своих постановлениях указывает на тот или иной обязательный признак преступления и необходимый уровень его конкретизации. Так, по делам о хищениях требуется установление как предмета хищения, так и стоимости похищенного¹, по делам о должностных преступлениях – конкретных должностных полномочий², по делам о наркотиках – вида и размера наркотического средства и психотропного

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС КонсультантПлюс.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (п. 22) // СПС КонсультантПлюс.

вещества¹, по делам об экстремизме – мотивов действий², по делам о преступлениях, предусмотренных статьями с бланкетными диспозициями – пунктов, частей и статей соответствующих правовых актов³, по делам о групповых преступлениях – конкретных действия каждого соучастника⁴ и так далее.

При этом высший судебный орган прямо указывает: если из содержания статьи УК РФ не следует, что то или иное обстоятельство является составообразующим или квалифицирующим признаком, то его установление или неустановление не влияет на решение вопроса о привлечении или освобождении от уголовной ответственности. Так, например, по делам об изнасилованиях Верховный Суд РФ отмечает, что мотив совершения может быть любым⁵. Из этого можно сделать вывод, что если следователь не смог в ходе расследования установить мотив преступления, вполне допустимо указание в обвинении на то, что лицо действовало «с неустановленным следствием мотивом».

Соответственно, можно сделать вывод о том, что степень конкретизации обвинения зависит от описания состава преступления, данного в статье Особенной части УК РФ. Если там предусмотрены конкретные описания субъекта, объекта, объективной и субъективной стороны, то без их конкретизации в обвинении, такое постановление о привлечении в качестве обвиняемого не сможет быть признано законным. При таких неконкретизированных обвинениях дело с обвинительным заключением возвращается судом прокурору, а затем следователю⁶.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС КонсультантПлюс.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (п. 2, 2.1) // СПС КонсультантПлюс.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» (п. 2) // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» (п. 18) // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (п. 1) // СПС КонсультантПлюс.

⁶ См.: Максимова Т.Ю., Маркова Т.Ю. Признание судом обвинения как неконкретного и его последствия // Адвокатская практика. 2025. № 2. С. 21-26; Карпов А.С. Об обеспечении конкретности обвинения по уголовным делам // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности. Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2024. С. 230-238; Гаспарян Н.С. Исключение доказательств,

Но не только статьи Особенной части УК РФ определяют степень конкретизированности обвинения. Особое внимание необходимо уделить описанию места и времени совершения преступления.

Так, в соответствии со ст. 152 УПК РФ предварительное расследование, по общему правилу, производится по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления (по месту окончания преступления). В соответствии со ст. 32 УПК РФ уголовное дело, по общему правилу, подлежит рассмотрению в суде по месту совершения преступления (по месту окончания преступления).

Таким образом, из содержания закона следует необходимость определения и указания в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого сведения о месте окончания преступления. При этом, как видится, для полноценной реализации положений ст. 32 и 152 УПК РФ минимальные требования к конкретизации данных мест заключаются в указании на территорию, на которую распространяется подследственность и подсудность конкретного следственного органа и суда (Ленинский район г. Екатеринбурга и т.п.).

Описание времени совершения преступления требует еще большей конкретизации.

Так, ст. 78 УК РФ предусматривает сроки со дня совершения преступления, по истечении которых лицо освобождается от уголовной ответственности, а ст. 24 УПК РФ говорит об обязанности прекратить уголовное дело при истечении сроков давности. При этом сроки давности исчисляются со дня совершения преступления (ч. 2 ст. 78 УК РФ).

Напомним, что в соответствии с ч. 2 ст. 9 УК РФ временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий.

Таким образом, для исчисления сроков давности и правильного применения ст. 78 УК РФ и ст. 24 УПК РФ необходимо установить и отразить в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого время совершения общественно опасного деяния, которое должно быть детализировано.

Кроме того, к вопросу о месте и времени совершения преступления необходимо подойти и с точки зрения обеспечения права на защиту. Неслучайно М.С. Строгович еще в прошлом веке писал, что «постановление должно быть изложено и сформулировано таким образом, чтобы обвиняемый, ознакомившись с ним, был осведомлен, в чем он обвиняется, и получил возможность защищаться от этого обвинения»¹.

Фундаментальное право обвиняемого возражать против обвинения (п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ) реализуется, в том числе, в праве давать показания и сообщать о наличии у него алиби. В соответствии с п. 1 ст. 5 УПК РФ алиби – это нахождение обвиняемого в момент совершения преступления в другом месте.

полученных с нарушением закона, и возвращение уголовного дела прокурору (теория и систематизированная судебная практика). Том 2. Возвращение уголовного дела прокурору. М.: Граница, 2021. 504 с.

¹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М.: Наука 1970. Т. 2. С. 87.

Здесь УПК РФ оперирует понятием «момент совершения преступления». В данном законе термин «момент» встречается неоднократно и означает или время сразу после какого-то действия, определенного датой, часом и минутой (ст. 46, 47, 49 и др.), или же конкретные сутки (ч. 2², 3 ст. 27 УПК РФ и др.).

Таким образом, чтобы заявить алиби, обвиняемому нужно узнать из постановления о привлечении в качестве обвиняемого момент совершения преступления, который, как правило, должен быть детализирован.

В теории научного познания Карлом Поппером разработан такой критерий научности какого-либо утверждения, как его фальсифицируемость или принципиальная опровержимость. Теория считается фальсифицируемой и, следовательно, научной, если существует хотя бы гипотетическая возможность её эмпирического или иного опровержения¹.

Представляется допустимым использование методологической аналогии с критерием фальсифицируемости: обвинение будет считаться достаточно конкретизированным и, соответственно, обоснованным и законным, когда у защиты имеется хотя бы гипотетическая возможность опровергнуть данное обвинение путем сообщения о том, что в момент совершения преступления обвиняемый находился в ином месте.

При таком подходе ряд обвинений нельзя признать достаточно конкретизированными и законными.

Примером может служить обвинение в получении взятки по делу, рассмотренному в 2026 году Верх-Исетским районным судом г. Екатеринбурга (дело № 1-31/2026)². Согласно обвинению М. в период с 22.12.2022 по 22.12.2023, находясь в неустановленном месте на территории г. Екатеринбурга, передал неустановленными частями, а К. получил через посредника денежные средства в сумме 1 500 000 рублей в качестве взятки от Ш. Иные обстоятельства передачи взятки по данному эпизоду в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого никак не описаны.

Такое обвинение, где время совершения преступления описано как период длительностью в 365 дней, а место – как территория города площадью свыше тысячи квадратных километров, на наш взгляд, не соответствует принципу конкретизированности и опровергаемости. Обвиняемый, житель города Екатеринбурга, фактически лишен права на возражения против обвинения путем заявления алиби, так как не ясно, на какой момент он должен сообщить о своем нахождении в другом месте и в каком другом месте³.

¹ Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 638 с.

² Архив Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга.

³ См. другой пример неконкретизированного обвинения, лишаящего возможность реализовывать право на защиту: Баландин А.Л. Если обвинение не конкретизировано... В обвинительном заключении отсутствует информация о том, когда было совершено преступление. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/esli-obvinenie-ne-konkretizirovano/> (дата обращения: 02.05.2026).

Подводя итог сказанному, можно указать, что обвинение может быть признано конкретизированным при соблюдении следующих условий:

- в тексте постановления присутствует фактическое описание всех обязательных для данного состава признаков преступления;
- имеется возможность исчислить сроки давности, определить подследственность и подсудность дела;
- формулировка обвинения не исключает возможности заявления алиби.

Литература

1. Гаспарян Н.С. Исключение доказательств, полученных с нарушением закона, и возвращение уголовного дела прокурору (теория и систематизированная судебная практика). Том 2. Возвращение уголовного дела прокурору. М.: Граница, 2021. 504 с.

2. Ефремова Н.П. Формулирование обвинения в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого // Законодательство и практика. 2017. № 1 (38). С. 8–14.

3. Карпов А.С. Об обеспечении конкретности обвинения по уголовным делам // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности. Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2024. С. 230–238.

4. Карпов А.С. О необходимости установления единых требований к качеству обвинения // Аграрное и земельное право. 2023. № 11 (227). С. 226–228.

5. Максимова Т.Ю., Маркова Т.Ю. признание судом обвинения как неконкретного и его последствия // Адвокатская практика. 2025. № 2. С. 21–26.

6. Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 638 с.

7. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М.: Наука 1970. Т. 2. 516 с.

Е.В. Лежнев

Четвертое следственное управление (с дислокацией в городе Екатеринбург)

Главного следственного управления

Следственного комитета Российской Федерации

К вопросу о допустимости производства следственных действий на этапе ознакомления с материалами уголовного дела

Аннотация. В статье исследуется один из спорных вопросов досудебного производства с учетом предусмотренной законом его структуры. Делается вывод о возможности проведения следственных действий на этапе ознакомления с материалами уголовного дела, в том числе по указанию руководителя следственного

органа и инициативе следователя. Однако при этом не должно быть злоупотребления со стороны должностных лиц.

Ключевые слова: ознакомление с материалами уголовного дела, следственные действия, предъявление обвинения, собирание доказательств, злоупотребление полномочиями

Согласно ч. 1 и ч. 2 ст. 215 УПК РФ, признав, что все следственные действия по уголовному делу произведены, а собранные доказательства достаточны для составления обвинительного заключения, следователь уведомляет об этом обвиняемого и разъясняет ему право на ознакомление со всеми материалами уголовного дела как лично, так и с помощью защитника, законного представителя, о чем составляется протокол в соответствии со ст. 166 и 167 УПК РФ. Кроме того, следователь уведомляет об окончании следственных действий защитника, законного представителя обвиняемого, если они участвуют в уголовном деле, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей. Таким образом, начинается «некий переломный момент всей уголовно-процессуальной деятельности, сопровождаемый кардинальными изменениями большинства важнейших условий реализации соответствующих правоотношений»¹. Недаром этот этап досудебного производства вызывает множество сложностей в практической деятельности².

После выполнения требований ст. 215 УПК РФ следователь знакомит указанных выше участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела в соответствии со ст. 216, 217 УПК РФ. При этом согласно ч. 1 и 2 ст. 219 УПК РФ в случае удовлетворения ходатайства, заявленного одним из участников производства по уголовному делу, следователь проводит необходимые действия, дополняет материалы уголовного дела, что не препятствует продолжению ознакомления с материалами уголовного дела другими участниками. По окончании производства дополнительных следственных действий следователь уведомляет об этом обвиняемого, защитника, законного представителя обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей и предоставляет им возможность ознакомления с дополнительными материалами уголовного дела.

¹ Россинский С.Б. Правила ознакомления с материалами уголовного дела: требуются новые подходы // Российский следователь. 2025. № 3. С. 16, 17.

² См. о некоторых из них, например: Казаков А.А., Каркошко Ю.С. Некоторые проблемы ознакомления с материалами уголовных дел обвиняемых, не содержащихся под стражей // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 2. С. 81–84; Могильников Д.С. Затягивание процесса ознакомления с материалами многоэпизодных и многофигурантных уголовных дел // Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекомендации по их решению: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 21–22 мая 2025 года. Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, 2025. С. 83–86.

Согласно ч. 1 ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Таким образом, для того чтобы проведенные на этапе ознакомления с материалами уголовного дела следственные действия соответствовали требованиям закона, а полученные доказательства не были признаны недопустимыми, необходимо соблюдение следующих условий:

- наличие ходатайства одного из участников уголовного судопроизводства об их проведении;
- вынесение постановления об удовлетворении (частичном отказе в удовлетворении) заявленного ходатайства;
- уведомление участников уголовного процесса о производстве дополнительных действий;
- предоставление участникам уголовного судопроизводства возможности ознакомиться с полученными дополнительными материалами уголовного дела.

При этом, как указал Конституционный Суд РФ, одной из целей этапа ознакомления с уголовным делом является дополнение материалов предварительного следствия, в том числе путем проведения следственных действий и принятия с учетом их результатов соответствующих процессуальных решений, в частности касающихся содержания и объема обвинения; если же в результате удовлетворения ходатайств и выявления новых фактических обстоятельств дела следователь согласно ст. 175 УПК РФ изменяет ранее предъявленное обвинение, то он выносит новое постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого и предъявляет его обвиняемому в обычном порядке, установленном ст. 172 УПК РФ¹.

Таким образом, на этапе ознакомления с материалами уголовного дела также возможно предъявление нового обвинения. При этом Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что уголовно-процессуальный закон предусматривает данную возможность в случае удовлетворения соответствующего ходатайства, заявленного одним из участников производства по делу².

Вместе с тем в практической деятельности следственных органов бывают ситуации, когда в целях установления истины по делу после выполнения требований ст. 215 УПК РФ возникает необходимость в производстве каких-либо следственных действий, о проведении которых участники уголовного процесса не ходатайствуют, в том числе обусловленных потребностью в

¹ См., например: определения Конституционного Суда РФ от 25.10.2016 № 2264-О, 23.07.2020 № 1904-О // СПС КонсультантПлюс.

² См., например: определения Конституционного Суда РФ от 16.07.2009 № 979-О-О, 25.02.2013 № 184-О, 24.10.2013 № 1602-О, 22.04.2014 № 878-О, 23.11.2017 № 2735-О // СПС КонсультантПлюс.

предъявлении нового обвинения, например, в случае выявления технических ошибок в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого.

В таких случаях зачастую на практике следователи прерывают ознакомление с материалами уголовного дела, проводят необходимые следственные и иные процессуальные действия, после чего в соответствии со ст. 215 УПК РФ снова уведомляют участников уголовного судопроизводства об окончании следственных действий и в соответствии со ст. 216, 217 УПК РФ заново знакомят указанных лиц с материалами уголовного дела. В этих случаях, хотя уголовно-процессуальный закон этого не требует, следователями, как правило, выносится постановление о возобновлении производства следственных действий¹. При этом Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что необходимость производства следственных и иных процессуальных действий на этапе ознакомления с материалами уголовного дела, в том числе предъявление нового обвинения, не влечет принятия решения о возобновлении предварительного следствия, поскольку ознакомление участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела происходит не после окончания предварительного следствия, а по окончании лишь следственных действий².

Однако указанный выше порядок производства следственных действий не всегда применим на практике, так как, во-первых, он может не соответствовать принципу разумного срока уголовного судопроизводства, например, когда на момент возникновения необходимости производства следственных действий ознакомление с материалами уголовного дела производилось длительное время; во-вторых, такой порядок может стать препятствием для продления обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, так как по истечении предельных сроков, установленных ч. 3 ст. 109 УПК РФ, в случае возобновления производства следственных действий, последующего уведомления об их окончании и повторного ознакомления с материалами уголовного дела порядок, предусмотренный ч. 7 ст. 109 УПК РФ, не подлежит применению³.

В соответствии с положениями уголовно-процессуального закона возможны следующие варианты производства следственных действий без прерывания ознакомления с материалами дела:

1. Проведение таковых на основании ходатайства потерпевшего. При этом известен, в частности, случай, когда суд благосклонно отнесся к тому, что инициатором подачи указанного ходатайства является следователь, который

¹ См., например: апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.01.2020 № 78-АПУ19-36, кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26.09.2024 № 77-2574/2024 // СПС КонсультантПлюс.

² См., например: определение Конституционного Суда РФ от 25.10.2016 № 2264-О // СПС КонсультантПлюс.

³ См., например: определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2346-О // СПС КонсультантПлюс.

обратился к потерпевшему и разъяснил ему о том, что в целях защиты его прав и законных интересов необходимо провести определенные следственные и иные процессуальные действия, после чего потерпевшим было заявлено соответствующее ходатайство¹.

2. Проведение таковых на основании ходатайства иных участников уголовного судопроизводства (гражданский истец, гражданский ответчик, их представители, свидетель и др.).

3. Проведение таковых по указанию руководителя следственного органа, который в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ вправе давать следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения. Налицествует соответствующая судебная практика, когда суды признают законным производство следственных и иных процессуальных действий, в том числе предъявление нового обвинения, на этапе ознакомления с материалами уголовного дела по указанию руководителя следственного органа². При этом в обоснование данных решений суды указывают, что производство таких действий во время выполнения требований ст. 217 УПК РФ прямо предусмотрено ст. 219 УПК РФ, поэтому их осуществление по инициативе руководителя следственного органа до истечения срока следствия не может быть признано нарушением закона.

4. Проведение таковых по инициативе следователя. На первый взгляд, это противоречит ч. 1 ст. 215 УПК РФ, согласно которой, уведомив об окончании следственных действий, следователь констатировал, что все следственные действия по уголовному делу произведены (то есть окончены), а собранные доказательства достаточны для составления обвинительного заключения. Вместе с тем, как видится, из буквального толкования положений ч. 1 ст. 215 УПК РФ следует, что решение следователя об окончании следственных действий свидетельствует только о том, что им получено достаточное количество доказательств для составления обвинительного заключения, поэтому производство каких-либо еще следственных действий в принципе не требуется. При этом при возникновении ситуации, когда необходимо провести какие-либо дополнительные действия, в том числе предъявить новое обвинение в случае выявления технических ошибок в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, следователь, думается, вправе это сделать. В данном случае важно, чтобы, во-первых, данные действия были выполнены согласно ст. 162 УПК РФ в рамках продленного в установленном законом порядке срока

¹ См., например: апелляционное определение Суда Еврейской автономной области от 29.02.2024 № 22-50/2024 // СПС КонсультантПлюс.

² См., например: апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.12.2015 № 72-АПУ15-50; апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 08.09.2020 № 55-614/2020; апелляционное постановление Брянского областного суда от 19.07.2023 № 3/10-33/2023 // СПС КонсультантПлюс.

предварительного расследования, в который включается время со дня возбуждения уголовного дела и до дня направления дела прокурору с обвинительным заключением; во-вторых, в соответствии с ч. 2 ст. 219 УПК РФ обвиняемые и их защитники были надлежащим образом ознакомлены с дополнительными материалами уголовного дела; в-третьих, не было допущено злоупотребления со стороны следователя (например, если на момент уведомления об окончании следственных действий собранных доказательств объективно недостаточно для составления обвинительного заключения, при этом следователь для того, чтобы продлить обвиняемому меру пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста в порядке, предусмотренном ч. 7 ст. 109 УПК РФ, уведомляет участников уголовного судопроизводства об окончании следственных действий и приступает к ознакомлению с материалами уголовного дела, а в дальнейшем на этом этапе продолжает активный сбор доказательств).

Литература

1. Казаков А.А., Каркошко Ю.С. Некоторые проблемы ознакомления с материалами уголовных дел обвиняемых, не содержащихся под стражей // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 2. С. 81–84.
2. Могильников Д.С. Затягивание процесса ознакомления с материалами многоэпизодных и многофигурантных уголовных дел // Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекомендации по их решению: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 21–22 мая 2025 года. Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, 2025. С. 83–86.
3. Россинский С.Б. Правила ознакомления с материалами уголовного дела: требуются новые подходы // Российский следователь. 2025. № 3. С. 16–20.

Н.Н. Лунина

Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева

Постановление о возбуждении уголовного дела: анализ правоприменительной практики кассационных судов общей юрисдикции и Верховного Суда Российской Федерации

Аннотация. В статье исследуются некоторые решения кассационных судов общей юрисдикции, Верховного Суда РФ, в которых констатировались нарушения,

допущенные при принятии решения о возбуждении уголовного дела. С учетом позиций судов сделан вывод о современных требованиях, предъявляемых к постановлению о возбуждении уголовного дела как процессуальному акту индивидуального правоприменения.

Ключевые слова: постановление о возбуждении уголовного дела, повод для возбуждения уголовного дела, основание для возбуждения уголовного дела, судебный контроль, правозащитное начало уголовного судопроизводства

Следователи (дознаватели) ежедневно принимают процессуальное решение о возбуждении уголовного дела. В некоторых ситуациях данный процессуальный акт становится предметом судебного контроля в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ. Первоочередными являются доводы авторов жалоб об отсутствии повода и основания для возбуждения уголовного дела, несоответствии содержания постановления о возбуждении уголовного дела предписаниям уголовно-процессуального закона, то есть о незаконном возбуждении уголовного дела.

Анализ судебной практики кассационных судов общей юрисдикции и высшего судебного органа России позволяет сделать вывод о ряде требований, которые на современном этапе предъявляются к возбуждению уголовного дела.

А.А. Бондаренко, В.В. Кальницкий, Т.В. Куряхова убеждены, что «постановление о возбуждении уголовного дела ни в коем случае нельзя относить к сугубо формальным документам, от которых требуется лишь одно – находиться в деле. Напротив, это акт индивидуального правоприменения, значение которого ... существенно возросло»¹.

Форма этого акта законодателем не урегулирована. Как известно, постановление о возбуждении уголовного дела состоит из вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной частей. Соответствующая структура, как правило, сомнений не вызывает. Однако содержание постановления о возбуждении уголовного дела, которое регламентировано ч. 2 ст. 146 УПК РФ, составляет неизменный предмет обжалования. Иными словами, предстоит ответить на практический вопрос: что именно следует излагать в постановлении о возбуждении уголовного дела, чтобы процессуальный акт отвечал требованиям законности, обоснованности и мотивированности.

Без повода и достаточного основания возбудить уголовное дело нельзя. Части 1-1³ ст. 140 УПК РФ посвящены поводам для возбуждения уголовного дела, часть 2 названной статьи устанавливает основание для возбуждения уголовного дела, которым является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

1. Повод к возбуждению уголовного дела в обязательном порядке должен быть указан следователем (дознавателем) в постановлении о возбуждении дела.

¹ Бондаренко В.В., Кальницкий Т.В., Куряхова Т.В. Форма и содержание постановления о возбуждении уголовного дела // Законодательство и практика. 2025. № 1 (54). С. 12.

Так, судом кассационной инстанции проверены доводы жалобы защитника о незаконном возбуждении уголовного дела в отношении осужденного К. По мнению адвоката, основанием¹ стало сообщение о преступлении – рапорт следователя и материалы, выделенные из уголовного дела, возбужденного в отношении другого лица. Довод о незаконности возбуждения уголовного дела именно по п. «в» ч. 3 ст. 204 УК РФ судебной коллегией признан несостоятельным, поскольку из описательно-мотивировочной части постановления о возбуждении уголовного дела следует, что старшим следователем в соответствии с требованиями п. 3, 4 ч. 2 ст. 146 УПК РФ приведены повод, основание для возбуждения уголовного дела, пункт, часть, статья УК РФ, на основании которых возбуждено уголовное дело, сделан вывод о достаточных данных, указывающих на наличие в действиях К. признаков преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 204 УК РФ².

2. Действительную трудность составляет изложение в тексте постановления о возбуждении уголовного дела *основания для возбуждения уголовного дела*, что и приводит к инициированию процедуры обжалования. Освещая проблему содержания постановления о возбуждении уголовного дела, нельзя не коснуться теоретической части вопроса. Е.С. Кузьменко справедливо пришла к выводу, что «повод есть категория юридическая, а вот основание – логическая»³. Деятельность следователя (дознателя) основана на волевом и интеллектуальном содержании. Это позволяет утверждать, что «постановление о возбуждении уголовного дела является законным и обоснованным, когда оно вынесено с учетом совокупности сведений, подтверждающих сам факт совершения деяния, а также ключевые признаки соответствующего состава преступления, без которых содеянное не обладает общественной опасностью и может представлять собой административное или иное правонарушение либо вовсе рассматриваться в качестве разновидности правомерного поведения»⁴.

В практике зачастую вынесение самого постановления о возбуждении уголовного дела подтверждает наличие основания для этого, тогда как в тексте процессуального акта не содержится отдельного абзаца с анализом материалов, на основании которых должностное лицо пришло к выводу об обоснованности итогового решения, но излагаются обстоятельства события, именуемого преступлением, или действия лица, в которых присутствуют признаки преступления, что также может быть расценено как основание к возбуждению уголовного дела. Вместе с тем основание, по нашему мнению, должно быть объективно подтверждено имеющимися в распоряжении следователя

¹ Полагаем, что в данном случае автором жалобы очевидно допущена правовая неточность: правильным было бы использовать термин «повод».

² Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24.02.2026 № 77-607/2026 // СПС КонсультантПлюс.

³ Кузьменко Е.С. Несколько доводов в защиту стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3 (31). С. 101.

⁴ Миронов В.В. К вопросу о понятии основания для возбуждения уголовного дела // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 6. С. 171.

(дознателя) материалами – только при соблюдении этого условия постановление о возбуждении уголовного дела будет законным, обоснованным и мотивированным.

Именно практическая проблема изложения в тексте процессуального акта основания к возбуждению дела, формальный подход к составлению постановления о возбуждении уголовного дела приводит к установлению препятствий к возбуждению уголовного дела.

К примеру, высшей судебной инстанцией апелляционное постановление Краснодарского краевого суда и кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции по вопросу о незаконности возбуждения уголовного дела в отношении Г. оставлены без изменения, кассационная жалоба заявителя – без удовлетворения. Установлено, что по обстоятельствам возбужденного 02.05.2024 уголовного дела в отношении Г., то есть по тому же обвинению, имеется постановление о частичном прекращении уголовного преследования от 29.03.2019, что обусловлено одним предметом рассмотрения, каковым являлся один и тот же земельный участок. Изложенное является безусловным препятствием к возбуждению в отношении Г. уголовного дела по тем же фактическим обстоятельствам, связанным с приобретением права собственности на этот участок¹.

3. Отдельные сложности представляет толкование *повода для возбуждения уголовных дел, предусмотренных ст. 198-199² УК РФ*.

Согласно ч. 1³ ст. 140 УПК РФ таковым служат только материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Например, судом кассационной инстанции установлено, что постановлением старшего следователя от 19.05.2023 года в отношении К. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 33, п. «а» ч. 2 ст. 199 УК РФ. При этом следователем не принято во внимание, что за два месяца до вынесения обжалуемого постановления о возбуждении уголовного дела имевшаяся задолженность по налогам вместе с пенями и штрафом была полностью погашена. Более того, уголовное дело возбуждено на основании рапорта об обнаружении признаков преступления в отношении неустановленных лиц из числа руководства ООО «Стройтэкс-Консалтинг». Кассационным судом апелляционное постановление Московского городского суда от 03.10.2023 было отменено, дело направлено на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе суда².

4. При возбуждении уголовного дела следователю (дознателю) следует проверять, *нет ли обстоятельств, исключающих производство по делу*.

Так, судом кассационной инстанции установлено, что 15.11.2021 дознавателем в отношении Н. было возбуждено уголовное дело по признакам

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11.12.2025 № 18-УД25-37-К4 // СПС КонсультантПлюс.

² Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 24.01.2024 № 77-4163 // СПС КонсультантПлюс.

преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ, совершенного 01.09.2019, срок давности привлечения к уголовной ответственности за которое к тому времени истек. При этом согласие на принятие решения об отказе в возбуждении дела в связи с истечением срока давности у Н. не выяснялось, то есть возражать против этого он не мог. В указанной связи решение мирового судьи было отменено, уголовное дело – направлено прокурору Центрального АО г. Тюмени для устранения препятствий его рассмотрения судом¹.

5. Стадия возбуждения уголовного дела является обязательной; актом возбуждения уголовного дела начинается публичное уголовное преследование от имени государства в связи с совершенным преступным деянием.

Например, судом кассационной инстанции установлено, что в отношении С. было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228¹ УК РФ, по факту незаконного сбыта наркотического средства Ф. В связи с этим же фактом постановлением следователя в возбуждении уголовного дела в отношении П. отказано на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в его действиях состава преступления, предусмотренного ст. 228¹ УК РФ.

Руководителем следственного органа постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении П. отменено. В этот же день действия П. и С. по факту незаконного сбыта наркотического средства квалифицированы по п. «а» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ. П. был задержан в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, допрошен в качестве подозреваемого, ему предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ, по факту сбыта в группе и по предварительному сговору с С. наркотического средства, он допрошен в качестве обвиняемого. Таким образом, как следует из материалов уголовного дела, решение о возбуждении уголовного дела в отношении П. по факту незаконного сбыта наркотического средства Ф. не принималось. Факт возбуждения уголовного дела в отношении С. не свидетельствует о соблюдении органами предварительного расследования процедуры возбуждения уголовного дела в отношении П. и его уголовного преследования, поскольку в постановлении о возбуждении уголовного дела отсутствуют данные о его причастности к инкриминируемому преступлению и уголовное дело возбуждалось в отношении конкретного лица С. по факту совершения преступления в ином месте и при иных обстоятельствах².

Поводы и основание для возбуждения уголовного дела подлежат судебной проверке как в досудебном уголовном судопроизводстве, при судебном контроле, так и в судебном уголовном судопроизводстве, при осуществлении правосудия судом. Законность, обоснованность, мотивированность процессуального акта – постановления о возбуждении уголовного дела – проверяется на соответствие поводов и основания, изложенных в

¹ Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28.05.2025 № 77-1705/2025 // СПС КонсультантПлюс.

² Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.06.2024 № 77-2287/2024 // СПС КонсультантПлюс.

постановлении о возбуждении дела, имеющимся у следователя (дознателя) материалам, а также смысловому изложению (описанию) текста постановления.

Приведенная судебная практика по конкретным уголовным делам, на наш взгляд, подтверждает индивидуальный подход к разрешению доводов о соблюдении порядка возбуждения уголовного дела и позволяет утверждать, что к постановлению о возбуждении уголовного дела предъявляются высокие требования, юридическим последствием нарушения норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих процедуру возбуждения уголовного дела, является признание действий (бездействий) должностных лиц незаконными. Считаем, что несмотря на недостаточно полное законодательное урегулирование содержания постановления о возбуждении уголовного дела, следователю (дознателю) следует приводить в тексте процессуального акта не только повод к возбуждению уголовного дела, но и основания для его возбуждения, избегая формального подхода к составлению процессуального акта. По убеждению автора, назначение уголовного судопроизводства имеет правозащитное начало, что возлагает на должностное лицо обязанность индивидуального правоприменения.

Завершая статью, считаем необходимым внести следующее практическое предложение. В соответствии с абз. 3 п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1¹ судебному контролю подлежат постановления дознавателя, следователя и руководителя следственного органа о возбуждении уголовного дела. В резолютивной части постановления о возбуждении уголовного дела должностному лицу следует разъяснять порядок обжалования такого процессуального акта, который регулируется положениями ст. 123, 124, 125 УПК РФ, и зависит от воли (выбора) лица, чьи права и свободы ущемлены.

Литература

1. Бондаренко В.В., Кальницкий Т.В., Куряхова Т.В. Форма и содержание постановления о возбуждении уголовного дела // Законодательство и практика. 2025. № 1 (54). С. 12–18.
2. Кузьменко Е.С. Несколько доводов в защиту стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2015. № 3 (31). С. 99–102.
3. Миронов В.В. К вопросу о понятии основания для возбуждения уголовного дела // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 6. С. 168–172.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

О некоторых проблемах правовой оценки деяний, сопутствующих налоговому преступлению, уголовное преследование в связи с которым прекращено

Аннотация. В статье исследуется вопрос о необходимости правовой оценки отдельных деяний, сопутствующих налоговому преступлению, в случае освобождения лица от уголовной ответственности за данное налоговое преступление по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 76¹ УК РФ и ч. 1, 2 ст. 28¹ УПК РФ. Автор анализирует судебную практику по делам о налоговых преступлениях, где сопутствующие им запрещенные уголовным законом деяния оценивались по ст. 327, 187, 174¹ УК РФ, и мнения правоведов по этому поводу. По результатам исследования рекомендуется в случае прекращения уголовного преследования лица за совершение налогового преступления по указанным основаниям квалифицировать (при наличии оснований) содеянное им по п. «б» ч. 4 ст. 327, ст. 187 или ст. 174¹ УК РФ.

Ключевые слова: налоговое преступление, возмещение ущерба бюджету, поддельный счет-фактура, официальный документ, распоряжение о переводе денежных средств, назначение платежа, легализация

Сотрудниками СК России на протяжении многих лет успешно расследуются уголовные дела о налоговых преступлениях и возмещается причиненный бюджетной системе России ущерб. Так, по словам главы ведомства А.И. Бастрыкина, за период с 2011 года «в сфере налоговых преступлений в бюджет государства возмещено 540 млрд рублей, арестовано имущество уклоняющихся от уплаты налогов на 314 млрд рублей»¹.

Наиболее распространенным налоговым преступлением² является уклонение от уплаты налога на добавленную стоимость (далее – НДС). В большинстве случаев такие запрещенные уголовным законом деяния совершаются путем организации фиктивных финансово-хозяйственных отношений с использованием аффилированных юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (далее – аффилированных лиц)³ и (или) «фирм-однодневок».

Реализация этой преступной схемы включает в себя в числе прочего составление фиктивных первичных учетных документов о якобы имевших место взаимоотношениях налогоплательщика с аффилированным лицом, а

¹ В Следственном комитете России состоялось торжественное собрание, приуроченное к 15-летию ведомства (15.01.2026). URL: <http://sledcom.ru/press/events/item/2052595/> (дата обращения: 03.05.2026).

² Подразумеваются преступления, предусмотренные ст. 198 и ст. 199 УК РФ.

³ Под аффилированными лицами понимаются зависимые в широком смысле лица (вне какого-либо нормативного контекста).

также счетов-фактур. Затем эти документы предоставляются в налоговые органы как подтверждение обоснованности заявленного в налоговой декларации налогового вычета, уменьшающего налогооблагаемую базу по НДС. Представителям налогоплательщика фиктивные первичные учетные документы необходимы для создания видимости наличия реальных финансово-хозяйственных отношений и внесения сведений о таковых в книгу покупок и книгу продаж¹, на основе данных из которых в соответствии с приказом ФНС России от 05.11.2024 № ЕД-7-3/989@² заполняется налоговая декларация по НДС.

В последующем налоговым органом в ходе проведения камеральной или выездной налоговой проверки запрашиваются первичные документы, подтверждающие взаимоотношения с аффилированными лицами, и при их отсутствии проводится доначисление суммы НДС, подлежащей уплате в бюджет. Поэтому составление налогоплательщиком поддельных первичных документов является неотъемлемой частью совершения уклонения от уплаты налогов.

Кроме того, налоговым органом при организации выездных налоговых проверок изучается вопрос о фактическом осуществлении документально зафиксированных перечислений денежных средств между налогоплательщиком и аффилированным лицом. При отсутствии данных о реальном проведении указанных операций либо при значительной задолженности налогоплательщика перед аффилированным лицом налоговый орган делает вывод об отсутствии экономического смысла соответствующих фактов хозяйственной деятельности. Отсутствие перечислений указывает на получение дохода исключительно или преимущественно за счет налоговой выгоды в отсутствие намерения аффилированным лицом осуществлять реальную экономическую деятельность.

Таким образом, подготовке, совершению и сокрытию налогового преступления в большинстве случаев сопутствует осуществление иной преступной деятельности. Учитывая, что действующее нормативное регулирование позволяет освободить от уголовной ответственности лиц, которые привлекались от ответственности за налоговые преступления, однако полностью возместили причиненный ими бюджетной системе ущерб, актуальным является вопрос необходимости дополнительной правовой оценки таких сопутствующих запрещенных уголовным законом деяний, в частности, по ст. 327, 187, 174¹ УК РФ.

¹ О порядке заполнения книги покупок и книги продаж см. подробнее постановление Правительства РФ от 26.12.2011 № 1137 «О формах и правилах заполнения (ведения) документов, применяемых при расчетах по налогу на добавленную стоимость» // СПС КонсультантПлюс.

² Приказ ФНС России от 05.11.2024 № ЕД-7-3/989@ «Об утверждении формы налоговой декларации по налогу на добавленную стоимость, порядка ее заполнения (представления), формата представления налоговой декларации по налогу на добавленную стоимость в электронной форме, а также форматов представления документов, прилагаемых к такой декларации, в электронной форме» // СПС КонсультантПлюс.

В ч. 1 ст. 76¹ УК РФ и в ч. 1, 2 ст. 28¹ УПК РФ (в отличие, например, от примечания к ст. 195 УК РФ) не содержится такого условия освобождения от уголовной ответственности за налоговое преступление, как отсутствие в действиях лица иного состава преступления¹. В этих нормах указаны конкретные составы преступлений, по уголовным делам о которых принимается соответствующее решение. Лицо может быть освобождено от ответственности не за всю преступную деятельность, осуществляемую в связи с совершением налогового преступления, а за отдельные деяния (ст. 198, 199 УК РФ). Поэтому важно разобраться, в каких случаях при наличии прекращенного уголовного преследования лица по уголовному делу о налоговом преступлении в связи с возмещением ущерба бюджету возможно его привлечение к ответственности по ст. 327, 174¹, 187 УК РФ.

1. Возможная совокупность налогового преступления и деяний, предусмотренных ст. 327 УК РФ

В п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48² указывается на возможность привлечения лица к ответственности по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 198 или ст. 199 УК РФ и ст. 327 УК РФ, если оно «осуществляет подделку официальных документов организации, предоставляющих права или освобождающих от обязанностей, а также штампов, печатей, бланков». Такая позиция высшей судебной инстанции находит положительный отклик в теории уголовного права³.

При дополнительной оценке по соответствующей части ст. 327 УК РФ действий, сопутствующих совершению налогового преступления, необходимо принимать во внимание некоторые особенности.

Так, в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43⁴ разъясняется, что использование для совершения преступления подделанного другим лицом официального документа дополнительно по ч. 5 ст. 327 УК РФ не оценивается. При этом допускается совокупность ст. 327 УК РФ и соответствующей статьи Особенной части уголовного закона в случае совершения лицом другого преступления с использованием подделанного им официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей.

Примеры квалификации действий лица по норме уголовного закона, предусматривающей ответственность за налоговое преступление, и по

¹ Об этом см. подробнее: Расследование налоговых преступлений: учебное пособие / под общ. ред. В.Н. Карагодина. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: ИНФРА-М, 2023. С. 182.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // СПС КонсультантПлюс.

³ Ляскало А.Н. Разграничение налоговых преступлений и иных общественно опасных деяний // Адвокат. 2016. № 8 // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324-327¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

соответствующей части ст. 327 УК РФ имеются в судебной практике. Так, по приговору Краснооктябрьского районного суда города Волгограда от 14.10.2019, оставленному в части квалификации без изменения апелляционной инстанцией, Б. осужден по ч. 1 ст. 327 УК РФ и п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ. Он, являясь налогоплательщиком земельного налога, составил фиктивные отчеты о проведениях мероприятий с инвалидами, представив в последующем эти документы в налоговый орган для обоснования права на льготу, которая выражалась в освобождении от обязанности уплаты соответствующего налога. В кассационной жалобе сторона защиты утверждала, что отчеты о проведенных организацией мероприятиях не являются официальными документами и сами по себе не давали каких-либо прав и не освобождали от обязанностей, в том числе от уплаты налога. Суд кассационной инстанции оставил без изменения судебные акты нижестоящих инстанций, указав, что представление Б. отчета, содержащего определенные реквизиты и заверенные его электронно-цифровой подписью, являлось основанием для получения льготы по уплате земельного налога возглавляемой Б. организацией¹.

В другом случае по приговору Обнинского городского суда Калужской области 16.11.2018, оставленному без изменения апелляционной инстанцией, Т. осужден по ч. 3 ст. 327 УК РФ и п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ. Предметом преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ, признаны предоставленные в налоговый орган поддельные банковские гарантии².

Думается, если субъект освобожден от уголовной ответственности за налоговое преступление, то его действия могут быть квалифицированы (в зависимости от фактических обстоятельств дела) по п. «б» ч. 4 ст. 327 УК РФ. Однако необходимо учитывать специфику предмета указанного преступления.

В ст. 327 УК РФ, в частности, предусмотрена ответственность за подделку, приобретение, хранение, перевозку в целях использования официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей. Признаки указанного предмета преступного посягательства следует определять с учетом разъяснений п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43. Высшая судебная инстанция к признакам такого документа относит 1) его форму (на бумажном носителе или электронный); 2) нормативно установленный порядок выдачи или заверения документа; 3) субъект выдачи документа (к их числу относятся лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих организациях); 4) юридическое значение (удостоверение юридически значимых фактов и способность влечь юридические последствия).

Как уже отмечалось, совершение налогового преступления связано с составлением фиктивных первичных учетных документов, счетов-фактур. Для

¹ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 24.02.2021 № 77-524/2021 // СПС КонсультантПлюс.

² Апелляционное определение Калужского областного суда от 19.02.2019 по делу № УК-22-180/2019 // СПС КонсультантПлюс.

оценки этих действий по п. «б» ч. 4 ст. 327 УК РФ необходимо определить, обладают ли указанные документы признаками предмета этого преступления.

Вызывает сомнение соответствие первичных учетных документов четвертому из указанных признаков (юридическое значение документа). В соответствии со ст. 9 Федерального закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ¹ «каждый факт хозяйственной жизни подлежит оформлению первичным учетным документом». Такие документы удостоверяют юридические факты, но не предоставляют каких-либо прав и не освобождают от обязанностей.

Иная ситуация складывается со счетом-фактурой. В п. 1 ст. 169 Налогового кодекса РФ² предусмотрено, что этот документ является основанием для принятия покупателем предъявленных продавцом сумм НДС к вычету. Это позволяет покупателю – налогоплательщику НДС в соответствии с п. 1 ст. 171 Налогового кодекса РФ уменьшить общую сумму исчисленного НДС. В случае необоснованного занижения суммы НДС, подлежащей уплате в бюджет, причиняется ущерб интересам государства. Поэтому думается, что счет-фактура обладает признаками предмета преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ. Однако в судебной практике отсутствует единая точка зрения по этому вопросу. В одних случаях счет-фактура признавался предметом указанного преступления³, в других – нет. В последней ситуации суды аргументировали вывод об отсутствии состава преступления, предусмотренного соответствующими частями ст. 327 УК РФ, тем, что предметом указанного преступления не могут являться коммерческие документы, поскольку их использование не посягает на порядок государственного или муниципального управления⁴.

Следует поддержать позицию судов, которые признают счет-фактуру предметом преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ. Представляется возможным квалифицировать по п. «б» ч. 4 ст. 327 УК РФ действия лица, освобожденного от уголовной ответственности за налоговое преступление по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 76¹ УК РФ и ч. 1, 2 ст. 28¹ УПК РФ.

2. Возможная совокупность налогового преступления и деяния, предусмотренного ст. 187 УК РФ

Нередко совершению налогового преступления сопутствует предоставление лицом (индивидуальным предпринимателем, руководителем организации налогоплательщика) в кредитные организации изготовленных им электронных платежных поручений для перевода денежных средств с расчетных счетов

¹ Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» // СПС КонсультантПлюс.

² Налоговый кодекс РФ от 05.08.2000 № 117-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

³ См.: определение Верховного Суда РФ от 15.12.2010 № 7-Д10-5, апелляционное определение Верховного Суда Чувашской Республики от 17.03.2020 по делу № 22-538 // СПС КонсультантПлюс.

⁴ См.: определения Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 14.04.2020 № 77-390/2020, 18.08.2020 № 77-1850/2020, 21.01.2021 № 77-406/2021 // СПС КонсультантПлюс.

налогоплательщика на банковский счет аффилированного лица или «фирмы-однодневки». Указанные распоряжения в реквизите «назначение платежа» содержат заведомо ложные сведения о факте хозяйственной деятельности, например, о мнимых сделках, не требующих их оплаты.

В правоприменительной практике распоряжения, содержащие фиктивное назначение платежа, признаются поддельными¹, причем «даже в случае его подписания уполномоченным лицом»². Однако в доктрине уголовного права эта позиция оценивается неоднозначно. Так, по мнению А.С. Рубцовой, «квалификация по статье 187 УК РФ является искусственной, следствием расчленения состава статьи 199 УК РФ»³. Иной точки зрения придерживается А.Н. Лясколо, который отмечает, что оформление платежного поручения и иного распоряжения о переводе денежных средств «формально обладает всеми признаками изготовления в целях использования поддельного средства платежа и требует при наличии оснований самостоятельной квалификации по ст. 187 УК РФ»⁴. По мнению Д.А. Печегина и С.Л. Нуделя, фиктивность распоряжения выражается в наличии ложных сведений в содержании самого документа, например, при искажении данных о назначении платежа⁵.

Представляется, что изготовление распоряжений, содержащих не соответствующие действительности сведения о назначении платежа, обоснованно оценивается по ст. 187 УК РФ. Весомым аргументом в пользу такого подхода является внесение 30.03.2026 в Государственную Думу РФ законопроекта о корректировке положений Налогового кодекса РФ для усиления противодействия уклонению от уплаты налогов и обеспечения полноты уплаты налогов⁶. Одна из мер направлена на ужесточение контроля за назначением денежных переводов.

¹ См., например: кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.02.2026 № 77-479/2026, определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 04.02.2026 № 77-309/2026, кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17.12.2025 № 77-3582/2025, определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.12.2025 № 77-3952/2025 // СПС КонсультантПлюс.

² Быкова Е.Г. Криминалистический аспект доказывания поддельности платежного поручения, составленного в электронном виде // Международный Вестник криминалистики. 2024. № IV (92). С. 57.

³ Рубцова А.С. Неочевидные уголовно-правовые риски при уклонении от уплаты налогов // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 7 // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Лясколо А.Н. Квалификация валютных преступлений: вопросы разграничения и совокупности // Уголовное право. 2017. № 5 // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Нудель С.Л., Печегин Д.А. Вопросы квалификации неправомерного оборота средств платежей (по признаку предмета) // Уголовное право. 2020. № 3. С. 27–38.

⁶ Пояснительная записка к Законопроекту № 1191451-8 «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации (об отдельных вопросах налогового администрирования)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1191451-8?ysclid=mnhd1pow5833779692> (дата обращения: 03.05.2026).

Учитывая, что неправомерный перевод денежных средств на основании фиктивных распоряжений не охватывается составами налоговых преступлений, не усматривается препятствий для правовой оценки действий лица по совокупности налогового преступления и соответствующей части ст. 187 УК РФ. Кроме этого, прекращение уголовного преследования лица за налоговое преступление по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 76¹ УК РФ и ч. 1, 2 ст. 28¹ УПК РФ, не исключает его ответственности за неправомерный оборот средств платежа.

3. Возможная совокупность налогового преступления и деяния, предусмотренного ст. 174¹ УК РФ

Вопрос о том, может ли налоговое преступление быть предикатным деянием легализации (отмыванию) доходов, приобретенных преступным путем, является предметом непрекращающейся полемики.

Одни правоведы категорически возражают против такого подхода¹, другие полагают, что совокупность налогового преступления и деяния, предусмотренного ст. 174¹ УК РФ возможна².

В судебной практике имеются примеры привлечения лица к уголовной ответственности за налоговое преступление и легализацию денежных средств, полученных в результате его совершения³. Как видится, данный подход правоприменителей не противоречит действующей редакции ст. 174¹ УК РФ и разъяснениям высшей судебной инстанции.

В соответствии с п. 1 ст. 46 Налогового кодекса РФ налоговый орган взыскивает задолженность по обязательным платежам в принудительном порядке путем обращения взыскания на денежные средства (драгоценные металлы) на счета налогоплательщика. Реализация данного полномочия у налогового органа возможна в связи с тем, что у него появляется право требования суммы денежных средств, подлежащих уплате в бюджет, после наступления установленного законодательством о налогах и сборах срока уплаты обязательных платежей. В этой части можно провести параллель с присвоением. Сначала чужое имущество вверено лицу на законных основаниях, затем происходит его противоправное удержание. Это хищение юридически окончено с момента, когда законное обладание материальными ценностями становится незаконным.

¹ См.: Кочои С.М. Уголовно-правовая норма о легализации имущества, приобретенного лицом в результате совершения им преступления (ст. 174¹ УК РФ): инструмент борьбы с преступностью или «дубина» в руках правоприменителя? // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 6.; Рубцова А.С. Указ. соч.

² Ляскало А.Н. Разграничение налоговых преступлений и иных общественно опасных деяний // Адвокат. 2016. № 8.

³ См.: апелляционное постановление Пермского краевого суда от 03.04.2026 № 22-1153/2026, апелляционное определение Верховного суда Республики Хакасия от 18.03.2026 № 22-186/2026, апелляционное определение Московского городского суда от 27.10.2025 № 10-20494/2025, приговор Таганского районного суда г. Москвы от 26.09.2024 №1-17/2024 // СПС КонсультантПлюс.

Согласно разъяснениям п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32¹, при смешении не имеющих индивидуально-определенных признаков денежных средств, приобретенных преступным путем, с однородным правомерно приобретенным имуществом последующее совершение финансовых операций или сделок с таким имуществом подлежит квалификации по ст. 174¹ УК РФ в размере, соответствующем сумме денежных средств, приобретенных преступным путем.

Таким образом, формально в условиях действующего правового регулирования не усматривается препятствий для оценки действий лица по совокупности налогового преступления и деяния, предусмотренного ст. 174¹ УК РФ. Как видится, при прекращении уголовного преследования лица за налоговое преступление по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 76¹ УК РФ и ч. 1, 2 ст. 28¹ УПК РФ, допускается привлечение его к ответственности по ст. 174¹ УК РФ. Более того, по мнению А.А. Казакова, даже в случае прекращения уголовного преследования лица в соответствии с положениями ч. 2² ст. 27 УПК РФ в связи с его непричастностью к основному преступлению, не исключается возможность вменения ему ст. 174¹ УК РФ².

Резюмируя, следует отметить, что прекращение уголовного преследования лица за совершение налогового преступления по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 76¹ УК РФ и ч. 1, 2 ст. 28¹ УПК РФ, не препятствует (при наличии оснований) привлечению этого лица к уголовной ответственности за деяния, сопутствовавшие этому налоговому преступлению (в частности, по п. «б» ч. 4 ст. 327, ст. 187 или ст. 174¹ УК РФ).

Литература

1. Быкова Е.Г. Криминалистический аспект доказывания поддельности платежного поручения, составленного в электронном виде // *Международный Вестник криминалистики*. 2024. № IV (92). С. 48–60.

2. Казаков А.А. Проблемы привлечения к ответственности за легализацию (отмывание) имущества, приобретенного преступным путем, в связи с применением части 2² статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2026. № 1(49). С. 123–128.

3. Кочои С.М. Уголовно-правовая норма о легализации имущества, приобретенного лицом в результате совершения им преступления (ст. 174¹ УК

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // СПС КонсультантПлюс.

² Казаков А.А. Проблемы привлечения к ответственности за легализацию (отмывание) имущества, приобретенного преступным путем, в связи с применением части 2² статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2026. № 1(49). С. 127.

РФ): инструмент борьбы с преступностью или «дубина» в руках правоприменителя? // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 6. С. 119–129.

4. Ляско А.Н. Квалификация валютных преступлений: вопросы разграничения и совокупности // Уголовное право. 2017. № 5. С. 67–76.

5. Ляско А.Н. Разграничение налоговых преступлений и иных общественно опасных деяний // Адвокат. 2016. № 8. С. 61–71.

6. Нудель С.Л., Печегин Д.А. Вопросы квалификации неправомерного оборота средств платежей (по признаку предмета) // Уголовное право. 2020. № 3. С. 27–38.

7. Расследование налоговых преступлений: учебное пособие / под общ. ред. В.Н. Карагодина. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: ИНФРА-М, 2023. 322 с.

8. Рубцова А.С. Неочевидные уголовно-правовые риски при уклонении от уплаты налогов // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 7. С. 35–43.

Е.Д. Мохирев

Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации
по Свердловской области

Некоторые проблемы возмещения ущерба при расследовании уголовных дел об уклонении от уплаты налогов (ст. 199 УК РФ)

Аннотация. В статье приведены примеры из практики расследования уголовных дел об уклонении от уплаты налогов в части процессуальных аспектов возмещения ущерба, причиненного бюджетной системе РФ. Иллюстрируются реальные сложности в достижении данного результата, несмотря на наличие положительных намерений у обвиняемого. Предлагается рассмотреть возможность применения положений ст. 75 УК РФ, ст. 28 УПК РФ в случаях, когда невозможно возмещение ущерба (в значении ст. 76¹ УК РФ, ст. 28¹ УПК РФ) по объективным причинам.

Ключевые слова: уклонение от уплаты налогов, возмещение ущерба, прекращение уголовного преследования, погашение недоимки, ст. 199 УК РФ, ст. 28¹ УПК РФ, деятельное раскаяние

Одним из наиболее значимых вопросов, возникающих при расследовании уголовных дел, возбужденных по признакам преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ, является возмещение ущерба, причиненного преступлением.

Отсутствие четкого и однозначного правового регулирования порядка уплаты лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, недоимки по налогам, сборам и страховым взносам, а также пеней и штрафов является одной из актуальных проблем.

Так, в соответствии с примечанием 2 к ст. 199 УК РФ, лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если этим лицом либо

организацией, уклонение от уплаты налогов, сборов, страховых взносов которой вменяется этому лицу, полностью уплачены суммы недоимки и соответствующих пеней, а также сумма штрафа в порядке и размере, определяемых в соответствии с НК РФ.

Законодатель предусмотрел возможность прекращения уголовного преследования (ст. 28¹ УПК РФ) в отношении привлекаемого к уголовной ответственности лица, которое полностью уплатило суммы доначисленных недоимки, пеней и штрафов, что является одним из проявлений соблюдения баланса частных и публичных интересов, законности и справедливости.

Рассмотрим некоторые примеры из практической деятельности следственных органов, иллюстрирующие сложности, которые возникали при расследовании уголовных дел об уклонении от уплаты налогов.

П., являющийся директором ООО «*****», привлекался органами предварительного следствия к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 199 УК РФ, по факту уклонения от уплаты налога на добавленную стоимость в крупном размере в сумме около 40 000 000 рублей. П. с момента возбуждения в отношении него уголовного дела начал предпринимать меры к возмещению ущерба, в том числе путем перечисления денежных средств в качестве единого налогового платежа, а также написания заявлений в налоговый орган о зачете поступивших денежных средств в качестве погашения недоимки, выявленной по результатам проведения выездной налоговой проверки.

Однако спустя некоторое время стало известно, что денежные средства, перечисляемые П. от имени данной организации и с ее счета в качестве единого налогового платежа, списывались не на погашение недоимки по налогу на добавленную стоимость, по факту неуплаты которого следственным органом расследовалось уголовное дело, а на «текущие платежи» – текущие задолженности по налогам и сборам. Таким образом, сумма причиненного соответствующим преступлением ущерба не уменьшалась в связи с тем, что, согласно пояснениям сотрудников налогового органа, исполнение решения о привлечении налогоплательщика к налоговой ответственности, вынесенное по результатам проведения выездной налоговой проверки за предыдущие периоды деятельности организации, было приостановлено в связи с наложением арбитражным судом обеспечительных мер по ходатайству налогоплательщика. В результате этого налоговый орган не мог осуществить зачет поступивших денежных средств на погашение именно недоимки по данному конкретному решению, поскольку в этом случае ее сумма не учитывается в рамках совокупной обязанности налогоплательщика¹.

Такая позиция вызвала вопросы у следствия, поскольку принятие мер предварительной защиты, в соответствии с которыми приостановлено полностью или в части действие указанного решения, не

¹ Материалы уголовного дела № 125*****088, возбужденного по ч. 1 ст. 199 УК РФ // Архив Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

должно влиять на физическую возможность зачета тех или иных сумм денежных средств в качестве погашения недоимки. В противном случае ущемляются права и законные интересы налогоплательщика. В связи с этим впоследствии уголовное дело и уголовное преследование в отношении П. было прекращено на основании положений ст. 28¹ УПК РФ и ст. 76¹ УК РФ.

Возможность реализации этих норм не может быть поставлена в зависимость от наличия или отсутствия обеспечительных мер, наложенных в ходе судебного разбирательства в арбитражном суде, а также действий и решений сотрудников налогового органа, связанных с распределением поступающих денежных средств. Следовательно нужно обращать внимание только на конкретные меры, принимаемые лицом, которое привлекается к уголовной ответственности, для погашения недоимки в частности и возмещения ущерба в целом, на что также указывает Пленум Верховного Суда РФ в одном из своих постановлений¹.

Примечательно, что сравнительно недавно вступил в силу утвержденный ФНС России порядок зачета суммы денежных средств, перечисленных в бюджетную систему РФ в счет возмещения ущерба, причиненного в результате преступлений, предусмотренных ст. 198-199² УК РФ². В частности, предусматривается применение в этих целях определенных кодов бюджетной классификации (далее – КБК ущерба).

Простыми словами, данный КБК предназначен для направления и учета сумм поступивших денежных средств именно для возмещения ущерба, причиненного преступлением, в том числе уклонением от уплаты налогов, что и является результатом проведенной работы в данном направлении. На практике же возникают проблемы с реализацией данных положений.

Так, Л., являющийся генеральным директором ООО «*****», привлекался органами предварительного следствия к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного п. «а», «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ, по факту уклонения в составе группы лиц по предварительному сговору от уплаты налога на добавленную стоимость в особо крупном размере в сумме около 200 000 000 рублей. В целях возмещения неуплаченных сумм налогов в бюджет налоговым органом в порядке ст. 76, 101 НК РФ наложены обеспечительные меры в виде приостановления операций по счету ООО «*****» в банке. По поступлении на данный счет денежных средств от контрагента Л. решил перевести данные денежные средства в качестве возмещения ущерба,

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // СПС КонсультантПлюс.

² Приказ ФНС России от 26.08.2025 № ЕА-7-8/746@ «Об утверждении Порядка зачета суммы денежных средств, перечисленных в бюджетную систему Российской Федерации в счет возмещения ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации в результате преступлений, за совершение которых статьями 198-199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность, в счет исполнения обязанности по уплате налога, сбора, страховых взносов, пени, штрафа» (Зарегистрировано в Минюсте России 21.11.2025 № 84242) // СПС КонсультантПлюс.

предварительно уточнив у налогового органа и следствия соответствующий КБК ущерба. Вместе с тем банк, в котором был открыт расчетный счет ООО «*****», выразил сомнения в возможности проведения платежной операции, поскольку на этот счет организации, как было указано выше, налоговым органом наложены обеспечительные меры по приостановлению любых операций, за исключением платежей, предусмотренных п. 2 ст. 855 ГК РФ, исполнение которых предшествует исполнению обязанности по уплате налогов, а также операций по списанию денежных средств в счет уплаты налогов (авансовых платежей), сборов, страховых взносов, соответствующих пеней и штрафов владельца счета и по их перечислению в бюджетную систему РФ или на лицевые счета для учета операций со средствами, поступающими во временное распоряжение органов принудительного исполнения РФ. Операции с указанными платежами имеют свои соответствующие коды бюджетной классификации, и КБК ущерба, по мнению банка организации, не относится ни к одному из указанных в НК РФ исключений. Банк предложил провести денежные средства в качестве единого налогового платежа, что, однако, могло также привести к списанию поступивших денежных средств на «текущие платежи» в связи с применением обеспечительных мер арбитражным судом субъекта в виде приостановления действия решения налогового органа. Несмотря на эти риски, Л. в целях возмещения ущерба, причиненного преступлением, осуществил перевод с учетом рекомендаций кредитной организации¹.

В указанных случаях в силу отсутствия четкого правового регулирования следствие посчитало возможным учитывать по уголовному делу суммы денежных средств, поступающих в рамках единого налогового платежа, в качестве сумм возмещения ущерба, при условии, что П. и Л. был подтвержден факт перечисления денежных средств, а именно – предоставлены надлежащим образом заверенные копии платежных документов и поданных им заявлений в налоговый орган о зачете поступивших денежных средств в качестве суммы погашения недоимки. Кроме того, по получении этих копий следователем в адрес налогового органа направлялись письма о необходимости зачета сумм денежных средств для погашения ущерба с обязательным указанием реквизитов платежного документа и заявления о зачете, а также соответствующего КБК.

В обеих ситуациях П. и Л. имели намерения воспользоваться предусмотренной законом возможностью достичь прекращения в отношении них уголовного преследования. Данными лицами были приняты конкретные меры по возмещению ущерба в нормативно установленном порядке.

Такой подход отвечал задаче соблюдения баланса публичных и частных интересов при расследовании уголовного дела, а также позволил достигнуть конкретного практического результата по возмещению в бюджет РФ недоимки

¹ Материалы уголовного дела № 125*****088, возбужденного по ч. 2 ст. 199 УК РФ // Архив Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева

по налогам и иного ущерба, поскольку не позволил поставить решение вопроса в зависимость от сторонних обстоятельств, в данном случае – приостановления действия решения налогового органа по решению арбитражного суда субъекта и действий сотрудников налогового органа по распределению денежных средств, поступивших в качестве единого налогового платежа.

В своей практической деятельности органы предварительного следствия могут также столкнуться с ситуацией частичного возмещения ущерба в связи с теми или иными обстоятельствами, что делает невозможным применение ст. 28¹ УПК РФ. Допустимо ли в таких случаях применять положения ст. 75 УК РФ по делам о налоговых преступлениях? Полагаем это возможным по следующим причинам.

В силу требований ч. 1³ ст. 140 УПК РФ в системном единстве с положениями п. 3 ст. 32 НК РФ решение о привлечении к налоговой ответственности имеет основополагающее значение при рассмотрении материалов проверок¹.

В соответствии с положениями ст. 101 НК РФ налоговые органы не обязаны указывать в этом решении сумму пеней, доначисленных в случае неисполнения обязанности по уплате налогов в установленные законодательством о налогах и сборах сроки, что позволяет зафиксировать только суммы недоимок и штрафов.

Следует отметить, что ст. 28¹ УПК РФ под полным возмещением ущерба подразумевает уплату в полном объеме недоимки, пеней и штрафов в порядке и размере, определяемых в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах с учетом представленного налоговым органом расчета размера пеней и штрафов.

Ввиду этого в ходе расследования уголовного дела следователь должен сделать запрос в налоговый орган о сумме пеней, которые подлежат доначислению вследствие неисполнения налогоплательщиком обязанности по уплате сумм налогов в установленные законодательством о налогах и сборах сроки. Однако на практике налоговые органы зачастую не могут предоставить эти сведения в связи с проведением судебного разбирательства по обжалованию указанного решения и применением обеспечительных мер в виде приостановления его действия и, соответственно, отдельным учетом суммы недоимки по нему.

Так, по ранее упомянутому уголовному делу в отношении П. решение налогового органа не содержало сведений о начисленных в результате совершения налогового правонарушения и просрочки уплаты сумм налога пеней. Кроме того, согласно ответу налогового органа сумму пени рассчитать не представилось возможным, а их взыскание приостановлено налоговым органом, что фактически лишало обвиняемого осуществить их

¹ См. более подробно о проблемах толкования исключительного повода, например: Казаков А.А. Исключительный повод для возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении: сложности восприятия новеллы в правоприменении // Российский судья. 2024. № 6. С. 6–10.

уплату, несмотря на реально принимаемые последним меры по возмещению ущерба, причиненного бюджету РФ.

Согласно разъяснениям высшего судебного органа¹ в случаях выполнения не всех или не в полном объеме действий, предусмотренных ст. 76¹ УК РФ, лицом, совершившим преступление небольшой или средней тяжести в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, его ходатайство о прекращении уголовного преследования по основаниям, предусмотренным ст. 75, 76 или 76² УК РФ, может быть удовлетворено при условии выполнения содержащихся в указанных нормах требований.

В соответствии со ст. 75 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию этого преступления, возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный этим преступлением, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным.

Правовая позиция Верховного Суда РФ, отраженная в абз. 2 п. 2.1, п. 4 и п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19, подразумевает, что под заглаживанием вреда (ч. 1 ст. 75, ст. 76² УК РФ) понимается имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства. По смыслу ч. 1 ст. 75 УК РФ, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием возможно при условии выполнения всех перечисленных в ней действий или тех из них, которые с учетом конкретных обстоятельств лицо имело объективную возможность совершить (например, возмещение им ущерба и (или) заглаживание вреда иным образом могут свидетельствовать о его деятельном раскаянии). Невозможность применения примечания к статье Особенной части УК РФ не исключает освобождение от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 75 УК РФ, если лицом выполнены условия, установленные данной нормой, и вследствие этого оно перестало быть общественно опасным.

Так, учитывая полную уплату недоимки ООО «*****» и обвиняемым П. недоимки, начисленной по результатам проведения налоговой проверки, факт совершения деяния впервые, данные о его личности (отсутствие какой-либо судимости, наличие устойчивых социальных связей, постоянных мест работы и

¹ См.: п. 15¹ постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»; п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // СПС КонсультантПлюс.

жительства, детей на иждивении), последовательную позицию обвиняемого в ходе расследования уголовного дела о признании своей вины, неукоснительное соблюдение налогового законодательства после выявленного уклонения, он мог быть освобожден от уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 199 УК РФ, в соответствии со ст. 75 УК РФ.

Уголовное дело в отношении П. демонстрирует наличие еще одной проблемы, которая требует от следователя тщательным образом изучить все представленные налоговым органом материалы.

Нередки случаи выявления следователями недостатков в формировании таковых. Сотрудники налоговых органов, в том числе в силу невнимательности, допускают ошибки, которые при этом могут повлечь за собой негативные последствия, препятствующие принятию законного и обоснованного процессуального решения.

Так, в ходе расследования уголовного дела в отношении П. следователем была выявлена ошибка технического характера – при формировании итоговых выводов резолютивной части сотрудник налогового органа отразил неверную сумму недоимки по налогу на добавленную стоимость по взаимоотношениям с одним из контрагентов, которые и являлись предметом проведения налоговой проверки. Данная ошибка появилась в результате небрежных действий этого сотрудника, который во время работы на компьютере при формировании итоговых сумм доначислений перенес путем копирования текста из описательной части (где указана верная сумма недоимки) не все число, разбитое на несколько строк электронного документа, а последние 6 цифр, тем самым допустив уменьшение итоговой суммы на 1 000 000 рублей. При этом в ходе рассмотрения апелляционной жалобы налогоплательщика и соответственно всех материалов налогового органа сотрудниками управления ФНС России по субъекту данная ошибка не была обнаружена, в результате чего решение вступило в законную силу в полном объеме.

Возник вопрос о том, какую сумму должен заплатить П. для возможности реализации положений ст. 28¹ УПК РФ (указанную в решении налогового органа, вступившем в законную силу, или соответствующую фактическим обстоятельствам, подтвержденную при этом заключениями экспертов).

Подобного рода ошибки могут повлечь за собой негативные последствия для публичных интересов, а также нарушение прав налогоплательщика.

Предполагается возможным применять ст. 28¹ УПК РФ только в тех случаях, когда лицо, которое привлекается к уголовной ответственности, возместило сумму ущерба, соответствующую фактическим обстоятельствам совершенного им преступления, даже если она превышает доначисленную решением налогового органа. Несмотря на исключительный повод возбуждения уголовного дела по ст. 199 УК РФ, следователь не может быть связан материалами, представленными налоговым органом¹, в принятии собственного

¹ См.: Казаков А.А. К вопросу о последствиях признания арбитражным судом недействительным решения налогового органа в ходе расследования уголовного дела // Противодействие преступлениям в сфере экономической деятельности:

процессуального решения, которое должно быть основано на оценке собранных по делу доказательств.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что вопросы, связанные с возмещением ущерба по уголовным делам, расследуемым по факту уклонения от уплаты налогов, обозначенные в данном исследовании, хотя и являются одними из типичных, по нашему мнению, зачастую не могут быть решены путем применения какого-либо универсального подхода. Это обусловлено тем, что по каждому такому делу формируется уникальная ситуация, связанная с обстоятельствами совершенного преступления, данными о личности уголовно преследуемого лица и другими факторами. Поэтому видится необходимым налаженное регулярное взаимодействие с сотрудниками налоговых органов, прежде всего, управлений ФНС России по субъектам РФ.

Литература

1. Казаков А.А. Исключительный повод для возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении: сложности восприятия новеллы в правоприменении // Российский судья. 2024. № 6. С. 6–10.

2. Казаков А.А. К вопросу о последствиях признания арбитражным судом недействительным решения налогового органа в ходе расследования уголовного дела // Противодействие преступлениям в сфере экономической деятельности: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 20 марта 2024 года. М.: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2024. С. 34–37.

3. Тугузбаев И.Р. Влияние решения налогового органа о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения на ход досудебного производства по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 198–199 УК РФ // Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекомендации по их решению: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 21–22 мая 2025 года. М.: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2025. С. 135–139.

Материалы всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 20 марта 2024 года. Москва: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2024. С. 37; Тугузбаев И.Р. Влияние решения налогового органа о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения на ход досудебного производства по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 198–199 УК РФ // Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекомендации по их решению: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 21–22 мая 2025 года. М.: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2025. С. 139.

Уголовно-правовая оценка майнинга: настоящее и будущее

Аннотация. В статье рассматривается проблема квалификации незаконного майнинга криптовалюты в условиях действующего и будущего правового регулирования. По результатам проведенного исследования сформулирована рекомендация оценивать действия майнеров по ст. 165, 171, 198 или 199, 285 или 286 УК РФ. При этом отмечено, что возможна иная квалификация в зависимости от фактических обстоятельств дела, исчерпывающий перечень статей уголовного закона не может быть предложен.

Ключевые слова: майнинг, криптовалюта, электроэнергия, ущерб, доход, хищение, налоговое преступление, должностное преступление, легализация

Федеральным законом от 20.02.2026 № 38-ФЗ¹ ст. 104¹ УК РФ дополнена примечанием 2, согласно которому для целей уголовного закона цифровая валюта признается имуществом. При этом в Государственной Думе РФ в данный момент рассматривается законопроект № 1193493-8² о внесении изменений в УК РФ в части установления ответственности за незаконный майнинг. Предполагается, что новая норма уголовного закона будет бланкетной.

В Государственную Думу РФ внесен корреспондирующий законопроект № 1194918-8³, направленный на регулирование порядка обращения цифровой валюты и цифровых прав. В настоящий момент проект указанного нормативного правового акта принят в первом чтении. При этом известно о планах законодателя принять его во втором и третьем чтении и ввести его в действие с 01.07.2026. Такое скоропалительное рассмотрение этого документа вызывает ряд вопросов и опасений.

В частности, при ознакомлении с текстом законопроекта № 1194918-8 удивляет его объем – 250 страниц, а также запутанная структура. Представляется, что такие содержательные документы, регулирующие специфические отношения, должны подвергаться тщательной экспертизе с привлечением специалистов в области цифровых валют, уголовного, уголовно-процессуального права и иных отраслей юриспруденции, отношения в сфере

¹ Федеральный закон от 20.02.2026 № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104¹ Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2026. 26 февраля.

² Законопроект № 1193493-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в части установления ответственности за незаконные майнинг цифровой валюты и деятельность оператора майнинговой инфраструктуры) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1193493-8> (дата обращения: 03.05.2026).

³ Законопроект № 1194918-8 «О цифровой валюте и цифровых правах» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1194918-8> (дата обращения: 03.05.2026).

которых затрагивают законопроекты. В противном случае имеется риск принятия закона, который будет крайне сложно применять на практике.

Помимо этого, в законопроекте № 1194918-8 присутствует терминология, которая не использовалась ранее в русском языке. Например, слово «майнинг» является англоязычным и не имеет аналогов в наших словарях. Ранее правоведы уже сталкивались с подобной проблемой при установлении содержания термина «рейдерство» как гражданско-правового института недружественного поглощения, за криминальные проявления которого по нашему законодательству наступает, в том числе, уголовная ответственность.

Примерно то же самое происходит и с майнингом. В английском языке «mining» представляет собой добычу полезных ископаемых из недр Земли¹. Получается, что майнинг цифровой валюты – это тоже добыча, только криптовалюты и других цифровых валют, вот из каких недр – это уже другой разговор.

В литературе отмечается, что «триггером для активизации развития криптоотрасли и майнинга, в глобальном смысле, послужил общемировой тренд на создание и развитие альтернативных финансовых инструментов»². Не стала исключением и Россия, которая в настоящее время входит в пятёрку стран-лидеров по обороту криптовалюты³ и в тройку мировых лидеров майнинга децентрализованных валют⁴. Как видится, основной причиной стали события, произошедшие в 2021 году в Китае. В этой стране начали активно бороться с майнингом (они занимали второе место в мире по объемам майнинга) и большинство майнинговых фирм переместилось в Казахстан и в Россию. К примеру, большое количество майнингового оборудования разместилось на территории Иркутской области⁵. В этом регионе много неограниченных ресурсов, которые необходимы для майнинга. Однако майнеры злоупотребляют такими ресурсами, что вызывает серьезную озабоченность у представителей энергетических компаний. Они обеспокоены увеличением объема потребляемой электроэнергии, что негативно сказывается на работе соответствующего оборудования. Кроме того, появилась проблема незаконного

¹ Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://translate.academic.ru/mining/en/ru/?ysclid=mpjbpqk5xj595635260> (дата обращения: 03.05.2026).

² Чередниченко О.В., Бондаренко Н.Е., Сизова Т.В. Майнинг криптовалют как новый инструмент развития сетей создания стоимости в Российской экономике // ЦИТИСЭ. 2024. № 3 (41). С. 501.

³ Россия обогнала страны Европы по использованию криптовалют // URL: <https://finance.mail.ru/article/rossiya-obognala-strany-evropy-po-ispolzovaniyu-kriptovalyut-68353134/> (дата обращения: 03.05.2026).

⁴ Россия вышла на второе место в мире по майнингу криптовалют // URL: <https://www.forbes.ru/finansy/487282-rossia-vysla-na-vtoroe-mesto-v-mire-po-majningu-kriptoalut> (дата обращения: 03.05.2026).

⁵ Иркутская область превратилась в столицу добычи криптовалюты // URL: https://newizv.ru/news/2021-12-28/irkutskaya-oblast-prevratilas-v-stolitsu-dobychi-kriptovalyuty-349226?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=m-yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 03.05.2026).

подключения к электрическим сетям и неучтенного потребления электроэнергии.

В настоящее время предлагается решать обозначенную проблему с помощью уголовно правовых методов. В этой связи возникает вопрос, а нужно ли? Наверно, какие-то меры реагирования со стороны государства должны быть. Майнинг криптовалюты – это очень затратный во всех отношениях процесс, требующий огромных ресурсов, поэтому распространение майнинга создает угрозу энергетической безопасности России¹.

Так, в Иркутской области периодически происходят веерные отключения электроэнергии для населения по причине того, что большинство электроэнергии забирают майнеры². Кроме того, существует угроза экологической безопасности, поскольку работа криптоферм сопровождается различными выбросами. Помимо этого, майнинг представляет серьезную угрозу для экономической безопасности, поскольку при децентрализованном выпуске криптовалюты у государства отсутствует возможность надлежащего контроля за ее оборотом, несмотря на все предпринимаемые для этого меры.

Возникает вопрос, каким образом незаконный майнинг можно квалифицировать по российскому уголовному закону. Как видится, уголовно-правовая ответственность за майнинг должна быть. В настоящее время правоприменители справедливо придерживаются именно этой точки зрения. Следует разобраться, от чего зависит квалификация действий майнеров.

Правовая оценка содеянного ими зависит от того, каким образом осуществляется добыча криптовалюты. Существует два типа майнинга. Первый из них – так называемый «серый» майнинг. Это подпольные фермы, которые скрывают свою деятельность и не позиционируют себя как майнинговые структуры. Второй тип – так называемый домашний или бытовой майнинг. Он процветает в тех регионах, где установлена низкая плата за электроэнергию. В зависимости от типа майнинга квалификация должна быть различной.

Исследователи отмечают, что в настоящее время нормативные акты «не содержат конкретных мер юридической ответственности за нарушение правил майнинга»³. Анализ судебной практики показывает, что часто действия незаконных майнеров оцениваются по ст. 165 УК РФ как умышленное причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием. Таким образом квалифицируется незаконное подключение к

¹ Актуальные вопросы влияния майнинга криптовалют на энергетическую безопасность государств евразийского региона (на примере Республики Казахстан и Российской Федерации) / В.Е. Понаморенко, Г.А. Насырова, Г.С. Кодашева и др. // Уголь. 2022. № 4. С. 61–66.

² В Иркутске и Иркутском районе начали выходить из строя перегруженные майнерами электросети // URL: <https://www.irk.ru/news/20221203/network/> (дата обращения: 03.05.2026).

³ Самусевич А.Г., Лиханов М.С., Самусевич С.А. Проблемы реализации юридической ответственности за незаконный «серый» майнинг // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 1 (48). С. 23.

объектам электроснабжения и незаконное использование электроэнергии¹. Причём майнинг настолько энергозатратный, что практически всегда вменяется ч. 2 ст. 165 УК РФ (признак «в особо крупном размере»). Поддерживая данную квалификацию в рамках действующего правового регулирования, нужно заметить, что в будущем тенденция в судебной практике может измениться с учетом возможного дополнения Особенной части уголовного закона отдельными статьями, предусматривающими ответственность за незаконный майнинг цифровой валюты.

Следующей по распространенности уголовно-правовой оценки действий майнеров является ст. 171 УК РФ (незаконное предпринимательство). Цивилисты высказывают мнение, что майнинг является высокомаржинальным видом предпринимательской деятельности и обладает всеми признаками таковой². Поэтому в нынешний момент такая квалификация не вызывает нареканий при условии, что будет установлена причинная связь между незаконным майнингом и крупным ущербом гражданам, организациям или государству.

Однако думается, что ст. 171 УК РФ может применяться к лицам, занимающимся незаконным майнингом, только после вступления в силу Федерального закона от 08.08.2024 № 221-ФЗ³, которым была урегулирована деятельность по майнингу цифровой валюты на территории России. Квалификация действий майнеров по ст. 171 УК РФ до вступления в силу этого нормативного правового акта видится ошибочной по следующей причине. Названная норма уголовного закона предполагает, что предпринимательская деятельность является незаконной только по форме, а по содержанию она законная. То есть человек может законно зарегистрироваться, и человек может законно получить соответствующую лицензию (разрешение). У майнеров не было такой возможности до вступления в силу Федерального закона от 08.08.2024 № 221-ФЗ. В настоящее время существует мнение о том, что майнер вполне может быть зарегистрированным в ЕГРЮЛ и ЕГРИП с кодами ОКВЭД 63.11.1, 62.09, 72.40⁴. Ранее (до принятия Федерального закона от 08.08.2024

¹ См., например: приговор Бессоновского районного суда Пензенской области от 02.11.2023 № 1-101/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/khmSnc6RIfxr/> (дата обращения: 03.05.2026); приговор Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 17.01.2022 по делу № 1-37/2022 // СПС КонсультантПлюс.

² См. подробнее: Черешнева И.А. К вопросу о правовой квалификации майнинга // Право и политика. 2019. № 9. С. 48-55; Мурадян С.В., Кузьмин Н.А. Оценка вероятных криминальных рисков и угроз, связанных с майнингом криптовалюты // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 198-204.

³ Федеральный закон от 08.08.2024 № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2024. 13 августа.

⁴ См. подробнее: Кожевина О.В., Шмелева Д.В. Налоговый контроль операций с криптовалютой // Юрист. 2022. № 3. С. 60-66; Какой ОКВЭД выбрать для майнинга в 2026 году: ИП или ООО – инструкция от Gis Mining // URL: https://gis-mining.ru/our-blog/kakuyu_yuridicheskuyu_formu_i_kod_okved_vybrat_dlya_mayninga/ (дата обращения: 03.05.2026).

№ 221-ФЗ) Министерством финансов РФ в письме от 12.01.2022 № 03-04-05/813 было разъяснено, что «в настоящее время понятие майнинга и правовой статус лиц, занимающихся майнингом, законодательством не определены. В связи с этим вопрос о государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей физических лиц, занимающихся майнингом, и применении ими системы налогообложения может быть рассмотрен только после принятия соответствующих законодательных актов по указанному вопросу»¹. При таких обстоятельствах до августа 2024 года правовая оценка действий майнеров по ст. 171 УК РФ не соответствовала требованиям закона, но такие примеры встречались при обобщении судебной практики².

Еще один вариант квалификации действий майнеров – по ст. 174, 174¹ УК РФ (легализация имущества, добытого преступным путем). Правоприменители в этом случае руководствуются разъяснениями п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32, согласно которому предметом указанных преступлений «могут выступать в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления»³. И опять же видится, что состоявшиеся обвинительные приговоры лишь частично законны применительно к деятельности майнеров. Так, если человек на деньги, добытые в результате сбыта наркотиков, купил криптовалюту, это не более чем способ распоряжения. Точно также на деньги от наркотиков он может пойти купить себе любые другие товары. В литературе по этому поводу отмечается, что даже если наркосбытчики совершают цепочку сделок с криптовалютой до того, как переводят ее в фиатные деньги, возникает сложность доказывания преступного происхождения этого актива⁴. Вместе с тем, в последнем случае хотя бы не возникает сомнений относительно наличия предикатного преступления (чаще всего предусмотренного ст. 228¹ УК РФ). С майнингом криптовалюты ситуация несколько иная.

В судебной практике имеется пример квалификации действий лица, осуществляющего майнинг криптовалюты, как легализации. Так, несколько лиц занимались незаконной предпринимательской деятельностью, в результате

¹ Письмо Министерства финансов РФ от 12.01.2022 № 03-04-05/813 // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=413421> (дата обращения: 03.05.2026).

² Алёхин Д.Э. Квалификация преступлений, связанных с получением криптовалюты (майнингом) // Вестник университета им. О.Н Кутафина (МГЮУ). 2025. № 5. С. 58-64.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/8442/> (дата обращения: 03.05.2026).

⁴ Быкова Е.Г. Сложности квалификации легализации (отмывания) денежных средств, приобретенных в результате незаконного оборота наркотиков // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4 (48). С. 131.

которой получали преступные доходы. Рядом с местом осуществления этой преступной деятельности они создали небольшую майнинговую ферму. По их официальной версии, все доходы они получали не в результате незаконного предпринимательства, а от майнинга криптовалюты. Таким образом они скрывали источник происхождения доходов под видом их получения от не запрещенной законом деятельности по добыче криптовалюты¹. Представляется, что в этом случае правовая оценка содеянного по соответствующей части ст. 174¹ УК РФ является верной при условии совершения деяния после вступления в силу Федерального закона от 08.08.2024 № 221-ФЗ.

После вступления в силу этого законодательного акта видится возможной квалификация действий майнеров по ст. 198 или 199 УК РФ (налоговые преступления), поскольку с этого момента в России появилось нормативное регулирование налогообложения оборота криптовалют. Как известно, согласно сложившейся судебной практике, ответственность по указанным нормам уголовного закона наступает в случае неуплаты налогов от законной деятельности. В частности, об этом свидетельствует имеющееся в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23² разъяснение содержания ныне исключенного из ст. 171 УК РФ признака «доход». Поэтому вменение налоговых преступлений в ситуации, когда ещё не было правил налогообложения майнинга цифровой валюты, вряд ли можно признать законным.

Примечателен еще один вариант квалификации. Заместитель начальника СИЗО «Бутырка» Ц. создал в психиатрическом отделении криптоферму и вместе с двумя другими работниками занимался майнингом криптовалюты. Органы предварительного следствия оценили деятельность должностного лица по ст. 285 УК РФ³. В данной ситуации вызывает сомнение лишь вид должностного преступления (злоупотребление должностными полномочиями). Полагаем, что такие действия следовало квалифицировать по ст. 286 УК РФ как превышение должностных полномочий.

Удивительным видится прецедент, когда создание в одном из отделений московского центра организации движения аэропорта Внуково криптофермы, которая занималась майнингом криптовалюты, оценили как преступление, связанное с угрозой транспортной безопасности⁴.

Возвращаясь к вопросу о незаконном использовании электроэнергии, можно отметить, что в будущем не исключена возможность оценки майнинга,

¹ Алёхин Д.Э. Указ. соч.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» // URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8243/> (дата обращения: 03.05.2026).

³ Экс-замначальника «Бутырки» устроил майнинг-ферму в психбольнице при изоляторе // URL: <https://ren.tv/news/kriminal/1418222-eks-zamnachalnika-butyрки-ustroil-maining-fermu-v-psikhbolnitse-pri-izoliatore> (дата обращения: 03.05.2026).

⁴ Сисадмин аэропорта «Внуково» майнил криптовалюту на рабочем месте // URL: <https://www.securitylab.ru/news/490293.php> (дата обращения: 03.05.2026).

совершенного с противоправным безвозмездным подключением к электрическим сетям, как хищения электроэнергии. В литературе высказывается мнение, что криптомайнинг в этом случае можно квалифицировать по ст. 158 УК РФ, однако не лишним будет дополнение ст. 158 УК РФ квалифицирующим признаком «с незаконным изъятием электрической энергии из электрических сетей для получения цифрового права»¹. Еще более сложное и ранее неизвестное российской правовой системе явление – криптоджекинг, то есть незаконные действия лиц, осуществляющих майнинг криптовалюты с использованием чужих ресурсов после тайного незаконного проникновения в компьютер или смартфон физического лица или организации², предлагается оценивать по ст. 160 УК РФ как присвоение вычислительных мощностей, ст. 272, 273, 274 УК РФ³. Все предложенные варианты квалификации требуют дальнейшего доктринального осмысления, в том числе с учетом грядущих изменений в уголовный закон (его дополнения ст. 171⁶ УК РФ).

В рамках действующего правового регулирования правоприменителям рекомендуется оценивать незаконный майнинг по ст. 165, 171, 198 или ст. 199 УК РФ, ст. 285 или ст. 286 УК РФ. Возможна иная квалификация в зависимости от фактических обстоятельств дела. В настоящий момент с учетом недостаточной правовой регламентации майнинга криптовалюты исчерпывающий перечень статей уголовного закона не может быть предложен.

¹ См. подробнее: Желудков М.А. Проблемные вопросы борьбы с незаконным майнингом в России с учетом реализации уголовно-правовой теории о предмете тайного хищения чужого имущества // Право: история и современность. 2023. Т. 7. № 2. С. 209.

² Скрытый вирус: как не стать жертвой криптоджекинга // URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/62e116809a79473ba87c6a8b> (дата обращения: 03.05.2026).

³ Приговор Солнечногорского городского суда Московской области от 07.10.2020 № 1-227/2020 // СПС КонсультантПлюс. См. также: Нудель С.Л., Печегин Д.А. Тенденции уголовной политики в области охраны экономической деятельности в условиях цифровизации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 2. С. 309-335; Курбанов В.А. Незаконная добыча криптовалюты как уголовно наказуемое деяние // Universum: экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн. 2025. 11(133) // URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/20999>. № 11 (133) (дата обращения: 04.05.2026).

Литература

1. Актуальные вопросы влияния майнинга криптовалют на энергетическую безопасность государств евразийского региона (на примере Республики Казахстан и Российской Федерации) / В.Е. Пономоренко, Г.А. Насырова, Г.С. Кодашева и др. // Уголь. 2022. № 4. С. 61–66.
2. Алёхин Д.Э. Квалификация преступлений, связанных с получением криптовалюты (майнингом) // Вестник университета им. О.Н. Кутафина (МГЮУ). 2025. № 5. С. 58–64
3. Быкова Е.Г. Сложности квалификации легализации (отмывания) денежных средств, приобретенных в результате незаконного оборота наркотиков // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4 (48). С. 127–134.
4. Желудков М.А. Проблемные вопросы борьбы с незаконным майнингом в России с учетом реализации уголовно-правовой теории о предмете тайного хищения чужого имущества // Право: история и современность. 2023. Т. 7, № 2. С. 201–211.
5. Кожевина О.В., Шмелева Д.В. Налоговый контроль операций с криптовалютой // Юрист. 2022. № 3. С. 60–66.
6. Курбанов В.А. Незаконная добыча криптовалюты как уголовно наказуемое деяние // Universum: экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн. 2025. 11(133). URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/20999>. № 11 (133).
7. Мурадян С.В., Кузьмин Н.А. Оценка вероятных криминальных рисков и угроз, связанных с майнингом криптовалюты // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 198–204.
8. Нудель С.Л., Печегин Д.А. Тенденции уголовной политики в области охраны экономической деятельности в условиях цифровизации / Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. №2. С. 309–335.
9. Самусевич А.Г., Лиханов М.С., Самусевич С.А. Проблемы реализации юридической ответственности за незаконный «серый» майнинг // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 1 (48). С. 21–25.
10. Чередниченко О.В., Бондаренко Н.Е., Сизова Т.В. Майнинг криптовалют как новый инструмент развития сетей создания стоимости в Российской экономике // ЦИТИСЭ. 2024. № 3 (41). С. 498–507.
11. Черешнева И.А. К вопросу о правовой квалификации майнинга // Право и политика. 2019. № 9. С. 48–55.

Отождествление личности в особых условиях

Аннотация. В статье исследуются особенности проведения оперативно-разыскного мероприятия (далее – ОРМ) «отождествление личности» в особых условиях, характеризующихся дефицитом времени, ограничением во времени, нестабильностью обстановки и повышенным противодействием. Обосновывается, что отождествление личности выступает не «технической процедурой распознавания», а юридически значимой формой установления идентификационной связи между лицом и совокупностью признаков, имеющих значение для предупреждения и раскрытия преступлений. Описываются некоторые проблемы проведения данного ОРМ. Отдельное внимание уделено соотношению отождествления личности и предъявления для опознания.

Ключевые слова: отождествление личности, ОРМ, особые условия, идентификация, ориентирующая информация, предъявление для опознания, повторное опознание, процессуальная устойчивость

Отождествление личности как одно из ключевых ОРМ представляет собой важнейший механизм установления идентичности лиц, имеющих отношение к расследуемому преступлению, либо представляющих интерес для обеспечения безопасности государства. В условиях чрезвычайных ситуаций, вооружённых конфликтов, эпидемий, массовых беспорядков или ограниченного доступа к базам данных проведение отождествления требует особого подхода, предполагающего не только адаптацию, но и строгую правовую регламентацию.

Особые условия оказывают существенное влияние на проведение отождествления. Особые условия – это ситуация, в которой возможности традиционного следственного и оперативного реагирования ограничены. К ним относятся: чрезвычайные ситуации (наводнения, землетрясения, эпидемии); военные конфликты или зоны СВО; локальные гуманитарные катастрофы; массовая миграция (в том числе принудительная); отсутствие связи с базами персональных данных и др.

В таких условиях критическим становится фактор времени, невозможность использования стандартных методов опознания, а также наличие повышенных рисков утраты доказательств.

Правовая база ОРМ «отождествление личности» заложена в положениях ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 №144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности»¹. При этом практика требует соблюдения соразмерности мер вмешательства в личную жизнь с реальными угрозами, особенно в условиях ограниченных ресурсов и повышенной правовой уязвимости граждан.

Как отмечает М.В. Цинова, «правовая природа оперативной идентификации определяется ее принадлежностью к оперативно-разыскной деятельности.

¹ СПС КонсультантПлюс.

Оперативная идентификация – это комплекс мероприятий, проводимых публично и негласно уполномоченными органами с целью установления личностей лиц, причастных к совершению преступлений. Важно подчеркнуть, что результаты оперативной идентификации сами по себе не имеют доказательственной ценности и могут быть использованы только для формирования доказательной базы в рамках уголовного судопроизводства»¹.

Связь отождествления личности с уголовным судопроизводством проявляется не только на этапе возбуждения дела или реализации материалов, но и в вопросе доказательственной пригодности. Уголовно-процессуальный закон устанавливает запрет на использование результатов оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) в доказывании, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Следовательно, проведение отождествления личности изначально должно проектироваться с учётом дальнейшего «перевода» результатов в процессуальную форму: обеспеченность документирования, непрерывность фиксации, проверяемость и воспроизводимость обстоятельств, возможность последующей оценки достоверности. Именно поэтому в научно-практическом плане отождествление личности целесообразно анализировать в связке: ст. 6 (как правовое основание формы ОРМ), ст. 7-8 (как условия и основания проведения), ст. 10-11 (как правила документирования и использования результатов).

Как справедливо отмечает Н.В. Павличенко, «подготовка и проведение гласных и негласных оперативно-разыскных мероприятий осуществляется не ради самого процесса, а с целью получения конкретных результатов в виде информации или материальных объектов, которые могут быть использованы в уголовном судопроизводстве как в качестве поводов и оснований для принятия определенных процессуальных решений, так и в качестве доказательств по уголовным делам. На протяжении многих лет процесс передачи результатов ОРД в уголовное судопроизводство и их дальнейшего использования является глобальной проблемой и камнем преткновения между представителями уголовного процесса и оперативно-разыскной деятельности»².

Альтернативные источники установления личности:

1. Использование видео- и фотоматериалов, открытых источников (в том числе из социальных сетей), показаний очевидцев и материалов биометрического мониторинга становится основным источником данных при отсутствии документов.

2. Применение мобильных комплексов распознавания. В ряде случаев сотрудники используют переносные терминалы с доступом к автономным

¹ Цинова М.В. Оперативное отождествление личности и следственное опознание: ключевые различия и точки соприкосновения // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 35. С. 36–37.

² Павличенко Н.В. Частная теория негласности в оперативно-разыскной деятельности: от идеи до реализации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 145.

базам биометрических и анкетных данных. Это особенно актуально в местах большого скопления людей или на временных пунктах фильтрации.

3. Использование дактилоскопических данных вне стационарных пунктов. При недоступности криминалистических лабораторий проведение упрощённых дактилоскопических процедур возможно прямо на месте обнаружения лица или тела с последующей сверкой.

4. Анализ ситуативных признаков личности. При невозможности точной биометрической идентификации активно используются поведенческие, речевые, физиогномические характеристики, включая акценты, манеру общения, психологические особенности, вплоть до телесных меток.

Обозначим возникающие в ходе отождествления личности в особых условиях проблемы и риски. В частности, это: риски ошибочной идентификации в связи с ограниченным доступом к базам; недостаточная доказательная сила отождествления, проведённого в условиях нехватки технических средств; угрозы нарушения прав личности, особенно при массовой проверке граждан, не имеющих отношения к преступлениям.

К мерам повышения эффективности ОРМ в особых условиях относятся: создание временных аналитических и идентификационных групп, включающих следователя, сотрудника оперативного аппарата и специалиста-криминалиста; интеграция с системами видеонаблюдения (в том числе дронов) в условиях недоступности участков местности; применение «гибких» схем биометрического сбора данных без нарушения процессуальных гарантий; ограничение ОРМ во времени и по кругу лиц, чтобы избежать признаков незаконного сбора персональных данных.

В особых условиях (зоны ЧС, СВО, гуманитарные катастрофы, эпидемии и др.) проведение отождествления требует не столько классической идентификации, сколько гибкой адаптации, что выражается в эффективных приемах его осуществления:

1. Приём «Сравнительный фрагмент». Используется при наличии лишь части внешних признаков (татуировки, родинки, особенности прикуса, речевых дефектов), чтобы изолировать доступные характеристики и сопоставить их с ранее зафиксированными аналогами: видеозаписи камер наблюдения; сведения оперативных картотек; материалы ОРМ «Снятие информации с технических каналов связи».

2. Приём «Реверсивная верификация». Применяется в случаях, когда лицо не может быть идентифицировано напрямую. Оперативный сотрудник проверяет всех ранее задержанных или зарегистрированных лиц, схожих по приметам, по принципу «от обратного», отбрасывая неподходящих по ряду параметров. Используется при отсутствии отпечатков, паспорта, связи. Особо полезен при наличии свидетелей. Происходит задействование инструмента «линейной фильтрации» в базе АПК «Безопасный город» с ограничением по временным и территориальным рамкам.

3. Приём «Отождествление через окружение». Проводится опосредованно – не через личность, а через социальные связи: соседей, спутников, адреса

доставки. Используется в беженских потоках, временных лагерях, при эвакуации. Эффективен при сознательном сокрытии личности или амнезии.

4. Приём «Цифровое отождествление». Инновационный подход, предусматривающий сравнение цифровых следов – IP-адресов, IMEI-номеров, сетевых профилей. Особо актуален в условиях СВО, кибератак, информационного террора.

5. Применение приёмов по обеспечению безопасности. ОРМ в особых условиях должно сопровождаться тактической защитой как сотрудников, так и объекта отождествления. Применяются полевые модули опознавания (на базе КАМАЗов, броневых автомобилей); скрытые дактилоскопические сканеры; инфракрасные идентификаторы в темное время суток.

ОРМ «отождествление личности» и следственное действие «предъявление для опознавания» сближаются внешне – оба направлены на установление тождества конкретного лица с ранее воспринятым образом либо с совокупностью идентификационных признаков. Однако их правовая природа, целевое назначение и требования к форме принципиально различны. Отождествление личности прямо включено законодателем в перечень ОРМ и реализуется в логике получения ориентирующей информации для предупреждения/раскрытия преступлений и розыска лиц. Следственное же опознавание – процессуальная форма получения доказательственной информации, жёстко регламентированная УПК РФ (включая запрет повторного опознавания тем же опознающим по тем же признакам и недопустимость наводящих вопросов)¹.

В особых условиях (дефицит времени, нестабильность обстановки, повышенное противодействие) соблазн «заменить» процессуальную процедуру оперативным узнаванием объективно возрастает. Тем не менее содержательная близость не означает взаимозаменяемости: ОРМ по своей природе не создаёт доказательство автоматически и не должно подменять следственное действие³. Именно поэтому вопрос о допустимости предъявления для опознавания после предварительного оперативного отождествления следует решать не формально («можно/нельзя»), а через оценку: (а) кто именно осуществлял первичное узнавание; (б) в какой форме и при каких условиях оно происходило; (в) не сформировалось ли у опознающего устойчивое представление, не являющееся результатом самостоятельного воспоминания.

С точки зрения уголовно-процессуального закона сам по себе факт предварительного оперативного отождествления не блокирует возможность последующего предъявления для опознавания, поскольку запрет «повторного опознавания» адресован повторению именно следственного действия опознавания «тем же опознающим и по тем же признакам»². В то же время в реальной практике возникают ситуации, когда оперативное узнавание фактически подготавливает положительный результат последующего опознавания, превращая

¹ Цинова М.В. Указ. соч. С. 36-38.

² Ховавко С.М. Формы отождествления личности в оперативно-разыскной деятельности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 3 (53). С. 84.

его в «процессуальное оформление» уже состоявшегося психологического акта узнавания. Именно такой эффект в литературе справедливо обозначается как риск «фактического повторного опознания» (или фактического повторного узнавания), поскольку повторность проявляется не в юридической форме, а в предопределённости результата за счёт ранее предъявленного образа (в том числе фотографии, видеокадра, демонстрации лица «в одиночку», указания оперативного сотрудника и т. п.)¹.

Для процессуальной устойчивости результата ключевым становится соблюдение двух групп гарантий – процессуальных и тактико-организационных.

К процессуальным гарантиям относится, во-первых, обязательность предварительного допроса опознающего об обстоятельствах восприятия и признаках, по которым он способен опознать лицо. Этот элемент нельзя превращать в формальность: если опознающий до опознания уже видел фотографию предполагаемого лица в рамках ОРД, то данный факт подлежит фиксации в показаниях (вопросами «что именно предъявлялось», «в каких условиях», «кто инициировал демонстрацию», «какое влияние это могло оказать»). Соккрытие такого обстоятельства компрометирует доказательство, поскольку сторона защиты получает основания заявлять о внушении и предопределённости результата, а суд – о сомнительности достоверности.

Во-вторых, в самой процедуре предъявления должны быть строго обеспечены требования: предъявление в группе не менее трёх лиц (либо не менее трёх фотографий), внешняя сопоставимость статистов/изображений, возможность опознаваемому занять любое место среди предъявляемых, запрет наводящих вопросов, а также подробная фиксация условий и объяснений опознающего в протоколе². В особых условиях именно «условия» становятся смысловым центром протокола: освещённость, дистанция, длительность наблюдения, наличие средств маскировки, стрессовые факторы, меры безопасности (включая возможность исключить визуальное наблюдение опознающего опознаваемым) – всё это должно быть отражено, иначе доказательство становится уязвимым для критики как полученное в условиях, не позволяющих достоверно воспринимать признаки.

В-третьих, следует помнить об общей «рамке» использования результатов ОРД: их нельзя использовать в доказывании, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам, – то есть если ориентирующая информация не получила процессуального оформления и проверяемости. Отсюда практический вывод: даже при наличии оперативного отождествления предъявление для опознания (как самостоятельное следственное действие)

¹ Ховавко С.М. Сравнительный анализ оперативно-разыскного мероприятия «отождествление личности» и следственного действия «предъявление для опознания» и его правовое значение // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 1. С. 119.

² Ховавко С.М. Формы отождествления личности в оперативно-разыскной деятельности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 3 (53). С. 85.

должно проводиться так, чтобы оно имело собственный доказательственный «вес», а не воспринималось как повторение уже готового ответа.

Организационные гарантии в данном контексте сводятся к минимизации эффекта внушения и предопределённости результата. Наиболее типовой рисковый сценарий – когда тому же лицу (потерпевшему/свидетелю), которое затем выступает опознающим по ст. 193 УПК РФ, ранее в рамках ОРМ демонстрировались изображения или сам предполагаемый субъект, и опознающий уже «узнал» его. В такой ситуации следователь обязан оценить, не утрачена ли сама познавательная ценность опознания как проверки способности узнавания. Если утрачена, предпочтительнее не «дублировать» опознание любой ценой, а использовать иные процессуальные инструменты проверки: детализированный допрос о признаках восприятия, проверка показаний на месте, очная ставка при наличии существенных противоречий, экспертные и иные объективируемые формы идентификации (в зависимости от фабулы).

По другому сценарию оперативное отождествление осуществлялось не будущим опознающим, а сотрудником оперативного подразделения, техническими средствами (видеофиксация, сопоставление по базам данных), либо через анализ цифровых следов, а опознающий не подвергался предварительной демонстрации образа. Тогда предъявление для опознания выполняет полноценную проверочную функцию, а ОРМ выступает основанием для выдвижения версии и организации следственного действия, но не подменяет его содержания.

В итоге допустимость предъявления для опознания после оперативного отождествления определяется соблюдением стандарта: опознание должно оставаться самостоятельным следственным действием, отвечающим требованиям УПК РФ.

Подводя итог, следует отметить, что ОРМ «Отождествление личности» в особых условиях требует от сотрудников не только правовых знаний, но и оперативной креативности. Успешное проведение мероприятия зачастую зависит не от количества техники, а от правильного решения, принятого в первые минуты контакта с объектом. В условиях, когда доступ к документам, биометрии и свидетелям затруднён, значение ОРМ «Отождествление личности» возрастает многократно. Законодательное закрепление стандартов подобных мероприятий в особых условиях позволит повысить правовую определённость и защитить как интересы следствия, так и права граждан.

Литература

1. Павличенко Н.В. Частная теория негласности в оперативно-разыскной деятельности: от идеи до реализации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 139–148.

2. Ховавко С.М. Сравнительный анализ оперативно-разыскного мероприятия «отождествление личности» и следственного действия «предъявление для

опознания» и его правовое значение // Вестник Уральского юридического института МВД России. № 1. 2021. С. 119–122.

3. Ховавко С.М. Формы отождествления личности в оперативно-разыскной деятельности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 3 (53). С. 84–87.

4. Цинова М.В. Оперативное отождествление личности и следственное опознание: ключевые различия и точки соприкосновения // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 35. С. 36–38.

Н.В. Османова

Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Построение института уголовного преследования сквозь призму формирования правового государства

Аннотация. Статья посвящена трансформации института уголовного преследования в российской правовой системе и ее влиянию на построение правового государства. Отдельное внимание уделяется отсутствию универсального определения «уголовного преследования» в международном праве, что позволяет самостоятельно определять механизмы его реализации. Автор приходит к выводу, что российская уголовно-процессуальная модель выступает особой формой реализации правозащитных принципов с исторически сложившимися российскими институтами предварительного расследования.

Ключевые слова: уголовное преследование, подозрение, обвинение, судебная реформа, прокурор, следователь, дознаватель, процессуальные гарантии.

Нормы международного права образуют основу для формирования национальных моделей уголовного процесса. В них регламентируются: процедура уголовного преследования, гарантии прав обвиняемых, их процессуальное положение, компетенция органов уголовного преследования и условия прекращения дела. Закреплённые на международном уровне принципы работы правоохранительных органов направлены прежде всего на соблюдение прав и свобод человека при осуществлении уголовного преследования.

В доктрине уголовно-процессуального права отсутствует универсальное международное определение «уголовного преследования», не имеет формально закреплённого содержания и сам термин «международный стандарт». Это объясняется тем, что международное сообщество осознанно избегает жёсткой унификации базовых понятий, признавая приоритет государственного суверенитета и право стран самостоятельно выбирать формы имплементации общих правозащитных принципов. Соответственно, конкретные механизмы уголовного преследования определяются каждой национальной правовой системой исходя из её политического, экономического, социального и культурного контекста. В российском уголовно-процессуальном законе

закреплены ключевые аспекты данного института: уголовное преследование представляет собой процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения, целью которой является изобличение подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления.

В.И. Солодка характеризует международные стандарты как «своеобразную модель для развития правовой системы» государства, обеспечивающую содержательный ориентир для совершенствования национального законодательства без навязывания конкретных процессуальных решений¹.

Принято выделять несколько уровней международно-правовых стандартов в области прав человека. Первый, базовый уровень включает универсальные гарантии таких основополагающих прав, как право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность. Вторым уровнем образуют специальные процессуальные нормы, которые определяют порядок привлечения к уголовной ответственности и применения мер процессуального принуждения, в частности ареста. Общим источником для обоих уровней служит Всеобщая декларация прав человека 1948 года, зафиксировавшая ключевые принципы правового положения личности: равенство перед законом, недопустимость пыток и унижающего достоинства обращения, право на частную жизнь, принцип *nullum crimen sine lege*, а также запрет на произвольное лишение имущества.

Процессуальные стандарты, регулирующие привлечение к уголовной ответственности и применение ареста, гарантируют равенство правовых возможностей личности и рассмотрение дела независимым судом. Международный пакт о гражданских и политических правах (1966) детализировал перечисленные гарантии: право задержанного быть уведомлённым об обвинении на понятном ему языке, иметь достаточное время для подготовки защиты, допрашивать свидетелей, не свидетельствовать против самого себя. Государство обязано обеспечить судебную проверку законности задержания и реабилитацию в случае незаконного лишения свободы.

Центральным элементом международных стандартов правосудия, воплощённых в ключевых документах ООН (в том числе Минимальных стандартных правилах), выступает принцип презумпции невиновности. Согласно данному принципу, каждый обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в рамках справедливого, публичного и состязательного судебного разбирательства. Обязательным условием такого процесса является обеспечение обвиняемому всех необходимых правовых возможностей для эффективной защиты.

Эволюция специализированных стандартов прослеживается в ряде ключевых документов ООН: Минимальных стандартных правилах обращения с заключёнными (Женева, 1955), Пекинских правилах о правосудии в отношении несовершеннолетних (1985), Токийских правилах о мерах, не связанных с лишением свободы (1990), и Правилах Нельсона Манделы (2015).

¹ Солодка В.И. О роли международно-правовых норм как средства регулирования положения обвиняемого // Юрист-Правоведь. 2018. № 2. С. 99–101.

Существенную роль в формировании региональных стандартов играют Совет Европы, СНГ, АСЕАН, ЛАГ и иные организации.

Вступление Российской Федерации в Совет Европы (февраль 1996 г.) и последующая ратификация Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ) сформировали формально-юридическую основу для системной трансформации национального правопорядка. С точки зрения теории международного права, данный акт ознаменовал принятие Россией обязательств *erga omnes* в сфере защиты прав человека, что вывело внутригосударственное регулирование на уровень наднациональных стандартов.

Закрепление защиты основных прав личности в рамках уголовного судопроизводства в качестве приоритетного направления судебной реформы нашло выражение в принятии Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 года. Данный законодательный акт воплотил базовые принципы Европейской конвенции, в том числе абсолютное право на свободу и личную неприкосновенность, допустимость лишения свободы исключительно на основании судебного решения, право задержанного на безотлагательную передачу судье, а также на рассмотрение дела в разумный срок.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 14.03.2002 № 6-П положения статей 90, 96, 122 и 216 УПК РСФСР, позволявшие задерживать подозреваемых более чем на 48 часов без судебного решения, признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации. Данное решение стало значимым этапом в приведении отечественного уголовно-процессуального законодательства в соответствие с международными правозащитными стандартами. Судебный порядок санкционирования ареста был введён Федеральным законом от 29 мая 2002 года № 59-ФЗ; статья 108 УПК РФ дополнена в 2003 году требованием мотивированности судебного решения.

По справедливому замечанию Д.А. Иванова и М.А. Куликова, международные стандарты имплементируются в российское уголовно-процессуальное законодательство двояко – как опосредованно, через конституционные положения, так и непосредственно, путём совершенствования норм УПК РФ¹. Исследователи подчёркивают, что меры пресечения должны избираться на основании реальных доказательств, содержащихся в материалах дела, а не по усмотрению должностных лиц.

Ключевой гарантией прав задержанного является его право на безотлагательное получение информации. В соответствии со стандартом, закреплённым в Европейской конвенции о правах человека, уведомление о причинах задержания и сущности обвинения должно последовать в кратчайшие сроки. Лингвистическое выражение данного требования в аутентичных текстах

¹ Иванов Д.А., Куликов М.А. Международные стандарты мер пресечения и их имплементация в законодательство Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 4. № 14. С. 623–630. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(4).623-630.

Конвенции (англ. promptly, нем. in kürzester Zeit, рус. «незамедлительно») единообразно акцентирует безотлагательный характер данной обязанности. В российское законодательство указанное требование имплементировано через институт уведомления о подозрении, обязывающий органы предварительного расследования к немедленному и предметному информированию лица о наличии в отношении него подозрения.

В связи с принятием 16 марта 2022 г. Резолюции Комитета Министров Совета Европы CM/Res (2022)2 о прекращении членства Российской Федерации в Совете Европы Российская Федерация перестала являться Высокой Договаривающейся Стороной Конвенции с 16 сентября 2022 г.¹ Тем не менее имплементированные в УПК РФ процессуальные гарантии сохраняют своё действие в качестве элементов национального права.

Международные нормы в сфере осуществления уголовного преследования закрепляют не только общие процессуальные нормативы, но и положения, определяющие статус прокурора. В соответствии с международными стандартами прокурор является основным субъектом уголовного преследования и наделён полномочиями по принятию решений о начале и продолжении уголовного преследования, поддержанию обвинения в суде и обжалованию судебных решений.

В российской правовой системе процессуальный статус прокурора претерпел существенные изменения в связи с принятием Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ. В настоящее время основная функция прокурора сосредоточена на завершающем этапе досудебного производства. Отечественная правовая система традиционно характеризуется множественностью субъектов уголовного преследования, в рамках которой прокурор выступает одним из элементов системы, включающей также следователя и дознавателя. В соответствии с позицией Конституционного Суда РФ, положения ч. 2 ст. 15 УПК РФ не исключают необходимость использования прокурором, следователем, дознавателем всего комплекса предусмотренных законом мер по охране прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве².

Международные акты не предписывают государствам конкретную модель распределения обвинительных полномочий; в качестве нормативного

¹ Информация Европейского Суда по правам человека от 16 сентября 2022 г. «Российская Федерация перестает быть участником Европейской конвенции о правах человека» // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405205651> (дата обращения: 05.06.2026).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.03.2026).

ориентира устанавливается результат – надлежащая защита прав личности, – а не механизм его достижения.

Международные стандарты играют ключевую роль в унификации подходов к уголовному преследованию и определению пределов допустимого ограничения прав личности. Тем самым они содействуют построению правового государства и модернизации национального законодательства. Российская уголовно-процессуальная модель, в свою очередь, выступает особой формой имплементации данных стандартов, в которой закреплены исторически сложившиеся институты предварительного расследования и распределения процессуальных полномочий между участниками стороны обвинения.

Литература

1. Гриненко А.В., Кузнецова Н.Н., Османова Н.В., Скачко А.В., Хорьяков С.Н. International legal standards for the conduct of criminal prosecution and its implementation in the legislation of the Russian Federation and the Federal Republic of Germany [Международно-правовые стандарты осуществления уголовного преследования и их имплементация в законодательство Российской Федерации и Федеративной Республики Германия] // Instituto de Estudios Políticos y Derecho Público “Dr. Humberto J. La Roche” de la Facultad de Ciencias Jurídicas y Políticas de la Universidad del Zulia Maracaibo. Venezuela, 2022. Vol. 40. № 72. С. 729–743.

2. Иванов Д.А., Куликов М.А. Международные стандарты мер пресечения и их имплементация в законодательство Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 4. № 14. С. 623–630. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(4).623-630.

3. Солодка В.И. О роли международно-правовых норм и стандартов как средства правового регулирования процессуального положения обвиняемого // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 2. С. 99–101.

4. Эсендиров М.В. Роль международных правовых стандартов в обеспечении прав обвиняемого // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 2. С. 10–13.

С.В. Петраков

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета

Отрицательное сальдо единого налогового счета и ущерб от налогового преступления: соотношение размеров, порядок прекращения уголовного дела о налоговых преступлениях

Аннотация. В статье автор рассматривает порядок прекращения уголовных дел о налоговых преступлениях. Обозначается проблема в ситуации, когда размер ущерба меньше отрицательного сальдо единого налогового счета. Обращается внимание о

недопустимости требований следователя к налогоплательщику о погашении всей налоговой задолженности как условия для прекращения уголовного дела.

Ключевые слова: налоговые преступления, единый налоговый счет, отрицательное сальдо ЕНС, прекращение уголовного дела

В соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 24 УПК РФ уголовное дело не подлежит возбуждению, а возбужденное уголовное дело прекращается в случае уплаты в полном объеме сумм недоимки и соответствующих пеней, суммы штрафа в порядке и размере, определяемых в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах и (или) законодательством Российской Федерации об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, на основании ч. 1 ст. 76¹ УК РФ.

При этом надо учитывать положения именно нормы УК РФ, в соответствии с которой лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ст. 198-199¹, 199³, 199⁴ УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, если ущерб, причиненный бюджетной системе РФ в результате преступления, возмещен в полном объеме. Аналогичная позиция законодателя отражена и в ст. 28¹ УПК РФ, в соответствии с которой следователь с согласия руководителя следственного органа прекращает уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 198-199¹, 199³, 199⁴ УК РФ, при наличии оснований, предусмотренных ст. 24 и 27 УПК РФ или ч. 1 ст. 76¹ УК РФ, в случае, если ущерб, причиненный бюджетной системе РФ в результате преступления, возмещен в полном объеме. Таким образом, речь идет о полном погашении только той недоимки, которая возникла в результате совершенного преступления (то есть в размере, установленном по уголовному делу). В связи с этим недоимка в рамках уголовно-процессуальных отношений имеет статус «ущерба, причиненного бюджетной системе преступлением», а не «ущерба, причиненного бюджетной системе невыполнением обязанности платить налоги».

Исходя из этого, налогоплательщик для возможности прекращения уголовного дела должен зачислять соответствующую сумму не на его единый налоговый счет (далее – ЕНС), а на соответствующий код классификации доходов бюджетов РФ (далее – КБК): «прочее возмещение ущерба, причиненного федеральному имуществу (за исключением имущества, закрепленного за федеральными бюджетными (автономными) учреждениями, унитарными предприятиями)» – 182 1 16 10013 01 0000 140 (для налоговых преступлений, за исключением ст. 199² УК РФ). Данная уплата в соответствии с подп. 6 п. 6 ст. 45 НК РФ учитывается на ЕНС со дня предъявления в банк поручения на перечисление в бюджетную систему РФ на счет Федерального казначейства денежных средств со счета налогоплательщика или со счета иного лица в банке при наличии на нем достаточного денежного остатка на день платежа в счет возмещения ущерба, причиненного бюджетной системе РФ в результате преступлений, за совершение которых ст. 198-199² УК РФ предусмотрена уголовная ответственность. При этом зачет суммы указанных

денежных средств в счет исполнения соответствующей обязанности по уплате налога производится в порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным по контролю и надзору в области налогов и сборов. Исходя из приказа ФНС России от 26.08.2025 № ЕА-7-8/746@ «Об утверждении Порядка зачета суммы денежных средств, перечисленных в бюджетную систему РФ в счет возмещения ущерба, причиненного бюджетной системе РФ в результате преступлений, за совершение которых статьями 198-199² УК РФ предусмотрена уголовная ответственность, в счет исполнения обязанности по уплате налога, сбора, страховых взносов, пени, штрафа»¹, налоговый орган в течение трех дней после зачисления суммы на КБК направляет запрос в следственный орган в целях предоставления сведений о размере ущерба от налогового преступления. Это связано с тем, что сумма недоимки по результатам налоговой проверки может быть больше, чем размер ущерба, установленный в рамках уголовного дела. Причина может заключаться в концептуально разных подходах подсчета налога на прибыль при одинаковой методике расчета: налог на прибыль = (доходы - расходы) x налоговая ставка. При отсутствии документов о затратах на расходы эксперт в рамках судебной экспертизы по уголовному делу не сможет произвести расчет в отличие от сотрудников налогового органа.

В тех случаях, когда сумма, зачисленная на КБК равна или меньше размера ущерба от налогового преступления, то вся сумма в качестве единого налогового платежа учитывается при исполнении обязанности по уплате налогов в очередности, установленной п. 8 ст. 45 НК РФ. При этом для уголовного дела размер отрицательного сальдо ЕНС, превосходящий ущерб от преступления, не имеет значения, так как для уголовного дела имеет значение именно ущерб, а не совокупная обязанность по уплате всех налогов.

Кроме того, необходимо учитывать, что ни уголовно-процессуальный, ни иной закон не содержат требований о погашении в полном объеме всех платежей, то есть о приведении ЕНС к нулевому сальдо для возможности прекращения уголовного дела о налоговом преступлении. Это вполне обоснованно, так как налогоплательщик может быть не согласен с иными суммами, предъявляемыми ему налоговым органом, и оспаривать их в суде.

Если же ущерб от налогового преступления, установленный в рамках уголовного дела, по каким-либо причинам будет больше размера налогов, которые необходимо уплатить на основании решения налогового органа по результатам налогового контроля, то как единый налоговый платеж будет учтена только сумма, установленная по решению налогового органа. Разница останется на КБК, а не будет зачислена на ЕНС.

Налогоплательщику при наличии уголовно-правового спора не рекомендуется зачислять денежные средства для возмещения ущерба от преступления напрямую на ЕНС. Несмотря на то, что в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 218 АПК РФ арбитражный суд рассматривает в том числе дела об установлении «других фактов, порождающих юридические последствия в

¹ СПС КонсультантПлюс.

сфере предпринимательской и иной экономической деятельности», что было бы поводом для обращения в арбитражный суд с заявлением об определении соответствующей суммы платежа как платежа именно по уголовном делу, исходя из позиции Верховного Суда РФ это может стать проблематичным. Подтверждением этому является кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 22.10.2025 № 53-КАД25-8-К8 по делу № 2а-706/2024¹.

При этом надо иметь в виду, что если налогоплательщик уплачивает сумму в стадии возбуждения уголовного дела, то фактически он соглашается с размером, установленным именно налоговым органом (включая и налог на прибыль).

Если решается вопрос об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении уголовного дела по ст. 199² УК РФ, то налогоплательщик обязательно должен перечислить на КБК, а не на ЕНС. КБК при этом – 182 1 16 10094 01 0000 140 («денежная сумма, эквивалентная размеру совершенного деяния, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, и денежное возмещение в двукратном размере этой суммы, перечисляемые в федеральный бюджет лицом, впервые совершившим преступление, для освобождения от уголовной ответственности»). Это связано с тем, что для освобождения от уголовной ответственности по ст. 199² УК РФ в соответствии с ч. 2 ст. 76¹ УК РФ помимо погашения суммы сокрытых средств необходимо еще зачислить платеж в двукратном размере этой суммы. Двукратный размер является целевым платежом непосредственно в бюджет и не должен учитываться на ЕНС. В противном случае налогоплательщик будет иметь возможность погашать налоги и иные платежи этим двукратным размером и тогда фактически не будут выполняться положения ч. 2 ст. 76¹ УК РФ. Помимо этого, налогоплательщик после внесения на ЕНС двукратного размера суммы может изменить место налогового учета и подать заявление на возврат излишне уплаченной суммы. Поскольку новый налоговый орган, где будет стоять на учете налогоплательщик, не будет знать о прекращенном в отношении последнего уголовном деле, то он может вернуть ему эту сумму.

На данных вопросах в научной литературе не всегда останавливались достаточно подробно². В связи с этим возникла необходимость обратиться к данной проблематике, имеющей непосредственное практическое значение в деятельности следственных органов СК России.

¹ СПС КонсультантПлюс.

² См.: Гармышева А.А. Противодействие уклонению от уплаты налогов как способу теневизации экономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2025. С. 7; Ахтырская Н.В. Уклонение от уплаты налогов, сборов и (или) страховых взносов: уголовно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2018. С. 8–9.

Литература

1. Гармышева А.А. Противодействие уклонению от уплаты налогов как способу теневизации экономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2025. 29 с.

2. Ахтырская Н. В. Уклонение от уплаты налогов, сборов и (или) страховых взносов: уголовно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2018. 24 с.

И.М. Пшеничнов

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета

Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: проблемы квалификации и доказывания

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы квалификации и доказывания публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности. Раскрывается разграничение сообщения, оценки и побуждения как концептуального основания уголовно-правовой оценки по ст. 280 УК РФ. Анализируются признак публичности, критерии разграничения публичности, охвата и фактического ознакомления, особенности доказывания при размещении материалов в открытых и закрытых цифровых средах, повторного размещения чужого материала и эмоционального одобрения противоправных действий. Предложено распределение цифровых сведений по доказываемым обстоятельствам. Определены пределы экспертного заключения и сформулирован практический критерий разграничения квалифицируемых деяний.

Ключевые слова: экстремистская деятельность, призывы, ст. 280 УК РФ, квалификация и доказывание, цифровые следы, судебная практика

Практическая сложность расследования преступлений, предусмотренных ст. 280 УК РФ, состоит не в самой фиксации текста, изображения, аудио- или видеоматериала, а в установлении того, что соответствующее обращение является именно публичным призывом к осуществлению экстремистской деятельности. Действующая редакция данной статьи устанавливает ответственность за такие призывы, а квалифицированный состав связывает более строгое наказание с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». Практическое значение этого квалифицирующего признака подтверждается судебной статистикой, в рамках чего в 2024 г. осуждено 12 лиц по ч. 1 и 203 лица по ч. 2¹. Эти данные не отражают всего массива зарегистрированных преступлений или расследованных дел, однако показывают, что

¹ Судебная статистика РФ. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК. 2024 год // URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--plai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 01.05.2026).

распространение призывов с использованием сети Интернет занимает существенное место в казуальной практике применения нормы.

При этом квалификационная трудность досудебного производства носит двусторонний характер. Одна ошибка состоит в расширительном отождествлении публичного призыва с любой радикальной, враждебной или политически острой оценкой; другая – в чрезмерном сужении призыва до прямого повеления к действию. Конституционный Суд РФ в связи с оспариванием положений ст. 280 УК РФ указал, что преступления, предусмотренные ст. 280, 280¹ и 282 УК РФ, совершаются только с прямым умыслом и соответствующим намерением, а высказывание суждений и умозаключений в научных или политических дискуссиях не образует преступления, если не связано с намерением побудить других лиц к осуществлению экстремистской деятельности или к иным запрещённым действиям¹. Юридическая оценка поэтому должна идти не от констатации опасности материала и не от его идеологической окраски, а от вопроса, чем именно публичное обращение с побуждением отличается от иных форм речевого поведения и при каких условиях оно образует признаки состава.

Исходное концептуальное различие проходит между сообщением, оценкой и побуждением. Сообщение передаёт сведения о событии; оценка выражает отношение лица к факту, группе, идее или действию; побуждение обращено к адресату и ориентирует его на определённое поведение. Для ст. 280 УК РФ значение имеет именно третья форма. В доктрине это различие обоснованно связывается с тем, что норма требует не простой пропаганды вражды, а призыва к действию; такой призыв предполагает целенаправленное воздействие на сознание, волю и поведение адресатов с указанием желательного для них образа действий². Публичный призыв следует поэтому рассматривать не как свойство отдельной фразы, а как результат перехода от содержания материала к уголовно значимому побуждению.

Этот переход, в свою очередь, требует точного установления предмета призыва. П.В. Агапов справедливо обращает внимание на риск расширительного применения ст. 280 УК РФ, когда направленность призыва определяется слишком широко и фактически отрывается от вопроса о том, к

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2025 № 579-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Галим Рамили Хамитьяновны на нарушение её конституционных прав положениями статьи 280 Уголовного кодекса Российской Федерации, пунктами 2 и 4 части первой статьи 73, пунктом 15 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, пунктами 2 и 2¹ статьи 6 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» // СПС КонсультантПлюс.

² Гримальская С.А. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: уголовно-правовая характеристика (ст. 280 Уголовного кодекса РФ) // Современное право. 2025. № 7. С. 105–106.

какому именно поведению склоняется адресат¹. Для квалификации поэтому недостаточно сослаться на резкий или конфликтный характер публикации. Необходимо установить действие, к которому обращение побуждает аудиторию, и показать, почему оно относится к экстремистской деятельности в смысле, имеющем значение для уголовно-правовой оценки. Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что публичные призывы выражаются в обращениях к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности; вопрос о публичности разрешается с учётом места, способа, обстановки и иных обстоятельств дела². Эта позиция должна применяться с учётом ст. 73 УПК РФ: событие преступления, виновность лица, форма вины и иные обстоятельства не предполагаются, а доказываются в конкретизированном виде. Конституционный Суд РФ специально отметил, что степень конкретизации признаков преступления при доказывании имеет значение для квалификации деяния, определения основания и меры ответственности, действия закона во времени и иных юридически значимых вопросов³.

На этом концептуальном основании выстраивается и доказательственная работа в досудебном производстве. Сначала устанавливаются признаки состава, в том числе обращение к адресату, побуждение, предмет призыва, публичность и прямой умысел. Затем выявляются фактические обстоятельства, через которые эти признаки проявляются, такие как авторство, способ размещения, доступность материала, круг адресатов, форма подачи, контекст размещения, поведение лица до и после публикации. Только после этого определяются источники доказательственной информации – протоколы осмотра, данные учётной записи, сведения от владельцев информационных ресурсов, показания, переписка, результаты оперативно-разыскных мероприятий, заключение эксперта в пределах специальных знаний. Чтобы такая последовательность не превратилась в формальное перечисление, разнородные сведения о цифровом размещении материала должны быть заранее распределены по доказываемым обстоятельствам. Данные учётной записи, устройства, входы и переписка подтверждают авторство; настройки доступа, число участников и возможность пересылки – публичность; просмотры, реакции и комментарии – охват аудитории; повторность размещения, подбор адресатов, закрепление материала, удаление следов либо сокрытие авторства – направленность умысла. Такой подход позволяет не смешивать сведения о размещении материала с признаком интересующего нас состава преступления, так как они имеют значение постольку, поскольку подтверждают конкретное обстоятельство, входящее в предмет доказывания.

¹ Агапов П.В. Преступления экстремистской направленности: вопросы толкования и практики // Законность. 2011. № 10. С. 15.

² См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8. С. 17.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2025 № 579-О.

При размещении сообщения в открытом канале устанавливаются автор публикации, содержание обращения, поведение, к которому склоняется адресат, его связь с экстремистской деятельностью, открытость доступа, количество подписчиков, просмотров, пересылок, комментариев и реакций. Здесь необходимо различать публичность, охват и фактическое ознакомление. Публичность характеризует возможность восприятия обращения множественным или неопределённым кругом лиц; охват показывает фактическую интенсивность распространения; просмотры и реакции могут подтверждать доведение материала, но не заменяют сам признак публичности. В деле Н. Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ признала обоснованным вывод о публичном характере содеянного, поскольку материалы были размещены в открытом доступе для неограниченного круга пользователей социальной сети; коллегия отметила также, что состав публичных призывов является окончанным с момента публичного размещения соответствующей информации независимо от того, удалось ли фактически побудить других граждан к террористической или экстремистской деятельности¹.

Иная доказательственная ситуация возникает при повторном размещении чужого материала. Оно не должно автоматически признаваться самостоятельным публичным призывом, поскольку может иметь информационный, критический, полемический или технический характер. Для вывода о наличии признаков ст. 280 УК РФ необходимо доказать, что лицо придало заимствованному материалу значение собственного обращения к аудитории. На это могут указывать сопроводительный одобрительный комментарий, закрепление публикации, направление её в тематическое сообщество, повторность распространения сходных материалов, выбор соответствующей аудитории и действия по расширению охвата. Эти обстоятельства имеют значение не только для внешней формы распространения, но и для вывода о направленности умысла.

Самостоятельной оценки требует и эмоциональное одобрение противоправных действий. Положительное отношение к уже совершённым деяниям не тождественно призыву к его повторению. Следователь должен установить переход от оценки прошлого события к побуждению адресатов действовать аналогичным образом. Такой переход может выражаться в указании на желательность повторения, представлении экстремистских действий как должного поведения, обращении к определённой группе лиц с предложением присоединиться. Если этот переход не доказан, материал может требовать иной правовой оценки либо вообще не образовывать признаков ст. 280 УК РФ.

Закрытый характер группы, канала или иной среды обмена сообщениями не даёт готового ответа о наличии либо отсутствии публичности. Значение имеют численность участников, порядок вступления, фактическая возможность доступа новых лиц, характер отношений между участниками, возможность

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 10.06.2025 № 223-УД25-17-А6 // СПС КонсультантПлюс.

пересылки сообщений, устойчивость аудитории и роль лица в данном сообществе. Так, например, в деле М. защита ссылалась на то, что комментарии в программе обмена сообщениями удалялись администратором, представляли собой частную переписку и не могли быть просмотрены лицами, не являвшимися участниками группы. Эти доводы были признаны несостоятельными с учётом совокупности доказательств, в том числе многочисленных просмотров, участия свидетелей, заключений экспертов и того, что группа состояла более чем из 800 участников, а материалы размещались на общедоступном канале¹. Личная переписка с одним адресатом, как правило, существенно осложняет вывод о публичности, тогда как размещение обращения в группе или канале с множественной аудиторией требует оценки реальной доступности материала и фактического круга адресатов.

Значимость грамотного обращения с цифровыми сведениями подтверждается и ведомственными данными: в докладе Генерального прокурора РФ на заседании Совета Федерации отмечалось, что рост криминальных проявлений экстремистской направленности более чем на четверть обусловлен прежде всего публичными призывами к запрещённым действиям в сети «Интернет», социальных сетях и программах обмена сообщениями; для пресечения противоправного содержания в Роскомнадзор было направлено более 1200 требований, по которым ограничен доступ к 75 тыс. интернет-ресурсов². Эти сведения не заменяют доказывания признаков состава по конкретному делу, но объясняют, почему данные о размещении и распространении материала должны собираться с учётом их доказательственной роли.

Применение такого подхода прослеживается и в судебной практике. В частности, по делу Р. выводы о размещении комментариев в социальной сети связывались с показаниями о мотивах публикации, протоколами осмотра предметов, актами наблюдения за интернет-ресурсом, показаниями лиц, ознакомившихся с комментариями, сведениями о регистрации учётных записей с использованием конкретных абонентских номеров, данными об интернет-соединениях, осмотром телефона и сим-карты, а также заключениями психолого-лингвистических экспертиз³. Эти сведения не сложены в единую массу, а соотнесены с конкретными обстоятельствами: одни подтверждают авторство, другие – публичность, третьи – охват, четвёртые – направленность умысла. Раздельная привязка сведений к обстоятельствам и образует доказательственную работу, не сводимую к фиксации факта публикации.

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 20.11.2025 № 222-УД25-42-А6 // СПС КонсультантПлюс.

² Краснов И.В. Доклад на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Генеральная прокуратура РФ: официальный сайт. 02.04.2025. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/interviews-and-presentations/e5947177/> (дата обращения: 01.05.2026).

³ Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 15.10.2025 № 223-УД25-27-А6 // СПС КонсультантПлюс.

Экспертиза по таким делам должна использоваться как средство установления смысловых признаков материала, а не как замена правовой оценки. Эксперт может исследовать побудительные языковые конструкции, адресата обращения, соотношение текста, изображения, звука и комментария, а также изменение смысла материала с учётом контекста публикации. Однако авторство, публичность в юридическом смысле, виновность лица, квалификация содеянного и итоговый вывод о наличии состава преступления устанавливаются следователем, прокурором и судом на основании всей совокупности доказательств. В деле М. Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ признала значимым, что экспертизы назначались постановлениями следователя с указанием оснований, экспертного учреждения, вопросов и предоставленных материалов, а правовые вопросы перед экспертами не ставились; заключения содержали описание исследований, применённые методики, результаты и ясные обоснованные выводы¹.

Главный практический критерий квалификации по ст. 280 УК РФ проходит по линии перехода от содержания к побуждению, удостоверенного отдельной привязкой обстоятельств к признакам состава. По нему разграничиваются публичный призыв, сообщение, оценочное суждение, эмоциональное одобрение, цитирование, повторное размещение чужого материала и обсуждение общественно значимой темы. Соблюдение этого критерия не позволяет подменить квалификацию ни общим впечатлением от материала, ни экспертным заключением, ни формальным указанием на размещение публикации в сети Интернет и переводит уголовно-правовую оценку из плоскости идеологической характеристики высказывания в плоскость доказывания признаков состава, конкретизированных применительно к обстоятельствам дела.

Литература

1. Агапов П.В. Преступления экстремистской направленности: вопросы толкования и практики // Законность. 2011. № 10. С. 13–15.
2. Гримальская С.А. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: уголовно-правовая характеристика (ст. 280 Уголовного кодекса РФ) // Современное право. 2025. № 7. С. 103–109.

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 30.05.2024 № 223-УД24-10-А6 // СПС КонсультантПлюс.

О некоторых вопросах цифровизации уголовного процесса

Аннотация. В статье приведены отдельные результаты анализа цифровизации уголовного процесса. Констатированы, в том числе на основе исследования одного из примеров, проблемы по реализации законодательных новелл.

Ключевые слова: цифровая трансформация, электронное (цифровое) доказательство, уголовный процесс, обвинительное заключение, межведомственное электронное взаимодействие

Вопросы цифровизации уголовного процесса неразрывно связаны с проводимой государством политикой по развитию информационных технологий.

Так, одной из национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года согласно Указу Президента РФ от 07.05.2024 № 309¹ является цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы.

На основе данных положений, а также с учетом изменения структуры преступности в целях своевременного и должного противостояния этому негативному явлению работа правоохранительных органов, процессы расследования уголовных дел и их судебного рассмотрения должны проходить с активным внедрением информационно-телекоммуникационных технологий, направленных, с одной стороны, на ускорение процесса проведения следственных и иных процессуальных действий, изучения уголовных дел прокурором и рассмотрения их судом, с другой – на соблюдение гарантий участников уголовного судопроизводства.

За более чем 20 лет уголовно-процессуальный закон претерпел множество трансформаций, связанных с понятием «цифровизация»: от введения понятий «технические средства» и «носители компьютерной информации» на первоначальном этапе в 2001 году до возможности использования видео-конференц-связи и электронных носителей информации на современном этапе развития.

Процессуалистами с осторожностью предпринималась попытка говорить о возможности введения понятия «цифровой уголовный процесс»², который, по нашему мнению, с учетом имеющихся конструкций и правового инструментария в настоящее время не может заменить классический уголовный процесс.

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС КонсультантПлюс.

² Право цифровой среды: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. Москва: Проспект, 2024. С. 583–584.

Одним из основных вопросов цифровизации уголовного процесса является понятие электронного или цифрового доказательства. В рамках данного исследования не будем погружаться в многолетние научные дискуссии по данному вопросу. Несмотря на отсутствие единства во взглядах ученых и практиков относительно понятия, разделяем подход как к критериям их разграничения, предложенный Д.А. Полищаном, так и к их классификации, поскольку он сделан на основе междисциплинарного анализа и оценки их сущности. Так, электронное доказательство – это доказательство, представляемое в суд при помощи приборов, электронных вычислительных машин и средств связи. Цифровое доказательство – это доказательство, представляющее запись в виде упорядоченной и структурированной последовательности битов¹.

Отсутствие законодательного урегулирования порядка получения, закрепления и оценки такого вида доказательств является одним из нерешенных вопросов на сегодня.

Чуть более десятилетия назад законодатель начал внедрять с осторожностью электронные достижения в арбитражный, а затем и в гражданский процесс.

Относительно оценки таких электронных доказательств по гражданским делам высшей судебной инстанцией даны разъяснения в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов»² (п.23 и 24).

Так, доказательства, истребуемые судом у лиц, не являющихся участниками судебного разбирательства, а также документы, представляемые в суд лицами, содействующими осуществлению правосудия (например, переводчиками, экспертами, специалистами), могут быть направлены в суд в том числе посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в сети Интернет (ст. 71 ГПК РФ, ст. 75 АПК РФ, ст. 70 КАС РФ).

Одним из примеров закрепления доказательства по гражданскому делу является ч. 1¹. ст. 35 ГПК РФ, согласно которой лица, участвующие в деле, вправе представлять в суд документы в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, подписанного электронной подписью в порядке, установленном законодательством.

Уголовно-процессуальный процесс как сфера наиболее строгих правоотношений длительно оставался в стороне кардинальных перемен. УПК РФ и сейчас, к сожалению, не содержит отдельных положений, связанных с

¹ Полищан Д.А. Цифровое и электронное доказательство – pro et contra: проблемы терминологии // Российский судья. 2022. № 7. С. 38–44.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // СПС КонсультантПлюс.

формированием (сбором, проверкой и закреплением) электронных доказательств.

В настоящее время с учетом положений ч. 4 ст. 81 и 81¹ УПК РФ единственными, на наш взгляд, электронными доказательствами являются иные документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела, включая электронные носители информации, изъятые в ходе досудебного производства по уголовным делам о так называемых преступлениях, совершенных субъектами предпринимательской деятельности (предусмотренных ст. 159 ч. 1-4, 159¹-159³, 159⁵, 159⁶, 160, 165 и 201, ст. 159 ч. 5-7, 171, 171¹, 171³-172², 173¹-174¹, 176-178, 180, 181, 183, 185- 185⁴ и 190-199⁴ УК РФ). Они признаются вещественными доказательствами и приобщаются к материалам уголовного дела, о чем выносится соответствующее постановление.

Однако до этого решения следователь и дознаватель по смыслу ч. 2 ст. 81 УПК РФ должен осмотреть их, то есть составить письменный протокол следственного действия в соответствии со ст. 166 УПК РФ.

Иными словами, электронные (цифровые) доказательства могут стать доказательствами по смыслу ч. 2 ст. 74 УПК РФ только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона по аналогии с результатами оперативно-разыскной деятельности (ст. 89 УПК РФ).

Другим аспектом цифровой трансформации уголовного процесса является реализация права на доступ к правосудию.

Федеральным законом от 25.12.2023 № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹ с 05.01.2024 появилась возможность подачи отдельных документов в ходе досудебного производства в электронном виде. Но главное – по ходатайству или с согласия обвиняемого, защитника или потерпевшего и при наличии технической возможности им может быть вручена копия обвинительного заключения с приложениями, не содержащими сведений, составляющих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, затрагивающих безопасность государства, права и законные интересы несовершеннолетних, или сведений о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы личности, изготовленная в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью (ЭЦП).

Кроме отсутствия технической возможности полноценной реализации данной нормы препятствует внедрение и использование всеми правоохранительными органами и судами системы межведомственного документооборота (МЭДО).

¹ СПС КонсультантПлюс.

С проблемами, связанными с недостаточной проработкой указанного федерального закона, описанными, в частности С.В. Зуевым¹, столкнулись правоприменители.

Так, Л., обвиняемый в краже дизельного топлива организованной группой лиц, причинившей особо крупный ущерб ОАО «РЖД», обратился к Златоустовскому транспортному прокурору с просьбой о направлении ему соответствующей копии обвинительного заключения по уголовному делу, состоящему из нескольких десятков томов. Отказывая в удовлетворении данного ходатайства, прокурор сослался на невозможность подписания документа усиленной электронной подписью. При этом невручение обвинительного заключения означает существенное нарушение закона, в частности нарушение права обвиняемого на защиту.

Проблемой является и отсутствие самих бланков электронных документов с возможностью подписания их ЭЦП сотрудниками (работниками) разных органов.

Необходимо установление единообразия в вопросах межведомственного электронного взаимодействия.

Так, согласно постановлению Правительства от 17.02.2022 № 198 «Об утверждении Положения об информационной системе «Единое информационное пространство процессов государственного управления»² внедрение, развитие и использование органами государственной власти программного обеспечения, разработанного на основе типового решения подсистемы электронного документооборота, осуществляются самостоятельно (п. 25). При этом органы государственной власти субъектов Российской Федерации подключаются к информационной системе обеспечения внутриведомственного и межведомственного документооборота на добровольной основе (п. 23).

Несмотря на то, что органы прокуратуры активно применяют МЭДО, ни суды, ни органы СК России в настоящее время не решают вопросы взаимодействия через указанный модуль, что существенно затрудняет реализацию Федерального закона от 25.12.2023 № 672-ФЗ.

Процесс цифровизации уголовно-процессуального права обеспечивает эффективность и быстроту судопроизводства, однако отставание правовой регламентации электронных (цифровых) доказательств, неопределенность их правовой природы создают объектные предпосылки к невозможности полноценной реализации гарантий прав участников уголовного судопроизводства.

¹ Зуев С.В. Электронные документы в досудебном производстве по уголовным делам // Законность. 2024. № 6. С. 50–52.

² СПС КонсультантПлюс.

Литература

1. Зуев С.В. Электронные документы в досудебном производстве по уголовным делам // Законность. 2024. № 6. С. 50–52.
2. Полицан Д.А. Цифровое и электронное доказательство – pro et contra: проблемы терминологии // Российский судья. 2022. № 7. С. 38–44.
3. Право цифровой среды: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. - Москва: Проспект, 2024. 896 с.

А.К. Скороходов

Тюменский государственный университет

Перспективы квалификации фальсификации доказательств, совершаемой оперативными сотрудниками, по ч. 3 ст. 294 УК РФ

Аннотация. В настоящей статье автором рассмотрен вопрос о квалификации действий оперативных сотрудников по фальсификации доказательств. Проанализированы существующие в уголовно-правовой науке подходы к квалификации таких деяний, а также практика применения норм, предусмотренных ст. 286 УК РФ по отношению к фальсификации доказательств, совершаемой такими лицами. Автором предложен иной подход к квалификации обозначенных деяний с учетом анализа объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 294 УК РФ. В заключении автором сделан вывод о необходимости квалификации фальсификации доказательств, совершенной оперативными сотрудниками, как вмешательства в какой бы то ни было форме в деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание, в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дела, совершенное лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 294 УК РФ).

Ключевые слова: фальсификация доказательств, воспрепятствование осуществлению правосудия, квалификация преступлений, ст. 294 УК РФ.

Уголовно-правовой запрет на фальсификацию доказательств по уголовному делу закреплен в ч. 2, 3 ст. 303 УК РФ. Для обозначенных составов характерно наличие признаков специального субъекта, в качестве которого может выступать следователь, лицо, производящее дознание, прокурор, защитник. Перечень признаков является исчерпывающим, а для уяснения их смысла требуется обращение к нормам УПК РФ.

Вместе с тем в научной литературе является дискуссионным вопрос относительно квалификации непосредственно направленных на фальсификацию доказательств действий иных лиц, в том числе оперативных сотрудников. Особое внимание к этим лицам, на наш взгляд, обусловлено и тем, что их деятельность непосредственно связана с уголовным делом. Кроме полномочий, закрепленных в Федеральном законе от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об

оперативно-разыскной деятельности»¹, в п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ указано: «Следователь уполномочен давать органу дознания в случаях и порядке, установленных настоящим Кодексом, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении».

В процессе производства отдельных следственных действий сотрудник органа дознания не приобретает процессуального статуса следователя или дознавателя, однако участвует в процедуре доказывания путем собирания, проверки и оценки доказательств. Полагаем, что фальсификация доказательств, совершаемая оперативным сотрудником, так же, как и совершаемая надлежащими субъектами, посредством неправомерного воздействия на предмет преступления (доказательство), причиняет вред общественным отношениям, возникающим в процессе собирания, проверки и оценки доказательств.

В этой связи в условиях действующего правового регулирования, учитывая специфику процессуального статуса, действия такого лица в случае совершения им фальсификации доказательств не могут быть квалифицированы по ч. 2, 3 ст. 303 УК РФ. При этом в ходе производства отдельного следственного действия представляется возможной фальсификация, к примеру, как протокола следственного действия, так и вещественного доказательства.

В ч. 4 ст. 303 УК РФ установлена уголовная ответственность за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности. Несмотря на общность признаков объективной стороны составов, предусмотренных ч. 2-4 ст. 303 УК РФ, часть четвертая отличается признаками объекта, субъекта и субъективной стороны. О невозможности квалификации рассматриваемых в статье действий по этой норме свидетельствует то, что предметом фальсификации в этом случае выступают результаты оперативно-разыскной деятельности, перечень которых определен в указанном Федеральном законе от 12.08.1995 № 144-ФЗ, и они не включают в себя доказательства.

В уголовно-правовой науке предложены возможности разрешения поставленной в настоящей работе проблемы, но в данной статье будут рассмотрены лишь те, которые не направлены на изменение законодательства, а содержат рекомендации по квалификации таких деяний в условиях действующего правового регулирования.

Примечательным является подход, предложенный Е.Г. Быковой и А.А. Казаковым, согласно которому представляется возможной квалификация в анализируемой ситуации действий оперативных сотрудников как превышения

¹ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» // СПС КонсультантПлюс.

должностных полномочий (ст. 286 УК РФ)¹. Выводы авторов подкрепляются, в том числе и материалами судебной практики, где в отношении таких деяний применяется ст. 286 УК РФ.

Не вызывает сомнений, что фальсификация доказательств по уголовному делу выступает специальной нормой по отношению к превышению должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). Однако это возможно лишь с такой оговоркой, что субъектом фальсификации будет выступать следователь, прокурор и лицо, производящее дознание. Защитник же не обладает признаками должностного лица, в связи с чем и конкуренция между указанными составами отсутствует.

Как отмечает И.В. Зорина, анализируя ч. 1 ст. 303 УК РФ, в правоприменительной практике существует квалификация фальсификации доказательств, совершаемой государственными служащими, по ст. 293 УК РФ (халатность)². Обозначенный подход представляется нам не верным, поскольку данные составы не являются смежными и не образуют конкуренции уголовно-правовых норм, т.к. фальсификация доказательств возможна только с прямым умыслом.

Полагаем, что незаслуженно обделены вниманием при разрешении поставленного в данной работе вопроса составы преступлений, предусмотренные ст. 294 УК РФ. Их объективная сторона описывается законодателем как «вмешательство в какой бы то ни было форме ...». При таком подходе деяние может быть совершено в различных формах, поскольку они исчерпывающе не приведены в тексте уголовно-правовой нормы.

П.В. Тепляшин, описывая признаки объективной стороны состава, предусмотренного ст. 294 УК РФ, указывает: «Вмешательство может выражаться, с одной стороны, в просьбах, уговорах, требованиях, советах, обещаниях оказать какие-либо услуги, непосредственно обращенных к судье, народному или присяжному заседателю, с другой – в неперсонифицированном воздействии на деятельность суда, например, путем физического или технического воспрепятствования работе суда»³. Э.Ю. Бадалянц отмечает: «Воспрепятствование правосудию и предварительному расследованию представляет собой комплекс действий, направленных на создание помех законному и справедливому разбирательству, а также ограничение

¹ Быкова Е.Г., Казаков А.А. Оперативный сотрудник как субъект фальсификации доказательств по уголовному делу // Вестник Московского Университета. Серия 11. Право. 2021. № 4. С. 46.

² Зорина И.В. Проблемы возбуждения уголовного дела по части 1 статьи 303 Уголовного кодекса РФ (за фальсификацию доказательств в суде) // Вестник науки. 2019. № 5 (14). С. 258.

³ Тепляшин П.В. Вопросы квалификации воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования // Сибирский юридический вестник. 2004. № 2. С. 88.

полноценного функционирования органов, связанных с расследованием и судопроизводством»¹.

В судебной практике можно встретить различные вариации применения положений ст. 294 УК РФ. В частности, данный состав образуют уничтожение материалов дела², внесение дописок в материалы дела³, изъятие из дела документов⁴, уничтожение вещественных доказательств⁵.

Субъективная же сторона анализируемого состава преступления характеризуется прямым умыслом, т. е. виновный осознает то обстоятельство, что совершает вмешательство в деятельность органов предварительного расследования или суда, а также желает этого.

В рассматриваемых в настоящей публикации случаях трудно говорить о том, что, внося заведомо недостоверные сведения в протоколы следственных действий, оперативный сотрудник, будучи должностным лицом, не осознает того обстоятельства, что осуществляет воспрепятствование осуществлению производства предварительного расследования.

Цель совершения преступления, предусмотренного ст. 294 УК РФ, заключается в воспрепятствовании осуществлению правосудия, всестороннего, полного и объективного рассмотрения дела. Фальсификация доказательств, безусловно, направлена на такое воспрепятствование, т.е. оперативный сотрудник, совершающий фальсификацию доказательств, вне зависимости от мотивов, имеет цель воспрепятствовать всестороннему, полному и объективному рассмотрению уголовного дела.

Не исключается квалификация содеянного и по ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий). Однако, по нашему убеждению, при фальсификации доказательств, совершаемой оперативным сотрудником, с учетом действующего правового регулирования именно составы преступления, предусмотренные ст. 294 УК РФ, в наибольшей степени корреспондируют фактическим обстоятельствам совершенного деяния. Данный вывод обусловлен тем, что объективная сторона воспрепятствования осуществлению предварительного расследования непосредственно охватывает действия по незаконному воздействию на доказательственную базу, тогда как превышение должностных полномочий выступает общей нормой.

¹ Бадалянц Э.Ю. Ответственности за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования: вопросы квалификации // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15. № 5-1. С. 210.

² Кассационное постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 03.06.2024 № 77-873/2024 // СПС КонсультантПлюс.

³ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 27.07.2021 № 77-3349/2021 // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 07.09.2022 № 77-4011/2022 // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Определение Верховного Суда РФ от 06.08.2007 № 33-007-22 // СПС КонсультантПлюс.

К примеру, если оперативный сотрудник получает материалы уголовного дела, используя служебное положение, и в последующем совершает в них подлог доказательств, то в данной ситуации деяние должно быть квалифицировано по ч. 3 ст. 294 УК РФ, т.к. это специальный состав должностного преступления. При конкуренции общей и специальной применяется правило о конкуренции общей и специальной нормы (ч. 3 ст. 17 УК РФ).

На основании изложенного полагаем, что в условиях действующего правового регулирования действия оперативного сотрудника по фальсификации доказательств обладают точным соответствием с признаками состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 294 УК РФ, то есть их необходимо квалифицировать как вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание, в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дела, совершенное лицом с использованием своего служебного положения.

Литература

1. Бадалянц Э.Ю. Ответственности за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования: вопросы квалификации // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15. № 5-1. С. 206–215.
2. Быкова Е.Г., Казаков А.А. Оперативный сотрудник как субъект фальсификации доказательств по уголовному делу // Вестник Московского Университета. Серия 11. Право. 2021. № 4. С. 38–50.
3. Зорина И.В. Проблемы возбуждения уголовного дела по части 1 статьи 303 Уголовного Кодекса РФ (за фальсификацию доказательств в суде) // Вестник науки. 2019. № 5 (14). С. 251–262.
4. Тепляшин П.В. Вопросы квалификации воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования // Сибирский юридический вестник. 2004. № 2. С. 87–90.

И.О. Ткачев

Уральский государственный юридический университет
имени В.Ф. Яковлева

Спорные вопросы квалификации хищения газа

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об отграничении состава кражи, совершенной из газопровода (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ), от состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.19 КоАП РФ. На основе анализа судебной практики делается вывод, что разграничение указанных составов производится в зависимости от наличия договорных отношений на поставку газа. При

этом отмечается, что наличие договора на поставку газа само по себе не может означать отсутствие признаков хищения газа.

Ключевые слова: предмет хищения, хищение газа, хищение из газопровода, самовольное подключение к газопроводу, самовольное (безучетное) использование газа.

Федеральным законом от 30.12.2006 № 283-ФЗ¹ состав кражи был дополнен новым квалифицирующим признаком, предусматривающим повышенную ответственность за тайное хищение, совершенное из нефтепровода, нефтепродуктопровода или газопровода (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

Тем самым законодателем была поставлена точка в споре относительно возможности признания газа в качестве предмета хищения. Справедливость указанного подхода не вызывает сомнений. В отличие от некоторых видов энергоресурсов (например, электричества или тепловой энергии) газ с точки зрения гражданского законодательства представляет собой разновидность имущества (ст. 128 ГК РФ), что позволяет квалифицировать изъятие газа по нормам, предусматривающим ответственность за хищение.

При этом введение анализируемой нормы породило ряд других вопросов, которые до настоящего времени не получили однозначного решения ни в доктрине уголовного права, ни в судебно-следственной практике. Прежде всего, сложности возникают при ограничении состава кражи газа от смежных составов административных правонарушений.

С учетом содержания описательной диспозиции ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ кража, совершенная из газопровода, в силу наличия квалифицирующего признака не может быть расценена как мелкое хищение независимо от стоимости изъятых газа².

Вместе с тем действующее административно-деликтное законодательство устанавливает ответственность за самовольное подключение к электрическим сетям, тепловым сетям, нефтепроводам, нефтепродуктопроводам, газопроводам либо самовольное (безучетное) использование электрической, тепловой энергии, нефти, газа или нефтепродуктов (ст. 7.19 КоАП РФ). Примечательно, что соответствующая норма исходя из ее места в системе Особенной части КоАП РФ так же, как и нормы об ответственности за хищения, направлена на охрану отношений собственности.

Как справедливо отмечается на страницах юридической литературы, признание на законодательном уровне газа в качестве предмета хищения

¹ Федеральный закон от 30.12.2006 № 283-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 01.01.2007. № 1 (1 ч.). Ст. 46.

² Любавина М.А. Проблемы квалификации кражи газа // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2008. № 4 (6). С. 26–27. На указанное обстоятельство обращается внимание в судебных актах, в частности, в апелляционном определении Верховного суда Республики Дагестан от 24.04.2018 № 22-584/2018 // СПС КонсультантПлюс.

породило межотраслевую коллизию норм уголовного и административного законодательства¹. С учетом того, что предусмотренные диспозицией ст. 7.19 КоАП РФ действия влекут административную ответственность только в том случае, если не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, такая коллизия разрешается в пользу норм гл. 21 УК РФ.

Вместе с тем вопрос об объеме коллизии остается не решенным. В связи с этим важно определить, в каких случаях содеянное квалифицируется по нормам ст. 7.19 КоАП РФ, а когда содержит признаки уголовно наказуемого деяния, и следовательно, подлежит уголовно-правовой оценке как кража, совершенная из газопровода. Правильное разграничение рассматриваемых составов тем более важно, что привлечение к ответственности за правонарушение, предусмотренное ст. 7.19 КоАП РФ, образует административную преюдицию для целей ст. 215³ УК РФ, а привлечение к ответственности за хищение газа – нет.

По мнению М.А. Любавиной, описанные в ст. 7.19 КоАП РФ действия могут расцениваться как административное правонарушение в следующих случаях: 1) при наличии у лица действительного или предполагаемого права на подключение к газопроводу или пользования газом; 2) при возмездном пользовании газом (например, запрет на подключение к газопроводу был связан с причинами технического характера, а лицо самовольно подключилось к газопроводу, но оплачивает пользование газом); 3) при самовольном либо с нарушением установленных правил подключении к газопроводу и использовании газа, но если доказано намерение лица возместить ущерб собственнику или иному владельцу; 4) при отсутствии корыстной цели (например, в интересах организации); 5) если отсутствует возможность установить размер хищения; 6) если установлен факт подключения к газопроводу, но не установлен факт завладения газом².

По мнению И. Надолинского, разграничительным признаком составов административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.19 КоАП РФ, и преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, является наличие деяния в виде врезки в газораспределительную сеть. Так, по его мнению, уголовная ответственность наступает только в случае несанкционированных умышленных врезок в газораспределительную сеть с корыстной целью³. Аналогичной позиции придерживается Д.Б. Чернышев, указывающий, что объективная сторона анализируемого преступления «выражается в повреждении тела газопровода (врезка, вваривание, демонтаж заглушки и т.д.),

¹ Любавина М.А. Указ. соч. С. 28.

² Там же.

³ Надолинский И. Ответственность за незаконное подключение к газопроводу // Уголовное право. 2010. № 6. С. 44.

которое необходимо для создания субъекту условий доступа к непосредственному предмету хищения – природному газу»¹.

Как указывает Н.А. Лопашенко, разрешение обозначенной коллизии должно производиться в зависимости от размера причиненного ущерба².

Думается, что далеко не со всеми приведенными суждениями можно согласиться.

С учетом п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ нормы о хищении подлежат применению только в том случае, если установлен факт изъятия газа из сети газораспределения, частью которого выступает газопровод.

Как отмечается в научной литературе и судебных актах, состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.19 КоАП РФ, сконструирован по модели формального. Объективную сторону соответствующего правонарушения (применительно к рассматриваемому предмету посягательства) образуют два альтернативных действия: 1) самовольное подключение к газопроводам; 2) самовольное (безучетное) использование газа. Наступление каких-либо последствий совершения указанных деяний составом административного правонарушения не предусмотрено. Правонарушение считается оконченным с момента подключения к газопроводу или с момента начала неконтролируемого использования газа³.

При установлении факта самовольного подключения к газопроводу в отсутствие подтвержденного факта самовольного (безучетного) использования газа действия лица не могут быть квалифицированы по нормам гл. 21 УК РФ и образуют состав ст. 7.19 КоАП РФ⁴. Вместе с тем изучение судебной практики применения административно-деликтного законодательства позволяет прийти к выводу о том, что в подавляющем большинстве случаев лицам, признанным виновным в совершении рассматриваемого административного правонарушения, вменялось только самовольное (безучетное) использование газа⁵ либо оба деяния, предусмотренных диспозицией ст. 7.19 КоАП РФ¹.

¹ Чернышев Д.Б. Проблемы уголовно-правовой квалификации самовольного подключения к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 1 (59). С. 73.

² Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. Авторский курс. В 4 кн. Кн. III. Формы хищения: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 40.

³ См.: Фаргиев И.А. Проблемы квалификации кражи из газопровода // Уголовное право. 2018. № 3. С. 96; апелляционное определение Верховного суда Республики Дагестан от 19.02.2019 № 22-277/2019 // СПС КонсультантПлюс.

⁴ См., например: постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12.05.2021 № 16-2906/2021 // СПС КонсультантПлюс.

⁵ См.: постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20.07.2021 № 16-3782/2021, постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 04.12.2020 № 16-3916/2020, постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.04.2020 № 16-785/2020 и др. // СПС КонсультантПлюс.

Очевидно, что самовольное (безучетное) использование газа возможно только при условии его изъятия (отбора) из сети газораспределения. Если такое изъятие производится безвозмездно, т.е. стоимость отобранного из сети газа не оплачивается или оплачивается не в полном объеме, газоснабжающей организации причиняется имущественный ущерб, что еще больше актуализирует вопрос о разграничении уголовной и административной ответственности за самовольное (безучетное) использование газа. Изучение судебной практики позволяет констатировать, что не всегда причинение имущественного ущерба означает наличие в содеянном признаков уголовно наказуемого деяния.

Например, решением Нижегородского районного суда г. Нижний Новгород от 21.04.2022 по гражданскому делу № 2-1062/2022, оставленному без изменения судами вышестоящих инстанций, в пользу АО «Газпром межрегионгаз Нижний Новгород» с С. взыскан ущерб в размере 134 659,85 руб., причиненный самовольным (безучетным) использованием газа вследствие самовольного подключения жилого дома к газопроводу. При этом из содержания судебных актов следует, что за вышеуказанные действия С. был привлечен к ответственности по ст. 7.19 КоАП РФ, а не по ст. 158 УК РФ².

В судебных актах прослеживается подход, согласно которому разграничение составов ст. 7.19 КоАП РФ и ст. 158 УК РФ при установлении факта изъятия газа из сети газораспределения ставится в зависимость от наличия договорных отношений между виновным и газосбытовой организацией.

Так, в апелляционном определении Самарского областного суда от 01.07.2025 № 22-3260/2025 отмечено, что «отличием правонарушений, предусмотренных ст. 158 УК РФ и ст. 7.19 КоАП РФ, является правомерность использования газа. Состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.19 КоАП РФ, имеет место... при самовольном (безучетном) использовании газа и при самовольном подключении к газопроводу. При этом вышеуказанные действия лица образуют состав административного правонарушения лишь при правомерном изъятии газа, либо при отсутствии такого изъятия. Таким образом, данное правонарушение может быть совершено лишь абонентом газовой сети, заключившим с газосбытовой компанией соответствующий договор (выделено мной – И.Т.)»³. Как было установлено судами, договор поставки газа не заключался, подключение к газопроводу и потребление газа осуществлялись виновными неправомерно, в связи с чем виновные были осуждены по п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ с учетом рассматриваемого квалифицирующего признака.

¹ Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10.01.2025 № 16-96/2025, постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17.02.2020 № 16-343/2020 и др. // СПС КонсультантПлюс.

² Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.01.2023 № 88-779/2023 № 2-1062/2022 // СПС КонсультантПлюс.

³ Апелляционное определение Самарского областного суда от 01.07.2025 № 22-3260/2025 // СПС КонсультантПлюс.

По другому уголовному делу Пятый кассационный суд общей юрисдикции согласился с квалификацией содеянного как кражи, совершенной из газопровода, указав, что осужденный «без ведома и согласия газовой службы осуществил врезку в газопровод, пользовался газом длительное время, не извещая об этом газовую службу, не передавая показания счетчика и не оплачивая потребленный газ». Судом отмечено, что *«никаких мер к официальному заключению договора или уведомлению газовой службы о начале использования газа осужденным не предпринято (выделено мной – И.Т.)»*¹.

Прекращение договорных отношений по поставке газа на момент его использования (отбора из газораспределительной сети) также позволяет говорить о наличии в содеянном признаков хищения. Так, соглашаясь с уголовно-правовой оценкой содеянного по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, Четвертый кассационный суд общей юрисдикции отметил, что виновной были совершены действия по «отбору газа из газопровода, будучи лишенной права получения данного ресурса по установленным в судебном заседании основаниям»². Аналогичный пример приводит в своем исследовании И. Надолинский³.

Примечательна в указанном плане позиция И.А. Фаргиева, который в целях отграничения от состава кражи значительно сужает объем понятия самовольного (безучетного) использования газа для целей ст. 7.19 КоАП РФ, относя к нему случаи отсоединения счетчиков и других контрольно-измерительных приборов, определяющих количество потребленной энергии, а также изменения показателей таких приборов⁴. Учитывая, что наличие контрольно-измерительных приборов указывает на наличие договорных отношений по поставке газа, указанный исследователь тем самым придает наличию договорных отношений значение разграничительного признака.

Следует обратить внимание, что в отдельных случаях значение придается факту наличия договорных отношений не только на момент использования (отбора) газа, но и на момент подключения газоиспользующего оборудования к сети газораспределения.

Так, признавая законным отказ в возбуждении уголовного дела в отношении А. по признакам состава преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, суды учли, что между А. и поставщиком газа *«существовали (выделено мной – И.Т.) гражданско-правовые отношения, связанные с поставкой газа А., и последующее его самовольное подключение к газопроводу и использование газа не может быть признано уголовно наказуемым деянием, предусмотренным п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ»*⁵.

¹ Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 28.03.2023 № 77-400/2023 // СПС КонсультантПлюс.

² Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17.03.2026 № 77-638/2026 // СПС КонсультантПлюс.

³ Надолинский И. Указ. соч. С. 41.

⁴ Фаргиев И.А. Указ. соч. С. 96.

⁵ Кассационное определение Калужского областного суда от 02.09.2011 № УК 22-1553/2011 // СПС КонсультантПлюс.

Впрочем, судебная практика знает случаи привлечения к административной ответственности в отсутствие договорных отношений между потребителем газа и ресурсоснабжающей организацией¹.

По нашему мнению, сам по себе факт наличия договорных отношений по поставке газа не может однозначно указывать на отсутствие признаков хищения. Более того, следует отметить, что в отдельных случаях квалификация содеянного как хищения (ч. 5-7 ст. 159 УК РФ) возможна только при наличии договорного обязательства.

Безвозмездное изъятие газа из сети газораспределения следует расценивать как хищение в случаях, когда:

- 1) между виновным и газосбытовой организацией договор на поставку газа вообще не заключался (а равно заключался в отношении иного объекта);
- 2) при наличии заключенного договора виновный осуществляет несанкционированный отбор газа путем несанкционированного подключения дополнительного газоиспользующего оборудования;
- 3) заключенный ранее договор на поставку газа прекратил свое действие в порядке, установленном гражданским законодательством РФ²;
- 4) исполнение обязательств по поставке газа было приостановлено по основаниям, предусмотренным законодательством РФ (при условии, что факт использования газа скрывается виновным³);
- 5) виновный при наличии действующего договора заведомо не намеревается исполнять обязательство по оплате поставленного газа.

При этом в последнем случае достаточно сложно говорить о тайном характере изъятия, поскольку факт использования газа абонентом является очевидным для поставщика соответствующего энергоресурса. Вместе с тем содеянное при наличии к тому оснований может быть квалифицировано как мошенничество.

Литература

1. Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. Авторский курс. В 4 кн. Кн. III. Формы хищения: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 264 с.
2. Любавина М.А. Проблемы квалификации кражи газа // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2008. № 4 (6). С. 24–28.
3. Надолинский И. Ответственность за незаконное подключение к газопроводу // Уголовное право. 2010. № 6. С. 41–45.

¹ Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17.11.2022 № 16-7975/2022 // СПС КонсультантПлюс.

² Например, был расторгнут в соответствии с п. 51-54 Правил поставки газа для обеспечения коммунально-бытовых нужд граждан (утв. Постановлением Правительства РФ от 21.07.2008 № 549) // СПС КонсультантПлюс.

³ Приговор Оренбургского районного суда Оренбургской области от 30.06.2015 №162/15 // URL: <https://base.garant.ru/27544484/> (дата обращения: 01.05.2026).

4. Фаргиев И.А. Проблемы квалификации кражи из газопровода // Уголовное право. 2018. № 3. С. 93–98.

5. Чернышев Д.Б. Проблемы уголовно-правовой квалификации самовольного подключения к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. №1 (59). С. 70–77.

Е.В. Хромов^{1,2}

¹ Прокуратура Ивановской области

² Ивановский филиал
ФГБОУ ВО РЭУ имени Г.В. Плеханова

Оказание услуг в сфере косметологии, не отвечающих требованиям безопасности

Аннотация. В доктрине уголовного права и правоприменительной практике не выработано универсальных правил квалификации причинения вреда здоровью потребителей в рамках оказания опасных косметологических услуг в отсутствие лицензии. В результате уголовно-правовая оценка одинакового поведения исполнителей становится произвольной.

Ключевые слова: опасные косметологические услуги, медицинская помощь, лицензия на осуществление медицинской деятельности

Рынок косметологических услуг является быстро развивающейся отраслью. В 2025 году ее объем составил 244,8 млрд рублей, инъекционная косметология за год достигла значения в 11,5 млн процедур¹.

Косметология в силу положений отраслевого законодательства² это область клинической медицины и в силу п. 46 ч. 1 ст. 12, ч. 4 ст. 9 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»³ подлежит лицензированию. Следует отличать косметологические услуги как вид медицинской деятельности от косметических услуг по бытовому обслуживанию населения, оказание которых не требует наличия лицензии. Оказание косметических услуг регламентируется Правилами бытового обслуживания населения, утвержденными постановлением Правительства РФ

¹ Рынок аппаратной косметологии в России вырос на 50% в 2025 году // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8462746> (дата обращения: 04.05.2026).

² См.: приказ Минздравсоцразвития России от 18.04.2012 № 381н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи населению по профилю «косметология»; постановление Правительства РФ от 01.06.2021 № 852 «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра "Сколково") и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

³ СПС КонсультантПлюс.

от 21.09.2020 № 1514¹. Из-за отсутствия в отраслевом законодательстве прозрачных критериев отграничения косметологических и косметических услуг, по мнению ряда авторов, правоприменительно нужно руководствоваться легальным определением медицинской услуги. Так, с учетом положений п. 4 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»² косметологическая (медицинская) услуга оказывается в целях профилактики, диагностики, лечения врожденных или приобретенных заболеваний (дефектов), медицинской реабилитации, а косметическая – достижения эстетического, гигиенического эффекта³.

В доктрине уголовного права и правоприменительной практике не выработано универсальных правил квалификации причинения вреда здоровью потребителей в рамках оказания опасных косметологических услуг в отсутствие лицензии, в результате уголовно-правовая оценка одинакового поведения исполнителей становится произвольной.

Например, в литературе описываются случаи квалификации причинения средней тяжести вреда здоровью при оказании опасных косметологических услуг в отсутствие лицензии в качестве идеальной совокупности преступлений, предусмотренных ст. 235, 238 УК РФ⁴. Представляется, что такой подход противоречит принципу справедливости о запрете двойного вменения (ч. 2 ст. 6 УК РФ). Из-за совпадения объектов рассматриваемых преступлений (здоровье населения) полагаем невозможным квалифицировать причинение вреда здоровью потребителей в рамках косметологических услуг в качестве идеальной совокупности преступлений, предусмотренных ст. 235, 238 УК РФ.

Наибольшие проблемы правоприменитель испытывает при разграничении преступлений, предусмотренных ст. 235 и ст. 238 УК РФ.

Индивидуальный предприниматель С. в отсутствие лицензии на медицинскую деятельность, имея среднее медицинское образование по профилю «эстетическая косметология», путем инъекций, ввела К. в область лица лекарственный препарат на основе ботулотоксина типа А, причинив по неосторожности деформацию верхнего века левого глаза с его утолщением и опущением (вред средней тяжести). С осуждена по ч. 1 ст. 235 УК РФ⁵.

В ходе оказания косметологической услуги по оздоровлению кожи (мезотерапии) Ч., не имея лицензии на медицинскую деятельность, ввела клиенту подкожно в обе глазницы и лобную область неустановленное

¹ Постановление Правительства РФ от 21.09.2020 № 1514 «Об утверждении Правил бытового обслуживания населения» // СПС КонсультантПлюс.

² СПС «КонсультантПлюс».

³ Машкова А.В. Уголовно-правовой аспект оказания косметологических услуг // Вестник ВГУ. Серия:Право. 2022. № 3. С. 331-339.

⁴ Семочкина А.А., Туманов А.С. Уголовно-правовая оценка причинения вреда при оказании косметических и косметологических услуг// Вестник экономической безопасности. 2023. № 5. С. 131-135.

⁵ Приговор Бежецкого городского суда Тверской области от 29.01.2019 № 1-1/2019 по ч. 1 ст. 235 УК РФ // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qrgdFohK4wJB/> (дата обращения: 04.05.2026).

биологически активное вещество с целью устранения темных кругов и морщин вокруг глаз. В результате несоблюдения правил асептики потерпевшей причинен вред здоровью средней тяжести (острое воспаление). Ч. осуждена по ч. 1 ст. 238 УК РФ¹.

В приведенных примерах правоприменитель, акцентируя внимание на одних и те же обстоятельствах (отсутствие лицензии и образования у исполнителя, специализированного помещения для оказания услуг, лабораторной диагностики состояния здоровья потребителя перед инвазивной процедурой, а также причинение вреда здоровью), приходит к разным выводам о квалификации содеянного. При правовой оценке содеянного по ст. 235 УК РФ отсутствие лицензии, иных организационных нарушений у исполнителя признается причиной наступления негативных последствий, а по ст. 238 УК РФ – признаком реальной опасности услуги для жизни и здоровья потребителей.

Между запретами, приведенными в ст. 235 и ст. 238 УК РФ, отсутствует конкуренция основного и привилегированного состава, целого и части, общей и специальной нормы. Анализируемые составы преступлений являются смежными. В.Н. Кудрявцев относил к смежным такие преступления, в которых один состав имеет признак, отсутствующий в другом, но другой состав при этом содержит признак, отсутствующий в первом².

Отличия рассматриваемых преступлений заключается в форме вины, наличии (отсутствии) обязательности последствий, признаках субъекта преступлений.

Так, если для наступления уголовной ответственности по ч. 1 ст. 238 УК РФ достаточно возникновение реальной опасности для жизни и здоровья потребителей, то для ч. 1 ст. 235 УК РФ – причинение по неосторожности вреда здоровью человека. При этом в ч. 1 ст. 235 УК РФ не конкретизируется степень тяжести вреда здоровью, что влечет возникновение по этому вопросу дискуссии.

Существует мнение, что ответственность по ч. 1 ст. 235 УК РФ может наступать лишь в случае причинения по неосторожности тяжкого вреда здоровью потребителей. В качестве аргумента обращается внимание на отсутствие в рамках гл. 16 УК РФ ответственности за неосторожное причинение легкого и средней тяжести вреда здоровью. Авторы полагают, что положения ч. 1 ст. 124 УК РФ об ответственности за неосторожное причинение средней тяжести вреда здоровью в данном случае являются прямо оговоренным

¹ Приговор Волгодонского районного суда Ростовской области от 05.02.2016 № 1-58/2016 по ч. 1 ст. 238 УК РФ // URL: https://volgodonskoy--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=r_juid&vnkod=61RS0012&srv_num=1&delo_id=1540006&case_type=0&judicial_uid=61RS0012-01-2015-006884-65 (дата обращения: 04.05.2026).

²См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 215, 216; Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015 // СПС КонсультантПлюс.

в уголовном законе исключением из общего правила, которое в ч. 1 ст. 235 УК РФ отсутствует¹.

Позволим себе с таким мнением не согласиться.

Во-первых, положения ч. 1 ст. 124 УК РФ являются не единственным случаем криминализации причинения по неосторожности средней тяжести вреда здоровью. В ст. 267 УК РФ установлена ответственность за причинение по неосторожности не только средней тяжести (ч. 3), но и легкого вреда здоровью человека (ч. 2).

Во-вторых, описание последствий путем указания на причинение по неосторожности вреда здоровью без его конкретизации встречается в настоящее время помимо ч. 1 ст. 235 УК РФ еще в 8 составах преступлений, так же приведенных в разделе IX уголовного закона². Согласно разъяснениям, изложенным п. 2 и п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21, под причинением по неосторожности вреда здоровью человека при совершении преступлений, предусмотренных ст. 246, ч. 2 ст. 247, ч. 1 ст. 248, ч. 2 ст. 250, ч. 2 ст. 251, ч. 1 и 2 ст. 254 УК РФ, следует понимать причинение вреда здоровью любой степени тяжести одному или нескольким лицам.

В-третьих, судебная практика опровергает мнение о том, что только причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью влечет наступление ответственности по ст. 235 УК РФ, квалифицируя по приведенной норме случаи оказания косметологических услуг без лицензии повлекшие по неосторожности причинение средней тяжести³ и даже легкого вреда здоровью. Например, медицинская сестра ГБУЗ «...» М., имея среднее медицинское образование, оказывала на возмездной основе процедуры по удалению бородавок при помощи жидкого азота в арендованном помещении в салоне красоты при отсутствии лицензии на медицинскую деятельность по профилю

¹ Медицинское уголовное право: монография / А.А. Бимбинов, В.Н. Воронин, Т.Г. Понятовская и др.; отв. ред. А.И. Рарог. Москва: Проспект. 2022 // СПС КонсультантПлюс.

² Прямо в качестве последствий указано на причинение по неосторожности вреда здоровью без конкретизации в ч. 1 ст. 207², ч. 2 ст. 228², ч. 2 ст. 251, ч. 2 ст. 280³ УК РФ, а в ст. 246, ч. 2 ст. 247, ч. 1 ст. 248, опосредованно – в ч. 2 ст. 250 УК РФ с учетом п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21.

³ См.: приговор Бежецкого городского суда Тверской области от 29.01.2019 № 1-1/2019 по ч. 1 ст. 235 УК РФ // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qrgdFohK4wJB/> (дата обращения: 04.05.2026); приговор Михайловского районного суда Приморского края от 18.10.2023 № 1-196/2023 по ч. 2 ст. 118, ч. 1 ст. 235 УК РФ // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/m6WyBOIdSWHp> (дата обращения: 04.05.2026); постановление Назаровского городского суда Красноярского края от 03.02.2025 № 1-38/2025 по ч. 1 ст. 235 УК РФ // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2plb4kRqR7mt> (дата обращения: 04.05.2026) и др.

«косметология». В ходе выполнения процедуры потерпевшей С. причинен ожог левой стопы (легкий вред здоровью). М. осуждена по ч. 1 ст. 235 УК РФ¹.

При таких обстоятельствах мы соглашаемся с теми, кто считает, что положения ч. 1 ст. 235 УК РФ предусматривают наступление уголовной ответственности за причинение по неосторожности вреда здоровью любой степени тяжести².

Исходя из разъяснений, изложенных в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23, состав незаконного осуществления медицинской деятельности (ст. 235 УК РФ) является частным случаем незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ)³. Субъектом, преступлений предусмотренных ст. 171, 235 УК РФ, может выступать лишь лицо, обязанное получить лицензию на медицинскую деятельность, т.е. руководитель юридического лица, индивидуальный предприниматель или частное лицо, непосредственно оказывающее косметологические услуги. Работники, состоящие в трудовых отношениях с указанными лицами, не могут нести ответственность по указанным нормам уголовного закона (ст. 171, 235 УК РФ), что следует из п. 10, 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23⁴.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18, субъектом преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, может являться как руководитель организации, индивидуальный предприниматель, или их работник, так и лицо, фактически осуществляющее оказание услуг без соответствующей государственной регистрации.

Следовательно, работники организаций и индивидуальных предпринимателей, оказывающих косметологические услуги, не могут выступать субъектом преступлений, предусмотренных ст. 235 УК РФ, однако при наличии иных оснований подлежат ответственности в рамках ст. 238 УК РФ.

¹ См.: приговор Ухтинского городского суда Республики Коми от 21.02.2018 № 1-14/2018 по ч. 1 ст. 235 К РФ // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MYQ3iRar7N5T> (дата обращения: 04.05.2026); апелляционное постановление Верховного суда Республики Коми от 10.05.2018 № 22-991/2018 по ч. 1 ст. 235 УК РФ // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DAd1r7Nb1lJO> (дата обращения: 04.05.2026).

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 3: Особенная часть. Раздел IX // СПС КонсультантПлюс; Машкова А.В. Уголовно-правовой аспект оказания косметологических услуг // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2022. № 3. С. 331–339.

³ Сенокосова Е.К. Безопасность медицинской деятельности: уголовно-правовой аспект // Безопасность бизнеса. 2025. № 2. С. 12–16.

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Р.О. Долотов и др.; под ред. Г.А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2021.

Неоднозначно на практике решается вопрос о правилах квалификации случаев причинения вреда здоровью нескольким лицам при оказании опасных косметологических услуг.

М., не имея лицензии на осуществление медицинской деятельности и соответствующего образования, в арендованном помещении без проведения специальных обследований с целью выявления аллергических реакций и противопоказаний, в нарушение правил асептики и антисептики при помощи шприцов осуществила инъекции двум потерпевшим гиалуроновой кислоты в области молочных желез с целью коррекции их формы. Одной из потерпевших также провела процедуру нитевого лифтинга – инъекционного введения косметологических нитей в область молочных желез с целью коррекции формы, что привело к последующему развитию у последней гнойного инфильтративного мастита. Действия М. квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 238, ч. 1 ст. 238 УК РФ¹.

В другом случае индивидуальный предприниматель М., окончив техникум по специальности «делопроизводство и архивоведение», на территории торгового центра оказывала услуги мезотерапии. М. выполнила восьми потерпевшим инъекции препаратом ботокс в область лба и гиалуроновой кислоты в область губ. Действия М. квалифицированы по ч. 1 ст. 238 УК РФ².

В приведенных примерах содеянное состояло из ряда тождественных действий, каждое из которых в отдельности содержит все признаки состава преступления, охватывалось единым умыслом. О единстве умысла свидетельствует совершение тождественных деяний с незначительным разрывом во времени, аналогичным способом, в отношении одного и того же объекта преступного посягательства, направленность деяний на достижение общей цели – извлечении максимальной прибыли от противоправной опасной деятельности в отсутствие лицензии. Следовательно, с учетом разъяснений, изложенных в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43, п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18, в приведенных примерах содеянное следует рассматривать в качестве единого сложного продолжаемого преступления.

Проведенный анализ показал отсутствие единых правил квалификации случаев оказания опасных косметологических услуг без лицензии, что обусловлено недостатками толкования правил разграничения запретов,

¹ Постановление Обнинского городского суда Калужской области от 24.12.2024 № 1-223/2024 по ч. 1 ст. 238, ч. 1 ст. 238 УК РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/V5AF2bdwfXYv> (дата обращения: 04.05.2026).

² См.: приговор Мирнинского городского суда Архангельской области от 04.04.2017 № 1-1/2017 по ч. 1 ст. 238 УК РФ. URL: https://mirnsud--arh.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=223190615&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 04.05.2026); апелляционное постановление Архангельского областного суда от 15.06.2017 № 22-1481/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qFITnQDj14HH/> (дата обращения: 04.05.2026).

приведенных в ст. 235 и 238 УК РФ. Этот вопрос требует дальнейшего теоретического осмысления.

Литература

1. Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015. 288 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 3: Особенная часть. Раздел IX. 298 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Р.О. Долотов и др.; под ред. Г.А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2021. 816 с.
4. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. 352 с.
5. Машкова А.В. Уголовно-правовой аспект оказания косметологических услуг // Вестник ВГУ. Серия:Право. 2022. № 3. с. 331–339.
6. Медицинское уголовное право: монография / А.А. Бимбинов, В.Н. Воронин, Т.Г. Понятовская и др.; отв. ред. А.И. Рарог. М.: Проспект, 2022. 576 с.
7. Семочкина А.А., Туманов А.С. Уголовно-правовая оценка причинения вреда при оказании косметических и косметологических услуг// Вестник экономической безопасности. 2023. № 5. С. 131–135.
8. Сенокосова Е.К. Безопасность медицинской деятельности: уголовно-правовой аспект // Безопасность бизнеса. 2025. № 2. С. 12–16.

Р.Д. Шарапов

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета

Служебный подлог: типичные ошибки квалификации

Аннотация. В статье анализируются типичные ошибки, допускаемые органами предварительного следствия при квалификации служебного подлога в условиях совокупности с другими должностными преступлениями и при конкуренции уголовно-правовых норм. Особое внимание уделяется вопросам уголовно-правовой оценки служебного подлога в условиях совокупности с получением взятки, злоупотреблением должностными полномочиями, превышением должностных полномочий.

Ключевые слова: служебный подлог, злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, должностное преступление, совокупность преступлений, конкуренция уголовно-правовых норм.

В практике органов досудебного уголовного судопроизводства наблюдаются затруднения в квалификации служебного подлога (ст. 292 УК РФ) в условиях

совокупности с другими должностными преступлениями и при конкуренции уголовно-правовых норм. Типичные ошибки состоят в следующем.

1. Невменение служебного подлога, совершенного за взятку, по совокупности с получением взятки за незаконные действия, якобы на том основании, что состав взяточничества за незаконные действия (бездействие) охватывает собой преступления должностного лица, которые оно совершает за взятку.

Для того, чтобы исключить указанную ошибку Пленум Верховного Суда РФ неоднократно обращает внимание судов на данный вопрос, который в постановлении от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»¹ разъясняется в пункте 22: совершение должностным лицом за взятку действий (бездействия), образующих самостоятельный состав преступления, не охватывается объективной стороной преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ. В таких случаях содеянное взяткополучателем подлежит квалификации по совокупности преступлений как получение взятки за незаконные действия по службе и по соответствующей статье Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, служебный подлог, фальсификацию доказательств и т.п.

В теории уголовного права, однако, некоторыми авторами высказывается иное, малоубедительное мнение², основанное, как справедливо отмечает В.Б. Комаров, на смешении оснований уголовной ответственности за получение взятки, обусловленной незаконными действиями (бездействием) должностного лица, с одной стороны, и за совершение преступления за взятку, с другой стороны³.

Преимущество приведенного разъяснения по сравнению с разъяснением этого вопроса в утратившем силу постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе»⁴, как считает П.С. Яни, состоит в том, что Пленум подчеркнуто обратил внимание судов на то, что совершение должностным лицом за взятку действий (бездействия), образующих самостоятельный состав преступления, не охватывается объективной стороной состава получения взятки за незаконные действия (бездействие). Несмотря на очевидность этого

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

² См.: Смоляная Н.Г. Дача и получение взятки: уголовно-правовой аспект: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2008. С. 8-9; Иванчин А.В., Каплин М.Н. Служебные преступления: учебное пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2013. С. 71; Будатаров С.М. К вопросу о получении взятки должностными лицами за незаконные действия (бездействие) // Уголовное право на рубеже тысячелетий: Материалы региональной научно-практической конференции, г. Тюмень, 15 ноября 2005 года. Тюмень: Тюменский юридический институт МВД РФ, 2006. С. 77.

³ Комаров В.Б. Предмет взяточничества: дисс. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2018. С. 176.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4.

положения, его нужно было указать потому, что «некоторые суды и даже составы судебной коллегии высшего судебного органа публиковали в начале прошлого десятилетия решения, согласно которым совершенные за взятку преступления охватываются объективной стороной получения взятки за незаконные действия»¹. Таковы, например, определения Верховного Суда РФ: от 12.12.2005 № 89-о05-51 (невыполнение за взятку требований об обязательной регистрации поступившего сообщения о преступлении), от 13.11.2006 № 9-о06-82 (невключение таможенным инспектором за взятку в акт осмотра, составляемый при таможенном контроле, сведений о наличии у ввозимого автомобиля дополнительной комплектации), от 27.03.2003 № 55-о02-31 (включение за взятку в текст приложения к лицензии нового объекта, на котором может осуществляться соответствующая деятельность, без проведения необходимой экологической экспертизы и рассмотрения материалов лицензионной комиссией)². В соответствии с приведенными решениями высшего судебного органа злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий, совершенные за взятку, были расценены как признак состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ, что в современной практике квалификации должностных преступлений не считается нормой.

2. Вменение на основе одних и тех же фактических обстоятельств наряду со служебным подлогом злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) или превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ).

«Запас квалификации» состоит в том, что вменяется искусственная идеальная совокупность служебного подлога и должностного злоупотребления или превышения должностных полномочий, чего в действительности быть не может, поскольку состав служебного подлога состоит в конкуренции уголовно-правовых норм с указанными составами должностных преступлений.

Так, К., ведущий специалист-эксперт территориального отдела управления Роспотребнадзора, в ходе телефонного разговора с индивидуальным предпринимателем З. заявила о том, что он понесет административную ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил. Впоследствии К. без фактического выезда и проверки по месту осуществления З. предпринимательской деятельности изготовила акт санитарно-эпидемиологического обследования, в который внесла заведомо ложные сведения о якобы имевших место фактах нарушения З. санитарно-эпидемиологических требований; изготовила протокол об административном правонарушении, в который внесла заведомо ложные сведения. Далее К. сформировала в отношении З. материалы дела об административном правонарушении, предусмотренном ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ. Согласовав принятое решение с начальником территориального отдела управления

¹ Яни П.С. Новое постановление Пленума Верховного Суда о взяточничестве // Законность. 2013. № 11. С. 25.

² СПС КонсультантПлюс.

Роспотребнадзора, К. передала материалы дела об административном правонарушении в районный суд для рассмотрения по существу. По решению суда З. был признан виновным в совершении административного правонарушения и ему назначено наказание в виде административного приостановления деятельности сроком на 5 суток.

Органом предварительного следствия содеянное К. квалифицировано по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 285 и ч. 2 ст. 292 УК РФ. Судами первой, апелляционной и кассационной инстанций указанная квалификация оставлена в силе.

Верховный Суд РФ отменил состоявшиеся решения о квалификации преступления, передал уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение, приводя следующие доводы: в приговоре приведено идентичное описание обстоятельств совершения злоупотребления должностными полномочиями и служебного подлога, включая мотив и наступившие последствия, без разграничения обстоятельств, образующих объективную сторону каждого из этих преступлений; совокупность таких преступлений возможна лишь при последовательном их совершении, когда служебный подлог не входит в объективную сторону злоупотребления должностными полномочиями и когда каждое из этих деяний повлекло самостоятельные общественно опасные последствия (п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19¹); в решениях судов апелляционной и кассационной инстанций не содержится оценки законности приговора в части описания каждого из преступлений с указанием их самостоятельных мотива, цели и последствий².

По другому уголовному делу Д., являясь оперуполномоченным уголовного розыска, при проведении процессуальной проверки по заявлению потерпевшего о хищении неустановленным лицом денежных средств с банковской карты, действуя из иной личной заинтересованности (не желая исполнять свои должностные обязанности по проведению оперативно-разыскной деятельности в целях выявления и раскрытия этого преступления, с целью уменьшения объемов своей работы), с помощью не осведомленного о ее преступном умысле работника полиции изготовила заявление от имени потерпевшего, в которое по ее просьбе он внес сведения о возмещении потерпевшему материального ущерба и о просьбе о прекращении проверки, и выполнила рукописные подписи от имени последнего, которое зарегистрировала в КУСП, а также без фактического присутствия и опроса изготовила акт опроса потерпевшего, куда внесла аналогичные сведения, и от его имени выполнила рукописную подпись. Впоследствии на основании этих подложных документов Д. изготовила от имени следователя постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в которое внесла не

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // СПС КонсультантПлюс.

² Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2026. № 2.

соответствующие действительности сведения из заявления и акта опроса потерпевшего, а также сопроводительное письмо о направлении в прокуратуру указанного документа и уведомление потерпевшему, и выполнила во всех этих документах от имени следователя рукописные подписи с подражанием ее подлинной подписи. Эти действия Д. повлекли существенные нарушения прав и законных интересов граждан, охраняемых законом интересов общества и государства.

Органом предварительного следствия содеянное Д. квалифицировано по совокупности преступлений, предусмотренных п. «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ и ч. 2 ст. 292 УК РФ.

Суды первой и апелляционной инстанций п. «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ исключили как излишне вмененное преступление.

Кассационный суд общей юрисдикции решения нижестоящих судов оставил без изменения, а кассационное представление прокуратуры без удовлетворения, отметив: суд первой инстанции правильно указал в приговоре о том, что органами предварительного следствия в обвинительном заключении приведено идентичное описание преступных деяний как по превышению должностными полномочиями, так и по служебному подлогу; изложены одни и те же обстоятельства преступлений и конкретные совершенные Д. действия; указаны аналогичные мотивы, которыми она руководствовалась, схожие наступившие последствия и причиненный вред одинаковым общественным отношениям; приведенные обстоятельства свидетельствуют о том, что органами предварительного следствия одни и те же действия Д. одновременно квалифицированы по двум различным статьям Особенной части УК РФ (по п. «е» ч. 3 ст. 286 и ч. 2 ст. 292 УК РФ); суд пришел к обоснованному выводу о том, что Д., используя свои служебные полномочия, из иной личной заинтересованности внесла заведомо ложные сведения в официальные документы, что повлекло существенное нарушение охраняемых законом интересов гражданина, общества и государства, каких-либо иных действий по использованию полномочий не совершала, в рассматриваемом случае реальная совокупность преступлений отсутствует, и поэтому дополнительной квалификации по ст. 286 УК РФ не требовалось¹.

Нужно учитывать содержащееся в пункте 17 постановления Пленума Верховного Суда от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» разъяснение: «В случаях, когда такое лицо в связи с исполнением своих служебных обязанностей внесло в официальные документы заведомо ложные сведения либо исправления, искажающие их действительное содержание, содеянное должно быть квалифицировано по статье 292 УК РФ. Если же им, наряду с совершением действий, влекущих уголовную ответственность по статье 285 УК РФ, совершается служебный подлог, то содеянное подлежит квалификации по совокупности со статьей 292 УК РФ».

¹ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 13.05.2025 № 77-1122/2025 // СПС КонсультантПлюс.

«Исходя из приведенных разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, – заключает Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в решении по конкретному делу, – возможна только реальная совокупность преступлений, предусмотренных ст. 285 и ст. 292 УК РФ»¹.

3. Вменение одних и тех же общественно опасных последствий при квалификации служебного подлога по ч. 2 ст. 292 УК РФ в условиях реальной совокупности со злоупотреблением должностными полномочиями или превышением должностных полномочий.

В частности, если неисполнение сотрудником правоохранительного органа должностных обязанностей по разрешению принятого и зарегистрированного заявления или сообщения о преступлении (бездействие) соединено с вынесением незаконного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (действие) и при этом установлено, что должностное лицо бездействовало и действовало из корыстной или иной личной заинтересованности, то имеются основания для того, чтобы считать такое преступление единым (состав с альтернативными деяниями²) и квалифицировать как злоупотребление должностными полномочиями. Но, если при тех же обстоятельствах в постановление об отказе в возбуждении уголовного дела должностным лицом внесены заведомо ложные сведения, то такие действия требуют дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 292 УК как служебный подлог³ безотягчающего обстоятельства, предусмотренного ч. 2 ст. 292 УК РФ, тогда как по ст. 285 УК РФ квалифицируется только бездействие в виде умышленного неисполнения должностным лицом своих обязанностей.

Следует учитывать правовую позицию, выработанную в судебной практике: «Совокупность преступлений, предусмотренных статьями 285 и 292 УК РФ, возможна только в случае, когда служебный подлог не входит в объективную сторону злоупотребления должностными полномочиями либо когда каждое из этих преступлений влечет различные общественно опасные последствия»⁴.

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 16.08.2022 № 16-УДП22-13-К4 // СПС КонсультантПлюс.

² «Состав должностного злоупотребления, – пишет П.С. Яни, – нужно рассматривать как состав с альтернативными признаками объективной стороны в виде действий, а также бездействия (если последнее является частью полномочий должностного лица или состоит в неисполнении соответствующих обязанностей)». См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 3 т. Т. 3. Особенная часть (разделы IX–XII) / под науч. ред. К.В. Образиева, Н.И. Пикурова. М.: Проспект, 2023. С. 656.

³ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 13.05.2025 № 77-1122/2025 // СПС КонсультантПлюс.

⁴ См.: надзорное определение Верховного Суда РФ от 16.04.2012 № 33-Д12-2; кассационное определение Верховного Суда РФ от 16.08.2022 № 16-УДП22-13-К4; кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 08.04.2025 № 77-703/2025; постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25.01.2024 № 77-207/2024; постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 05.10.2023 № 77-3476/2023 // СПС КонсультантПлюс;

Поэтому в специальной литературе дается верная рекомендация: «Если последствия причинно связаны со злоупотреблением должностными полномочиями или превышением должностных полномочий, то служебный подлог квалифицируется по ч. 1 ст. 292 УК РФ. Злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий может квалифицироваться по совокупности со служебным подлогом, ответственность за совершение которого предусмотрена в ч. 2 ст. 292 УК РФ, лишь в случае, если злоупотребление или превышение, с одной стороны, и служебный подлог – с другой, повлекли различные по содержанию последствия»¹.

Иначе квалификация одних и тех же последствий по статье о должностном злоупотреблении или превышении и по статье о служебном подлоге будет означать двойное вменение (ч. 2 ст. 6 УК РФ). А квалификация всего содеянного (включая умышленное бездействие должностного лица) только по ч. 2 ст. 292 УК РФ будет противоречить принципу справедливости в другой его части (ч. 1 ст. 6 УК РФ) потому, что квалифицированный состав служебного подлога как преступление средней тяжести не охватывает собой возможных квалифицирующих признаков выражающегося в бездействии злоупотребления как тяжкого преступления (ч. 2 и 3 ст. 285 УК РФ).

Литература

1. Будатаров С.М. К вопросу о получении взятки должностными лицами за незаконные действия (бездействие) // Уголовное право на рубеже тысячелетий: Материалы региональной научно-практической конференции, г. Тюмень, 15 ноября 2005 года. Тюмень: Тюменский юридический институт МВД РФ, 2006. С. 74–77.
2. Иванчин А.В., Каплин М.Н. Служебные преступления: учебное пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2013. 108 с.
3. Комаров В.Б. Предмет взяточничества: дисс. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2018. 213 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 3 т. Т. 3. Особенная часть (разделы IX–XII) / под науч. ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. М.: Проспект, 2023. 984 с.
5. Романова В.В. Служебный подлог: учебное пособие. СПб., 2017. 55 с.
6. Смоляная Н.Г. Дача и получение взятки: уголовно-правовой аспект: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 28 с.
7. Яни П.С. Квалифицированный состав служебного подлога: проблемы вменения // Законность. 2010. № 12. С. 13–16.
8. Яни П.С. Новое постановление Пленума Верховного Суда о взяточничестве // Законность. 2013. № 11. С. 21–26.

Яни П.С. Квалифицированный состав служебного подлога: проблемы вменения // Законность. 2010. № 12. С. 16.

¹ Романова В.В. Служебный подлог: учебное пособие. СПб, 2017. С. 38.

Переход к высокотехнологичному предварительному расследованию: ключевая задача следственных органов

Аннотация. В статье затрагивается наиболее перспективное направление эволюции процессуальной деятельности следователя, охватывающее совершенствование методик его работы с электронными (цифровыми) доказательствами и интеграцию в его профессиональную деятельность новейших информационных технологий. Анализируются основные причины и ключевые аспекты перехода к высокотехнологичному предварительному расследованию. Внимание уделяется теоретическому обоснованию необходимости такого перехода и наиболее оптимальным путям решения данной задачи. Обсуждается неизбежная трансформация процессуальных процедур собирания и использования доказательств с акцентом на их электронную (цифровую) атрибутику и верификацию аутентичности. Автор подчеркивает значительное влияние электронного документооборота и автоматизации действий следователя на общее качество и ускорение предварительного расследования, что способствует повышению его эффективности и сокращению временных затрат.

Ключевые слова: информационные технологии, доказывание, кибербезопасность, расследование преступлений, уголовное судопроизводство, цифровые доказательства, электронный документооборот

Порядок осуществления предварительного расследования регламентирован действующим уголовно-процессуальным законодательством. В условиях современных глобальных вызовов, таких как терроризм, экстремизм, незаконная миграция, необходимость его модернизации приобрела особую значимость¹.

Универсальность процессуальных процедур, присущих данной стадии уголовного процесса, проявляется в их способности адаптироваться к динамически изменяющимся условиям общественной жизни. В контексте глобализации и цифровизации эти процедуры должны демонстрировать высокую степень восприимчивости к достижениям научно-технического прогресса, включая современные информационные технологии и цифровые инструменты².

¹ Богданов А.В., Ильинский И.И., Кудин О.В. Влияние миграционной ситуации в России на терроризм и экстремизм // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 97–108.

² Гурьянов Н.Ю., Гурьянова А.В. Цифровая глобализация в контексте развития цифровой экономики и цифровых технологий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 63–69.

На этом фоне становится очевидной необходимость оптимизации нормативных положений действующего уголовно-процессуального законодательства к реалиям общественной жизни. Предварительное расследование, как и вся сфера уголовного судопроизводства, находится под влиянием цифровой революции, которая в обозримом будущем способна кардинально преобразовать традиционную концепцию доказывания по уголовным делам. Уже сейчас ее трансформация все больше приобретает системный характер, затрагивая все аспекты работы следователя с доказательствами – от методов их обнаружения и фиксации до подходов к их проверке, оценке и дальнейшему использованию. Это обусловлено не только практически повсеместным распространением современных информационных технологий, но и качественным изменением самой сущности доказательств в условиях всеобщей цифровизации общественных отношений.

Еще недавно электронные документы в уголовном судопроизводстве рассматривались как исключение из общего правила, но к сегодняшнему дню они получили практически повсеместное распространение¹. Как следствие, в доказательственную базу по уголовным делам прочно интегрировались электронные носители информации. Однако сам процесс доказывания оказался недостаточно восприимчивым к столь стремительной цифровой трансформации. В отличие от многих других процессуальных институтов он и сейчас сохраняет свою архаичность. Особенно заметной она становится в условиях, где помимо изобилия релевантной криминалистически значимой информации существуют мощные инструменты для манипуляции доказательствами и присутствует риск их искажения. Как следствие, это влечет невозможность их использования в доказывании по уголовным делам. При таком стечении обстоятельств сформировалась потребность в осовременивании предварительного расследования, предполагающем придание ему высокотехнологичного статуса, в первую очередь, через комплексную трансформацию сложившейся системы доказывания по уголовным делам, включая собирание, проверку, оценку и использование доказательств, особенно тех, что представлены в электронной (цифровой) форме².

Данная трансформация предполагает не только систематическое и целенаправленное взаимодействие с доказательствами такого рода, но и актуализацию нормативной базы, подготовку квалифицированных кадров, обеспечение кибербезопасности, а главное – непрерывное и целенаправленное внедрение новых информационных технологий в деятельность следственных органов.

¹ Андреева Ю.И. Электронные доказательства в уголовном процессе // Закон и право. 2025. № 8. С. 147–152.

² Зуев С.В. Высокотехнологичный и (или) виртуальный уголовный процесс: понятия, стандарты, перспективы // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2023. Т. 23. № 1. С. 24–30.

Уместно напомнить, что к неперенным атрибутам электронных (цифровых) доказательств принято относить волатильность, контекстуальную зависимость и технологическую опосредованность¹.

Каждое из этих свойств оказывает существенное влияние на их собиание, анализ и использование в следственной практике. Волатильность электронных (цифровых) доказательств заключается в подверженности изменениям. Это означает, что они могут быть легко модифицированы, что делает их уязвимыми к разного рода фальсификациям и манипуляциям. Данное обстоятельство требует уделять особое внимание защите и верификации электронных (цифровых) доказательств, с тем чтобы обеспечивать их целостность и достоверность. Для этого можно использовать методы хеширования и криптографии с целью подтверждения неизменности данных. Контекстуальная зависимость электронных (цифровых) доказательств подчеркивает значимость сопутствующих метаданных, поскольку информация, лишенная контекста, может быть неполной или искаженной. Метаданные, такие как время создания, изменения и доступа к файлу, помогают установить его происхождение и историю сконцентрированных в нем данных. Это особенно важно для следователей, поскольку от них требуется точное определение места, времени и ряда других обстоятельств расследуемого события. Технологическая опосредованность создает риски утраты доказательств. Постоянное развитие технологий может привести к устареванию носителей информации или потере доступа к данным по причине технических сбоев или изменений в программном обеспечении, что требует регулярного резервного копирования и использования устойчивых технологий хранения данных. Таким образом, электронные (цифровые) доказательства обладают уникальными характеристиками, которые следует учитывать при их собиании, проверке, оценке и использовании². Соответственно этому, только комплексный подход, включающий защиту данных, анализ контекста и использование надежных технологий хранения данных, может обеспечить их эффективное использование в следственной практике.

Данные атрибуты электронных (цифровых) сведений наряду с их иными фундаментальными характеристиками, такими как нематериальная природа, способность к мгновенному изменению, зависимость от программной среды, одновременное существование в нескольких локациях, а также применение специальных методик работы с ними³, предопределяют необходимость

¹ Эльмурзаев А.В., Соболева И.В. Трансформация института доказательств в гражданском процессе в условиях цифровизации правосудия // Human Progress. 2025. Том 11, Вып. 9. URL: http://progress-human.com/images/2025/Tom11_9/Soboleva.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2025-9a1 (дата обращения: 12.04.2026).

² Воронин М.И. Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 8. С. 118–128.

³ Федорова М.Д. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: правовое регулирование и перспективы развития // Социальное управление. 2026. Т. 8, № 1. С. 71–77. URL: <https://smgmt.ru/index.php/smgmt/article/view/335> (дата обращения: 12.04.2026).

дополнения традиционных критериев допустимости доказательств новыми элементами. Помимо соответствия существующим правовым нормам и процедурам доказательства должны отвечать ряду дополнительных требований, ключевым из которых является технологическая прозрачность, предполагающая существование возможности проверки алгоритмов обработки данных¹. Это особенно важно в условиях цифровизации и использования искусственного интеллекта в различных сферах, включая предварительное расследование преступлений. Технологическая прозрачность поможет обеспечить законность, обоснованность и мотивированность принимаемых процессуальных решений, а также сможет предотвратить возможные ошибки и манипуляции.

В эпоху стремительного и повсеместного распространения информационных технологий, с помощью которых те или иные данные могут быть легко изменены или сфальсифицированы, обеспечение цифровой целостности собранных доказательств становится критически важным. Поэтому еще одним важным критерием допустимости должна являться цифровая целостность, предполагающая подтверждение неизменности электронных (цифровых) доказательств. Также они должны отвечать критерию контекстуальной согласованности. Это означает, что метаданные (т. е. информация, являющаяся ключом к пониманию их контекста и происхождения) должны полностью соответствовать основному содержанию каждого электронного (цифрового) доказательства, с тем чтобы исключить вероятность его фальсификации и иных незаконных манипуляций. Таким образом, обеспечение технологической прозрачности, цифровой целостности и контекстуальной согласованности доказательств требует внедрения новых технологий и подходов к осуществлению предварительного расследования по уголовным делам, которое как можно быстрее должно стать высокотехнологичным. Это предполагает разработку и использование специализированного программного обеспечения для проверки алгоритмов, создание стандартов и протоколов для обеспечения цифровой целостности, а также обучение следователей работе с новыми инструментами и технологиями. Таким образом, высокотехнологичное предварительное расследование – это осуществление досудебного производства по уголовным делам с преимущественным применением современных информационных технологий на фоне сохранения его неотъемлемых атрибутов (ценностей), таких как полнота, объективность, всесторонность, законность и др.

В современном мире, где технологии развиваются стремительными темпами, внедрение инноваций в уголовный процесс становится необходимостью. Однако это не означает отказ от основополагающих принципов уголовного судопроизводства. Следственные действия и процессуальные решения следователей должны не только соответствовать действующему законодательству, но и обеспечивать надежную правовую защиту потерпевших от преступлений, а также подвергнутых уголовному преследованию лиц, от необоснованного обвинения, осуждения, ограничения их прав и свобод.

¹ Эльмурзаев А.В., Соболева И.В. Указ. соч. С. 6.

Применение современных информационных технологий в ходе предварительного расследования может существенно повысить его результативность и объективность. Повсеместно внедряемые системы электронного документооборота, например, позволяют ускорить процесс обработки и передачи процессуальных документов, что сокращает сроки расследования. Кроме того, цифровые технологии могут обеспечить быстрый и точный анализ больших объемов данных, что способствует принятию законных, обоснованных и мотивированных процессуальных решений по расследуемым уголовным делам. Вместе с тем при внедрении цифровых технологий в процессуальную деятельность необходимо учитывать ряд факторов. Во-первых, важно обеспечить защиту персональных данных участников уголовного судопроизводства от несанкционированного доступа и утечки. Во-вторых, необходимо разработать и внедрить стандарты и протоколы использования цифровых технологий при расследовании преступлений с тем, чтобы обеспечить их соответствие действующему законодательству, принципам уголовного судопроизводства и общим условиям предварительного расследования. Кроме того, важно обеспечить доступность данных технологий для всех участников досудебного производства, включая судей, прокуроров, потерпевших, адвокатов и обвиняемых. Это позволит повысить эффективность уголовного судопроизводства, а также гарантировать соблюдение прав и свобод всех его участников. Переход на высокотехнологичное предварительное расследование потребует кардинального переустройства его традиционной системы. Это касается не только проведения следственных действий и принятия процессуальных решений, но и соблюдения тайны следствия, защиты персональных данных участников производства по уголовному делу, собирания, проверки и оценки доказательств, в том числе представленных в электронном (цифровом) виде. Необходимы изменения в подходах к работе с криминалистически значимой информацией, в использовании современных технологий для обеспечения полноты, объективности и всесторонности предварительного расследования.

По нашему глубокому убеждению, кардинальные перемены в осуществлении предварительного расследования по уголовным делам неизбежны, а следователи и руководители следственных органов должны быть к этому готовы. Для осуществления успешного перехода на его высокотехнологичный уровень необходимо разрабатывать и внедрять новые стандарты, процедуры и надежные механизмы защиты данных, соответствующие современным требованиям безопасности. Это потребует совместных усилий российских законодателей, правоприменителей, представителей научного сообщества. Кроме того, такие изменения должны учитывать особенности работы с доказательствами, представленными в электронном (цифровом) виде. Необходимо разработать четкие критерии оценки и процедуры использования таких доказательств с тем, чтобы обеспечить их достоверность и объективность. Наконец, переход на высокотехнологичное предварительное расследование должен сопровождаться повышением квалификации самих следователей. Необходимо обеспечить их доступ к соответствующим

образовательным программам и ресурсам с тем, чтобы они могли эффективно использовать новые технологии и методы в своей работе. Все это потребует значительных усилий и ресурсов, но в итоге приведет к повышению качества и эффективности уголовного судопроизводства вообще, а предварительного расследования, в частности, и, соответственно, к укреплению доверия граждан ко всей правоохранительной системе Российской Федерации.

Литература

1. Андреева Ю.И. Электронные доказательства в уголовном процессе // Закон и право. 2025. № 8. С. 147–152.
2. Богданов А.В., Ильинский И.И., Кудин О.В. Влияние миграционной ситуации в России на терроризм и экстремизм // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 97–108.
3. Воронин М.И. Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 8. С. 118–128.
4. Гурьянов Н.Ю., Гурьянова А.В. Цифровая глобализация в контексте развития цифровой экономики и цифровых технологий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 63–69.
5. Зуев С. В. Высокотехнологичный и (или) виртуальный уголовный процесс: понятия, стандарты, перспективы // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2023. Т. 23. № 1. С. 24–30.
6. Федорова М.Д. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: правовое регулирование и перспективы развития // Социальное управление. 2026. Т. 8. № 1. С. 71–77.
7. Эльмурзаев А.В., Соболева И.В. Трансформация института доказательств в гражданском процессе в условиях цифровизации правосудия // Human Progress. 2025. Том 11, Вып. 9.

В.Э. Шунк

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

Проблемные вопросы по оценке умысла руководителя организации при сокрытии денежных средств организации

Аннотация. В статье автор рассматривает сложные вопросы привлечения к уголовной ответственности по ст. 199² УК РФ. Предлагается алгоритм по возможности определения умысла на сокрытие средств организации. Автор указывает на ситуации, при которых может отсутствовать умысел руководителя организации на сокрытие средств организации для погашения недоимки.

Ключевые слова: недоимка, сокрытие средств от взыскания, налоговые преступления, умысел, субъективная сторона преступления

Одним из проблемных вопросов привлечения к уголовной ответственности по ст. 199² УК РФ является соотношение размеров недоимки и сокрытых средств. Если рассматривать ситуацию именно в динамике, а не в статичной фиксации, то решаемые задачи можно сформулировать следующим образом: как квалифицировать сокрытие средств, если в период принудительного взыскания недоимки отрицательное сальдо единого налогового счета (далее по тексту – ЕНС) изменялось с крупного на особо крупный и обратно, а также с некриминального размера до крупного и обратно, а денежные средства сокрыты в особо крупном и крупном размерах соответственно?

После введения ЕНС требование налогоплательщику может выставляться одно и являться динамическим в случае невыполнения налогоплательщиком обязанности по уплате налогов. В связи с этим монографические исследования по соответствующим вопросам налоговых преступлений уже не в полной мере отвечают нуждам и запросам практики¹.

Размер недоимки, указанный в требовании, изначально может не соответствовать крупному размеру. Но размер недоимки всегда отображается в личном кабинете налогоплательщика, исходя из чего последний всегда осведомлен о размере как отрицательного сальдо ЕНС, так и самой недоимки.

Для разрешения вопроса о квалификации по ст. 199² УК РФ необходимо исходить из следующих базовых данных:

1) истек срок, установленный в требовании (п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления»²);

2) преступление может быть продолжаемым исходя из действий налогоплательщика;

3) размер сокрытых средств после истечения срока, указанного в требовании, будет всегда увеличиваться при продолжении действий по сокрытию средств;

4) размер недоимки может изменяться как в большую, так и в меньшую сторону в зависимости от начислений и оплаты;

5) налогоплательщик достоверно знает, что после истечения срока, указанного в требовании, он теми или иными способами в совокупности сокрыл денежные средства или имущество в размере, необходимом для квалификации по УК РФ. Доказательства именно осознания размера сокрытых

¹ См.: Бадзгардзе Т.А. Методика расследования сокрытия денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. С. 7–9; Морозкина И.А. Доказывание в процессе расследования налоговых преступлений, предусмотренных ст. 199.2 УК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 7–9; Лежнин Р.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика налоговых преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 8–10.

² СПС КонсультантПлюс.

средств необходимо будет представить суду (распорядительные письма контрагентам, переуступки прав требования и т.д.);

б) необходимы данные от налогового органа, в какой период недоимка (не отрицательное сальдо по ЕНС, а именно недоимка) составляла более 3,5 (13,5) млн рублей.

Исходя из соответствующих данных, приведем примерный порядок по определению наличия субъективной стороны в составе рассматриваемого преступления:

1) в тот период, когда недоимка была больше 3,5 (13,5) млн рублей, сокрыто именно более 3,5 (13,5) млн рублей (состав преступления, предусмотренный ч. 1 и 2 ст. 199² УК РФ в наличии. Самая простая и не вызывающая сложностей ситуация);

2) в тот период, когда недоимка была больше 3,5 (13,5) млн рублей, сокрыто менее 3,5 (13,5) млн рублей, но с нарастающим учетом сокрытых средств в динамике сокрыто более 3,5 (13,5) млн рублей при сохранении недоимки в размере, большем 3,5 (13,5) млн рублей (по субъективному мнению автора, состав преступления в наличии, так как налогоплательщик осознавал, что в целом сокрыл более 3,5 (13,5) млн рублей и если бы не скрывал, то недоимка была погашена);

3) в тот период, когда недоимка была больше 3,5 (13,5) млн рублей, сокрыто менее 3,5 (13,5) млн рублей, но с нарастающим учетом сокрытых средств в динамике сокрыто более 3,5 (13,5) млн рублей, однако на момент, когда сокрыто более 3,5 (13,5) млн рублей, размер недоимки составил уже менее 3,5 (13,5) млн рублей с учетом платежей налогоплательщика (по субъективному мнению автора, состав преступления в наличии в большинстве случаев, так как налогоплательщик осознавал, что в целом сокрыл более 3,5 (13,5) млн рублей и если бы не скрывал, то недоимка не составила бы более 3,5 (13,5) млн рублей). Но применительно к этой ситуации необходимо учитывать ряд моментов, которые могут существенно влиять на вывод как в подтверждение умысла на совершение преступления, так и нет. В частности:

а) налогоплательщик при наличии недоимки более 3,5 (13,5) млн рублей погашает ее так, чтобы размер недоимки был немногим меньше 3,5 (13,5) млн рублей, и при этом продолжает скрывать средства, расходуя их по платежам 5 очереди ст. 855 ГК РФ (умысел субъекта, как представляется, в наличии, так как лицо умышленно снижает размер недоимки меньше крупного (особо крупного) размеров при наличии средств к погашению недоимки);

б) налогоплательщик при наличии недоимки более 3,5 (13,5) млн рублей погашает ее так, чтобы размер недоимки был немногим меньше 3,5 (13,5) млн рублей, и продолжает скрывать средства, расходуя их по платежам 3 очереди (на выплату текущей заработной платы (теми или иными способами), обязательства по выплате которой возникли после возникновения обязательств по уплате налогов). Данная ситуация является достаточно спорной именно в части выплаты заработной платы именно по платежным, а не по исполнительным документам, так как невыплата зарплаты приводит к ситуации, что организация – налогоплательщик осознанно лишает работников

средств к существованию. Таким образом в ситуации, когда недоимка будет погашаться в динамике на сумму немногим меньше 3,5 (13,5) млн рублей, но последующие факты сокрытия будут связаны только с выплатой заработной платы (частичной или полной), суд может оценить это как отсутствие умысла на сокрытие именно в крупном (особо крупном) размере;

в) налогоплательщик при наличии недоимки более 3,5 (13,5) млн рублей одномоментно погасил ее существенно (например, недоимка составила несколько десятков тысяч рублей по отношению к первоначальному размеру недоимки применительно к ч. 1 ст. 199² УК РФ или 4 млн рублей – применительно к ч. 2 ст. 199.2 УК РФ), продолжая при этом скрывать средства и сокрытие составило больше 3,5 (13,5) млн рублей. С учетом длительности периода нарастания размера скрываемых средств, можно будет прийти к выводу об отсутствии умысла. Но необходимо будет принимать во внимание доказательства, подтверждающие, что субъект преступления не знал и или не мог знать о том, что его организации должны поступить в короткий промежуток времени средства, сокрытие которых составит более 3,5 (13,5) млн рублей. И при этом обязательно необходимо заострить внимание на том, что если одномоментное погашение недоимки в изначальном размере более 13,5 млн рублей приведет к снижению недоимки например до 4 млн рублей, то в дальнейшем это может исключить уголовную ответственность по ч. 2 ст. 199² УК РФ при указанных обстоятельствах, но потенциально сохранится возможность квалифицировать действия лица по ч. 1 ст. 199² УК РФ (опять же при дальнейших действиях по сокрытию средств). При отсутствии и достаточности средств умысел может отсутствовать.

Как видно из приведенного анализа, рассматриваемые с позиции правоприменительной деятельности ситуации всегда будут являться индивидуальными. В рамках как научного, так и образовательного процесса алгоритм применительно к каждой из них прописать объективно невозможно. Вместе с тем в рамках настоящей статьи предложен основанный на авторском взгляде механизм, который направлен на определение возможности привлечения к уголовной ответственности по ст. 199² УК РФ при рассмотрении вопросов в динамике соотношения роста размера недоимки и сокрытия средств для ее погашения.

Литература

1. Бадзгардзе Т.А. Методика расследования сокрытия денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. 28 с.
2. Морозкина И.А. Доказывание в процессе расследования налоговых преступлений, предусмотренных ст. 199² УК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 24 с.
3. Лежнин Р.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика налоговых преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 30 с.

Использование сведений, полученных с применением систем искусственного интеллекта, в доказывании

Аннотация. В статье исследуется проблематика использования сведений, обработанных системами искусственного интеллекта (далее – ИИ), в качестве доказательств по уголовным делам. Проанализировано влияние алгоритмов ИИ на организацию работы следователей, в частности на существенное сокращение временных затрат при обработке больших массивов разрозненной информации. Подчеркивается необходимость закрепления и верификации ИИ-сведений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовный процесс, допустимость доказательств, достоверность доказательств, следственная деятельность, обработка больших данных, цифровые доказательства

Сегодня мы находимся на этапе глубокой интеграции информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) в уголовный процесс, где технологические системы становятся не просто вспомогательным инструментом, а неотъемлемой частью его функционирования. Создание национальных и международных систем, объединяющих данные о совершенных и расследуемых преступлениях, подозреваемых, доказательствах, процессуальных решениях позволяют повысить эффективность межведомственного взаимодействия и ускорить расследование трансграничных преступлений. Системы видеоконференцсвязи упрощают процессуальное взаимодействие, дают возможность проводить допросы, судебные заседания и другие процессуальные действия с участием лиц, находящихся на значительном расстоянии. Современные ИКТ, использующие алгоритмы машинного обучения, позволяют анализировать статистические и иные данные для прогнозирования мест и времени совершения преступлений, что оптимизирует работу правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

В то же время следует отметить, что до настоящего времени правовые вопросы применения систем ИИ в процессе расследования преступлений остаются не урегулированными. Не решены вопросы допустимости использования как самой технологии ИИ, так и результатов ее применения на различных стадиях уголовного судопроизводства.

Важным аспектом, где применение ИИ наиболее эффективно, являются стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Именно здесь компетентные органы проводят экспертизы, обыски и другие следственные действия, связанные с применением технических средств.

Неразрывная связь процесса расследования преступления и использования ИИ состоит в специфической совокупности познавательных операций и свойств личности участников уголовного судопроизводства. В первую очередь это касается упрощения и ускорения их работы путем применения

автоматизации, поиска цифровых и иных доказательств посредством задействования систем ИИ. Речь идет о поиске, анализе, проверке, подсчете, сравнении и других операциях, которые ускоряют работу следователя, позволяя ему формировать доказательственную базу.

О положительном эффекте применения систем ИИ в расследовании преступлений не раз высказывались в своих работах отечественные ученые. Например, Б.Я. Гаврилов указывает на перспективы использования технологий ИИ в уголовно-процессуальной деятельности, отмечая «алгоритмы по рассмотрению сообщений о преступлении и использования технологических и процессуальных решений в ч.1 ст. 145 УПК РФ»¹.

А.А. Бессонов, являясь создателем программы по поиску серийного подозреваемого, говорит о «внедрении новых разработок и методов расследования преступлений с использованием искусственного интеллекта»².

В.Ю. Толстолицкий описывает использование программы, основанной на алгоритмизации данных («ФОРВЕР») в процессе взаимодействия следователя и оперативных сотрудников, которая «имеет большое практическое значение, позволяющее сокращать временные издержки»³.

В то же время проблема допустимости применения систем ИИ в процессе формирования доказательств остается недостаточно исследованной. УПК РФ определяет понятие доказательства в ст. 74, указывает их источники. Также ключевыми в контексте рассматриваемой проблемы являются ст. 73 (предмет доказывания), ст. 75 (недопустимые доказательства), ст. 86 (собирающие доказательства), ст. 87, 88 (проверка и оценка доказательств). Однако при этом следует отметить, что ни в одной из перечисленных статей УПК РФ нет упоминания об информационных технологиях, электронных или цифровых доказательствах и тем более системах искусственного интеллекта.

По нашему мнению, значимой проблемой является отсутствие нормативного закрепления допустимости использования следователем перечисленных технологий, поскольку, несмотря на то, что законодатель практически не

¹ Гаврилов Б.Я. К вопросу использования информационных технологий в досудебном уголовном производстве // Высокотехнологичное право: точка бифуркации: материалы V Международной научно-практической конференции. В 3-х частях, Москва-Красноярск, 15-16 февраля 2024 года. Москва: Московский институт электронной техники, 2024. С. 15–22.

² Бессонов А.А. Использование алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистическом изучении преступной деятельности (на примере серийных преступлений) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 2. С. 45–53.

³ Толстолицкий В.Ю., Казарян К.С. Использование компьютерной программы «ФОРВЕР» в процессе взаимодействия следователя и сотрудников органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2 (13) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-kompyuternoy-programmy-forver-v-protssesse-vzaimodeystviya-sledovatelya-i-sotrudnikov-organa-osuschestvlyayuschego> (дата обращения: 11.04.2026).

уделяет внимания правовому регулированию использования ИКТ в расследовании, цифровизация активно внедряется в правоприменительную практику следственных органов, а системы искусственного интеллекта постепенно становятся неотъемлемым элементом процесса расследования преступлений.

В федеральном законодательстве представлено следующее понятие: «искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений»¹. Из приведенного определения видно, что системы ИИ представляют собой разновидность технических средств, а действующий УПК РФ отражает подход к их использованию в ч. 6 ст. 164 УПК РФ, которая предусматривает возможность применения следователем технических средств и способов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств.

Отсутствие упоминания в УПК РФ ИКТ, а также порядка их применения является существенным недостатком, который отражается на возможности их использования в доказывании, приводит к неоднозначности толкования законодательных положений о формировании доказательственной базы, а также проблемам оценки допустимости получаемых с их помощью доказательств. Определение границ возможностей технических средств и систем, способных на когнитивный, глубокий анализ также является одним из актуальных вопросов, поскольку очень трудно установить момент, когда техническое устройство становится самостоятельной системой, способной интерпретировать полученные данные и принимать самостоятельные решения. В этом случае система ИИ приобретает свойство так называемой «эболаративности», то есть способности ИИ к самовосприятию и обучению, даже без поставленных ранее оператором задач. Следовательно, система будет способна сама «генерировать» доказательства, что противоречит смыслу доказывания как деятельности уполномоченных на это процессуальных субъектов. В этом отношении можно согласиться с мнением А.С. Шаталова, который отмечает, что «следователю необходимо убедиться в аспектах их подлинности и целостности доказательств, без использования подделок или умышленных изменений»².

¹ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС КонсультантПлюс.

² Шаталов А.С. Роль, сущность и значение цифровых (электронных) доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного ун-та. 2024.

Таким образом, применение систем ИИ в расследовании не должно приводить к подмене доказательственной деятельности использованием алгоритмов и «генерированию» доказательственной базы, а лишь к автоматизации деятельности следователя посредством этих систем. Речь должна идти не об использовании следователем результатов функционирования внешней по отношению к процессу расследования системы искусственного интеллекта (по аналогии с запросами органам и организациям, использованию открытых и закрытых сервисов в сети Интернет), а об осознанной деятельности субъекта доказывания в рамках существующей системы правового регулирования.

Например, следователь, собирая первоначальную информацию о совершенном преступлении, постепенно превращает ее в массив, который можно условно назвать «датасетом» для обучения моделей систем искусственного интеллекта. Так, в ответ на запрос в Московскую академию Следственного комитета имени А.Я. Сухарева от 24.01.2025 года следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Челябинской области сообщило о существенной помощи цифровых технологий в решении задач, поставленных перед органами предварительного расследования, а именно обеспечении возможности обработки массивов мультимедийной информации путем использования в практической деятельности инструментов анализа фото- и видеоизображений с использованием возможностей искусственного интеллекта (нейросетей). Так, в ходе осуществления поисков без вести пропавшего несовершеннолетнего М. в Челябинской области применялись БПЛА, которыми было сделано свыше 20 000 снимков местности в районе поисков мальчика. Совместные усилия сотрудников правоохранительных органов и волонтерских организаций в виде прочесывания местности положительного результата не принесли. Вместе с тем привлеченными к поиску представителями частных организаций были подвергнуты анализу и обработке с использованием программ искусственного интеллекта полученные с БПЛА массивы фотоснимков. В результате определены участки местности (точки), в которых мог находиться пропавший. В дальнейшем М. обнаружен в одной из определенных искусственным интеллектом точек. В ходе поисков использовался высокоэффективный сценарий применения современных технологий в поисково-спасательных работах (использование автоматизации анализа снимков БПЛА, при котором сделаны множество фотоснимков за один полет). ИИ (часто на базе алгоритмов типа YOLO) обрабатывает их за считанные минуты, отсеивая кадры без искомых объектов, что экономит часы работы волонтеров. Высокая точность обнаружения позволила распознать силуэт человека, одежду, а также предметы на снимках с высоты (даже если человек находится в бессознательном состоянии). Системы, способные определить место и зафиксировать искомые

объекты, получить приметы внешности (биометрические идентификаторы), помогают правоохранительным органам в подобных ситуациях.

Наряду с традиционным может быть применен информационно-технологичный подход, основанный на применении нейронных сетей для анализа моделей уже успешно расследованных уголовных дел. Анализ моделей механизма совершения преступлений с описанием базовых элементов может повысить эффективность процесса расследования, а связь между элементами позволит установить лицо, причастное к совершению преступления. Подобная практика уже формируется. Так, на семинаре по обмену опытом, организованном 10.03.2025 кафедрой информационных технологий и организации расследования киберпреступлений факультета криминалистики Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, следователь (по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий) второго отдела по расследованию особо важных дел (о преступлениях против государственной власти и в сфере экономики) следственного управления СК России по Ростовской области выступила с докладом «Применение искусственного интеллекта в ходе расследования уголовных дел». В своем выступлении следователь привела пример удачного использования алгоритмов ИИ для разработки тактики следственных действий, требующих знания специфики ценообразования по уголовному делу, связанному с мошенничеством при продаже автомобилей.

Несомненно, использование новых технологий в расследовании преступлений должно быть в рамках действующей нормативно-правовой базы. Одна из рекомендаций следователям – это соблюдение законности процедур при идентификации лиц по видео/фото с помощью нейросетей. Не подвергается сомнению допустимость использования, если применяется сертифицированное программное обеспечение, не нарушающее права граждан. Необходимо помнить о процессуальном оформлении результатов, полученных с помощью нейросетей (например, анализ больших массивов данных, сравнение изображений). Соответствующие сведения должны найти закрепление в протоколах осмотра, заключениях эксперта или специалиста, иных документах.

Литература

1. Бессонов А.А. Использование алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистическом изучении преступной деятельности (на примере серийных преступлений) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 2. С. 45–53.

2. Гаврилов Б.Я. К вопросу использования информационных технологий в досудебном уголовном производстве // Высокотехнологичное право: точка бифуркации: материалы V Международной научно-практической конференции. В 3-х частях, Москва-Красноярск, 15-16 февраля 2024 года. Москва: Московский институт электронной техники, 2024. С. 15–22.

3. Толстолуцкий В.Ю., Казарян К.С. Использование компьютерной программы «ФОРВЕР» в процессе взаимодействия следователя и сотрудников органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2. С. 242–246.

4. Шаталов А.С. Роль, сущность и значение цифровых (электронных) доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С 231–237.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бардин Иван Валерьевич, руководитель второго отделения (контроля за следственными органами) контрольно-следственного отдела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Свердловской области, подполковник юстиции (SPIN-код, ORCID: отсутствуют).

Быкова Елена Георгиевна, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции (SPIN-код: 2366-2150, ORCID: 0000-0003-3850-9366).

Валов Сергей Владимирович, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции (SPIN-код: 1945-0663, ORCID: 0000-0003-0695-7009).

Галдин Максим Владимирович, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Новосибирского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, полковник юстиции (SPIN-код: 3070-0250).

Журавлев Илья Анатольевич, старший следователь по особо важным делам отделения по расследованию преступлений, совершенных должностными лицами правоохранительных органов, четвертого следственного управления (с дислокацией в городе Екатеринбург) Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции (SPIN-код, ORCID: отсутствуют).

Захарова Валентина Олеговна, заведующий кафедрой управления и психологии следственной деятельности (Высшие академические курсы) факультета повышения квалификации Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции (SPIN-код: 4415-0682).

Иванова Лидия Алексеевна, профессор кафедры управления следственной деятельности (Высшие академические курсы) факультета повышения квалификации Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, доцент кафедры акушерства и гинекологии Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова, доктор медицинских наук, доцент (SPIN-код автора: 1569-8842).

Казаков Александр Алексеевич, заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции (SPIN-код: 4049-3016, ORCID: 0000-0003-0021-0350).

- Корешников Дмитрий Сергеевич**, преподаватель кафедры уголовного права имени М.И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (SPIN-код: 1877-5664, ORCID: 0009-0007-7643-8796).
- Лежнев Евгений Валерьевич**, следователь по особо важным делам первого следственного отдела четвертого следственного управления (с дислокацией в городе Екатеринбург) Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, подполковник юстиции (SPIN-код, ORCID: отсутствуют).
- Лунина Наталья Николаевна**, старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, судья в почетной отставке, 5 классный чин (SPIN-код: 9157-6933).
- Малышев Дмитрий Сергеевич**, следователь по особо важным делам второго следственного отдела четвертого следственного управления (с дислокацией в городе Екатеринбург) Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции (SPIN-код, ORCID: отсутствуют).
- Мохирев Евгений Денисович**, старший следователь шестого отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Свердловской области, капитан юстиции (SPIN-код, ORCID: отсутствуют).
- Незнамова Зинаида Александровна**, заведующий кафедрой уголовного права имени М.И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, доктор юридических наук, профессор (SPIN-код: 8508-7895).
- Озеров Игорь Николаевич**, заведующий кафедрой судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции (SPIN-код: 2615-6053, ORCID: 0000-0002-7850-0772).
- Османова Надежда Валерьевна** – декан факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент (SPIN-код: 4686-8031).
- Петраков Сергей Викторович**, заведующий кафедрой управления следственной деятельности (Высшие академические курсы) факультета повышения квалификации Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции (SPIN-код: 5626-6680).
- Пшеничнов Илья Михайлович**, старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук, майор юстиции (SPIN-код: 6373-6588).

- Радкович Сергей Николаевич**, заместитель Уральского транспортного прокурора, старший советник юстиции (SPIN-код, ORCID: отсутствуют).
- Скороходов Артём Константинович**, ассистент Академического департамента Школы права и управления Тюменского государственного университета, кандидат юридических наук (SPIN-код: 4277-1175, ORCID: 0000-0003-3766-8488).
- Ткачев Игорь Олегович**, доцент кафедры уголовного права имени М.И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, кандидат юридических наук, доцент (SPIN-код: 7652-7410, ORCID: 0000-0003-4546-7010).
- Хромов Евгений Владиленович**, прокурор Гаврилово-Посадского района прокуратуры Ивановской области, почетный работник прокуратуры Российской Федерации, доцент Ивановского филиала ФГБОУ ВО РЭУ имени Г.В. Плеханова, кандидат юридических наук, кандидат технических наук, советник юстиции (SPIN-код: 6283-8289).
- Шарапов Роман Дмитриевич**, профессор кафедры управления следственной деятельности (Высшие академические курсы) Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, доктор юридических наук, профессор (SPIN-код: 6426-6056).
- Шаталов Александр Семенович**, профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук (SPIN-код: 3545-1840).
- Шунк Виктория Эдуардовна**, доцент кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат юридических наук (SPIN-код автора: 9798-1926).
- Яким Алина Дмитриевна**, аспирант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, старший лейтенант юстиции (SPIN-код: 4766-8854).

СОДЕРЖАНИЕ

III Всероссийская научно-практическая конференция «Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекомендации по их решению»	3
Резолюция III Всероссийской научно-практической конференции «Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекомендации по их решению»	11
Бардин И.В. Уголовно-правовые и процессуальные аспекты расследования уголовных дел, связанных с эксплуатацией аварийного жилищного фонда	15
Быкова Е.Г. Проблема разграничения демонстративного самоповреждения и самоубийства как последствия преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ	21
Валов С.В. Особенности содержания и формы постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с истечением срока давности	26
Галдин М.В. Обеспечение обязанности обвиняемого предоставить образцы для сравнительного исследования	32
Журавлёв И.А. Проблемы выбора формы хищения при уголовно-правовой оценке посягательства на денежные средства организации с государственным или муниципальным участием (на основе материалов конкретного уголовного дела)	37
Захарова В.О. К вопросу о некоторых типичных следственных ошибках по уголовным делам о преступлениях, совершенных с участием несовершеннолетних	44
Иванова Л.А. Проблема использования регламентирующих документов при проведении судебно-медицинской экспертизы	50
Казаков А.А. О соединении уголовных дел в случае неосторожного сопричинения вреда: к вопросу о допустимости распространительного толкования уголовно-процессуальных норм	55
Корешников Д.С. О проблеме определения критериев конкретизированности обвинения	62
Лежнев Е.В. К вопросу о допустимости производства следственных действий на этапе ознакомления с материалами уголовного дела	67
Лунина Н.Н. Постановление о возбуждении уголовного дела: анализ правоприменительной практики кассационных судов общей юрисдикции и Верховного Суда Российской Федерации	72
Малышев Д.С. О некоторых проблемах правовой оценки деяний, сопутствующих налоговому преступлению, уголовное преследование в связи с которым прекращено	78

Мохирев Е.Д. Некоторые проблемы возмещения ущерба при расследовании уголовных дел об уклонении от уплаты налогов (ст. 199 УК РФ)	86
Незнамова З.А. Уголовно-правовая оценка майнинга: настоящее и будущее	94
Озеров И.Н. Отождествление личности в особых условиях	102
Османова Н.В. Построение института уголовного преследования сквозь призму формирования правового государства	108
Петраков С.В. Отрицательное сальдо единого налогового счета и ущерб от налогового преступления: соотношение размеров, порядок прекращения уголовного дела о налоговых преступлениях	112
Пшеничнов И.М. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: проблемы квалификации и доказывания	116
Радкович С.Н. О некоторых вопросах цифровизации уголовного процесса	122
Скороходов А.К. Перспективы квалификации фальсификации доказательств, совершаемой оперативными сотрудниками, по ч. 3 ст. 294 УК РФ	126
Ткачев И.О. Спорные вопросы квалификации хищения газа	130
Хромов Е.В. Оказание услуг в сфере косметологии, не отвечающих требованиям безопасности	137
Шарапов Р.Д. Служебный подлог: типичные ошибки квалификации	143
Шаталов А.С. Переход к высокотехнологичному предварительному расследованию: ключевая задача следственных органов	150
Шунк В.Э. Проблемные вопросы по оценке умысла руководителя организации при сокрытии денежных средств организации	155
Яким А.Д. Использование сведений, полученных с применением систем искусственного интеллекта, в доказывании	159
Сведения об авторах	165

ПРИМЕНЕНИЕ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПРАКТИКЕ
СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ
ПО ИХ РЕШЕНИЮ

Материалы III Всероссийской научно-практической конференции

(Екатеринбург, 20-21 мая 2026 года)

Редакционная коллегия обращает внимание, что статьи
представлены в авторской редакции. Ответственность за
аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а
также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности
несут авторы публикуемых материалов

Подписано в печать 26.06.2026

Техническое редактирование,
компьютерная верстка – И.Д. Нестерова
Печать – Н.Л. Колтунов, Р.В. Гришин

Формат 60х90 1/16
Усл. печ. л. 11,25
Тираж 30 экз.
Печать офсетная
Заказ № 549

Отпечатано в типографии Московской академии
Следственного комитета имени А.Я. Сухарева,
ул. Врубеля, д. 12